

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2016

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- С.Е. Фёдоров** — Что скрывалось под понятием «аристократия» в XVII в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.В. Ковалёв, В.С. Мирзеханов** — Давид Давидович Гримм 19

ПУБЛИКАЦИИ

- В.Л. Ченакал** — Оптические инструменты Симона Плёсла в России в первой половине XIX века. Публикацию подготовила **Е.М. Лупанова** 34

СООБЩЕНИЯ

- Г.Н. Ульянова** — Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве в XIX — начале XX в. 49
- М.С. Шаповалов** — Еврейский вопрос в британском парламенте в 1900—1917 гг. 76
- К.Б. Назаренко** — Административная система Русской Финляндии в 1760—1810-е гг. 86

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- А.В. Збоев** — Позиции стран Антигитлеровской коалиции по вопросу о бомбардировках Болгарии в 1943—1944 гг. 96

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- А.Н. Нестеренко** — Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии 103

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- И.В. Обьедков** — Алексей Алексеевич Брусилов и его учеба в Пажемском корпусе в 1867—1872 гг. 115

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.Н. Еремеева** — Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914—1917 гг.) 132
- Ф. Бахшалиев** — Образование русских поселений в Азербайджане и их дальнейшая судьба 142

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- О.В. Серова** — Отношения России со Святым Престолом в XIX в. 148

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В.В. Суховерхов** — История Испании. От войны за испанское наследство до начала XXI века 162
- О. Нагорная** — В.А. Ватлин. Советское эхо в Баварии. Историческая драма 1919 г. в шести главах, пяти картинах и двадцати документах 168
- А.А. Митрофанов** — Э. де Варескьель. Фуше: молчание спрута 169

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Что скрывалось под понятием «аристократия» в XVII в.

С.Е. Фёдоров

Аннотация. На основе анализа бинарных англо-латинских словарей конца XVI—XVII в. в статье показаны особенности формирования «новой» социальной терминологии. Подчеркивая сохраняющуюся популярность аристотелевского определения аристократии (форма правления наилучших), автор статьи показывает, как лексикографы толковали два ее основных элемента. В то время как первый элемент аристотелевской формулы оставался неизменным, ее второй элемент претерпел существенные изменения. Сдвиг, определившийся заменой античных (средневековых) ценностей ренессансным восприятием благородного статуса, привел к конкретизации представлений о возможных границах группы.

Ключевые слова: раннестюартовская Англия, лексикография, латино-английские словари, аристократия, титулованная знать, рыцарство.

Abstract. Analysing main Latin-English and English-Latin dictionaries current for late XVIth and XVIIth centuries, the article demonstrates particular trends in coining new social terminology. Emphasizing certain currency of Aristotle's definition of aristocracy as a government by those considered to be the best, the author shows how both elements of Aristotle's formula were construed by lexicographers. While the first part of definition (form of government) was semantically stable, the second one (the best) underwent substantial transformation. The shift from the ancient (medieval) values to the Renaissance perception of noble status resulted in specification of what suppose to be group limits.

Key words: Early Stuart England, lexicography, Latin-English dictionaries, aristocracy, titled nobility, knighthood.

Область терминологических обобщений обладает завидной притягательной силой для историка, занятого реконструкцией социальных явлений прошлого. Связанная с необходимостью выравнивания по меньшей мере двух культурно-исторических контекстов — собственно реконструируемого и современного авторского — она составляет исходную часть научных теорий и гипотез, но оказывается при этом наиболее уязвимой и открытой для последующей критики сферой исследовательского опыта.

Фёдоров Сергей Егорович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: s.fedorov@spbu.ru.

Fyodorov Sergey E. — doctor of historical sciences, professor of Medieval History. Institute of History. St. Petersburg State University. E-mail: s.fedorov@spbu.ru.

Историк, вынужденный оперировать понятной для его времени и окружения терминологией, подчас «приподнимает» анализируемые явления над хронологической нишей, в рамках которой они функционировали. Так произошло в свое время со средневековым нобилитетом, который под влиянием определенных словообразовательных процессов постпетровской России был уподоблен русскоязычной аналогии «дворянство», лишь только в общих чертах отражавшей специфику западноевропейского материала.

История с использованием понятия «аристократия» для идентификации соответствующих реалий средневекового общества начинается, очевидно, на рубеже XVII—XVIII вв. с постепенного отказа от значения, закрепленного за ним еще Аристотелем, как известно, связывавшим его смысловые границы скорее с формой государственного правления, нежели со сферой социальных институтов общества¹. На смену отходившему в прошлое значению пришло сформулированное Ш. Монтескье определение с его главным акцентом на признаках социальной солидарности и группового иммунитета².

Это значение, усвоенное западными историками XIX в., легко адаптировалось в научном языке индустриального общества и затем весьма успешно интерполировалось для характеристики социальных процессов прошлого. Так аристократия стала неотъемлемым элементом социальной системы западноевропейского общества как «старого порядка», так и того, что приходит ему на смену.

Русскоговорящий историк, пишущий о социальных реалиях европейского общества средних веков и раннего Нового времени, ориентируясь на опыт своих западных коллег, попадал под влияние характерных для их языковой практики смысловых параллелей. Он также отталкивался от значений термина, смысловые границы которого закрепились в конце XVIII в., и затем конструировал желаемые соответствия для более отдаленных эпох. Получаемая аналогия оказывалась близкой в общих чертах реалиям и понятной языку и культуре позапрошлого века, но, как представляется, не обязательно соответствовала значению, которое вкладывали в это понятие очевидцы реконструируемых реалий.

Помимо влияния, которое отечественная историческая наука испытывает, обобщая опыт западной историографии, определенную роль играют независимые по сути словообразовательные процессы, происходящие в русском языке. Активная «интернационализация» повседневной лексики, усилившаяся в первой половине XIX в., способствовала не только переносу, но и закреплению иноязычной практики. Так, уже в словаре В.И. Даля у термина «аристократия» античный контекст значительно ослаблен; при этом внутренняя структура новообразованного значения по аналогии с романскими и германскими параллелями существенно расширена.

Как следует из современных работ по истории аристократии дореформенной России, их содержание вобрало в себя как традицию первой половины XVIII в., подразумевавшую под этой социальной группой «вельмож, знать, высших бояр, окольных, высшее сословие по праву рождения, родовую знать», так и, по всей видимости, опыт конца XVIII — начала XIX в., когда понятие «аристократия» уже включало в себя «все дворянство вообще» или как минимум «дво-

рянство титулованное (князья, графы) и знатнейшие столбовые роды». Тогда же выделялись дополнительные значения — «аристократия богатства» и «аристократия учености»: оказалось, что «во всяком сословии и звании могут быть своего рода аристократы, считающие себя от природы и без заслуг выше других». «Аристократы династии» утратили к этому времени свои позиции и влияние; к противоречиям, характерным для потомков боярской знати, в последнюю треть XVIII в., видимо, добавилось осознание собственной значимости «аристократов образованности и духа»³. Общую схему описания аристократии настойчиво повторяют и современные словари русского языка, выделяя в качестве двух главных показателей «аристократизма» родовитость, а затем привилегированность.

Англоязычная традиция использования термина «аристократия» в основных чертах соответствует общей логике развития нашей — отечественной. Определение Аристотеля постепенно утрачивало доминирующее значение в начале XIX в., уступая место толкованиям, связанным с представлениями Монтескье. Уже в словаре Д. Вуда⁴ наблюдается четкая тенденция видеть в аристократии особым образом оформленную группу, по определенным признакам допускавшую ее отождествление со знатью или, во всяком случае, с ее титулованной частью; наметившиеся особенности в интерпретации основного значения понятия «аристократия» закрепляются и в наиболее авторитетном издании — Большом Оксфордском словаре английского языка.

Означает ли это, что современная историография настойчиво использует термин «аристократия», смысловой контур которого оформился уже в Новое время, но отсутствовал как в пределах, очерченных античной греко-латиноязычной средой, так и в рамках, характерных для ученой культуры латинского Средневековья?

Отсутствие в словарном запасе англичан первой половины XVII в. эквивалента французского «aristocrate»⁵, введенного Монтескье и производного от него или собирательного «aristocratie», казалось, не смущало специалистов, вводивших такие научные определения аристократии, которые, по существу, «реанимировали» явление через ретроспективный и гипотетически заданный набор признаков. Таковыми оказывались либо сумма критериев, соответствовавших реалиям начала позапрошлого столетия, либо параметры, бывшие результатом искусственного научного моделирования.

Предпочтение критериев, характерных для социального опыта XIX столетия, приводило к смещению необходимых акцентов, а попытки раскрыть смысл понятия «аристократия» через определенную синонимию с понятием «дворянство» естественным образом искажало факты.

Остальные закрепляемые за термином «аристократия» значения обычно зависели от специфики тех областей, на которых сосредоточивался научный интерес создававших эти значения историков. Многие определялось также группами источников, которыми оперировали ученые. Ряд отечественных специалистов (частично А.Н. Савин, более определенно — Е.А. Косминский, В.Ф. Семёнов, С.И. Архангельский, В.М. Лавровский, М.А. Барг, Ю.М. Сапрыкин)⁶, равно как представители западной историографии (Р. Тоуни, Л. Стоун, Д. Кэридж, Д. Хаббакук, Д. Буш)⁷, известные своими изысканиями в со-

циально-экономической истории, видели в аристократии, прежде всего, крупных земельных собственников, располагавших иммунитетными привилегиями и достаточным материальным благополучием для поддержания соответствующего их статусу образа жизни. Х. Тревор-Ропер, Д. Повис⁸ расширяли состав аристократии за счет преуспевающего джентри, по экономическим показателям сопоставимого со знатью. Последователи историко-правовой школы (Д. Эллис, Р. Палмер)⁹ усматривали в аристократии, главным образом, титулованную знать, обладавшую в Англии известными сословными привилегиями.

Ученые, занятые изучением властных или более широко — административно-государственных институтов — предпочитали рассматривать аристократию как политическую элиту, обладавшую преимущественно на осуществление в обществе особых полномочий¹⁰. В том или ином варианте предлагаемые специалистами определения акцентировали существование особого рода признаков (крупная земельная собственность, пэрское право, доступ к властным полномочиям), сам факт присутствия которых мыслился решающим для выделения внутригрупповой связи.

Таким образом, каждая группа исследователей стремилась обосновать свое понимание аристократии, исходя при этом из специфической подборки источников. Общим недостатком социально-экономического направления (за исключением работ Р. Тоуни) было пренебрежение или же выборочное (иногда просто тенденциозное) использование материалов культурно-исторического порядка, в том числе свидетельств самих современников. Можно говорить даже об определенной логике препарирования и последовательности приводимых иллюстраций. Для периода, предшествовавшего стюартовскому правлению, использовались классические трактаты Т. Старки, Т. Смита и Т. Уилсона, связанные между собой определенными концептуальными заимствованиями. Из авторов XVII в. доверием пользовались Т. Гоббс, Д. Гаррингтон, реже Д. Селден. Различия культурно-исторического плана, характерные для названных авторов, в этом случае не учитывались.

Условность воссозданной таким образом системы «коллективных» представлений обеспечивала необходимую преемственность, облегчавшую «привязывание» основной модели социальной мобильности, в рамках которой кризис или упадок старой столичной тюдоровской аристократии был уравновешен притоком стремящегося к аноблированию провинциального джентри. Социальный баланс подкреплялся соответствующим анализом земельных институтов отмиравшей знати и скрупулезным исследованием владельческих приобретений теснивших ее деревенских джентльменов. Общий комплекс гарантий, позволявших отождествлять конкретных персонажей с аристократией, оставался незыблемым, а крупная земельная собственность была в этом случае решающим критерием для искомого соотношения.

Сторонники историко-правового направления использовали для своих построений юридические трактаты, сборники судебных решений, желая тем самым обосновать известное представление об аристократии как юридически оформленной группе. Наиболее ценным в такой интерпретации оказывалось положение, в рамках которого отчетливо высвечивался правовой барьер, разделявший английскую знать на две категории.

Пэрство действительно представляло собой в юридическом отношении более или менее независимую группу, положение которой отличалось от оставшейся части знати привилегиями, оформленными в виде норм пэрского права. Теоретическая часть этой концепции была отработана без видимых изъянов. Вместе с тем, хорошо известно, что к началу стюартовского правления определенная часть этих привилегий стала простой формальностью и на практике просто не соблюдалась. Ряд пэрских иммунитетов действовал исключительно в период парламентской сессии. Условность использования юридических критериев, таким образом, также очевидна.

Функционалисты, или сторонники властного подхода, оказывались значительно ближе к истине, поскольку их выводы основывались на анализе источников, позволявших реконструировать культурно-исторический фон, в рамках которого функционировала раннестюартовская монархия, а их определение аристократии оказывалось созвучным тому смыслу, который вкладывали в это понятие Аристотель и вся следовавшая за ним традиция. Особенностью такого подхода оказывалось то, что ни предшествующая, ни собственно раннестюартовская традиция употребления самого понятия их попросту не интересовала: кажущийся внешне объективным вывод был результатом применения современных функционалистских методик.

Уместен ли термин «аристократия» для социальных реалий первой половины XVII в., существовала ли группа, за которой может быть закреплено то значение, которое видел в нем Монтескье и вся вторившая ему современная традиция, — это вопрос, ответ на который теряется в смысловом поле современных исследований.

Раннестюартовская Англия была, несомненно, уникальным периодом в английской истории — в этом единодушны практически все занимавшиеся этой эпохой ученые. Неповторимость была порождением двух векторов исторической эволюции. С одной стороны, при Якове I и Карле I завершалась длительная эволюция средневековых социальных институтов, с другой, — начиналось движение к групповым отношениям индустриального общества.

Социальные реалии утверждаются в терминах, при помощи которых современники обозначают характерное для их эпохи видение предмета. Парадокс состоит в том, что лексикографическая традиция XVI—XVII вв., обобщенная и систематизированная ею сумма значений за редким исключением продолжают оставаться уделом филологов и лингвистов. Современные методики препарирования обильного и разнообразного материала опубликованных источников, доступность архивных коллекций освобождают историков раннего Нового времени от необходимости общения со словарным материалом. Между тем, именно в лексикографической традиции тех лет содержится полноценный информационный пласт, способный во многом пролить свет на любые явления социального порядка. В особенности это касается тех словарей, которые содержат латинские термины и их английские эквиваленты. Именно эта группа источников, как представляется, отражает характерный для конца XVI—XVII в. диапазон терминологических исканий составлявших их авторов и как нельзя лучше профилирует активный понятийный словарь эпохи. Англичанин, живший в этот период, был вынужден сопоставлять интересо-

вавшие его значения с теми, которые носили нормативный характер для латинского Средневековья. В этом смысле подобная закономерность не только составляла одну из важнейших особенностей словообразовательного процесса XVI—XVII вв., но и определяла формировавшиеся на основе соединения «новых» и «старых» значений дискурсивные практики.

Выделенные для анализа словари представлены двумя группами¹¹. С одной стороны, это издания так называемого традиционного плана, включавшие в себя лексические единицы и их значения в общепринятом смысле. Опиравшиеся на длительную традицию использования тех или иных терминов, они фиксировали классическую норму, лексические корни которой уходили в латинскую культуру поздней античности и, в известной степени, раннего Средневековья. С другой, — это издания, целью которых, согласно предисловиям самих составителей, было отслеживание не только новых слов, но и ранее неизвестных значений, закрепившихся за старыми терминами в языковой практике XVI—XVII вв., то есть образующих так называемую неоклассическую норму. При отборе соответствующих словарей предпочтение отдавалась бинарным, содержащим как англо-латинские, так и латино-английские параллели. При таком подходе помимо решения основной задачи открывалась дополнительная возможность зафиксировать вероятные разночтения, как известно, нередкие при односторонней передаче значений.

Анализ статей, представленных обеими группами словарей, показал единодушие их составителей по двум основным позициям. Все они указывают на греческое происхождение самого понятия «аристократия» («aristocrasy») и связывают с ним особый вид государственного устройства, предлагая латино-английские значения этого термина.

В шести вариантах из семи проанализированных термин «аристократия» соответствует форме государственного устройства, где власть принадлежит «nobles» — знати. Только в одном случае предполагается, что при аристократическом правлении основные властные полномочия принадлежат лордам. Следовало бы ожидать, что статьи, устанавливающие англо-латинские соответствия, будут идентичны латино-английским. Между тем, в двух словарях наряду с ожидаемым латинским значением «aristocratia» присутствует формула «optimatum principatus», и хотя соответствующее латинскому «optimates» английское значение передается все тем же «nobles», подобным разночтением вряд ли следует пренебрегать.

Обнаруженное расхождение получает объяснение при рассмотрении: во-первых, степени соответствия английского понятия «nobles» значениям, характерным для классической и неоклассической латыни; во-вторых, многообразия их обратных (английских) аналогов, приводимых в анализируемых словарях; в-третьих, точности передачи в английских эквивалентах смысла аристотелевского понимания аристократии.

Все устойчивые значения (noble, superior, distinguished, outstanding, glorious), характерные для классической нормы, подчеркивают инаковость, если не исключительность nobles, профилируют их происхождение (noble, glorious) и занимаемое в обществе положение (superior, distinguished, outstanding).

Специфические значения относятся к характеристике качеств, главный смысл которых связан с оценкой различных форм общественно-полезных деяний и поступков. Палитра определений здесь особенно разнообразна и отражает положительную реакцию на оцениваемое действие — восхищение, преклонение и как результат — сосредоточение на природе добродетели и объединение совершившего поступок с идеальными, достойными подражания личностями.

Все классические аналогии значений четко профилируют средневековую концепцию знатности, в рамках которой смысловыми доминантами оказывались благородное происхождение, в обязательном порядке обрекавшее *nobles* на доблестные и в этом смысле добродетельные поступки. Господствовавшее представление о «профессии» знатного человека напрямую связывало их природу с несением военной службы.

Среди классических авторов, на которых при иллюстрации значений более всего опираются составители словарей, несомненное первенство принадлежит Цицерону¹². Достаточно сложно судить о том, на какие конкретные сочинения Цицерона опирались составители словарей, поскольку в анализируемых текстах нет привычного ссылочного аппарата. Очевидно, что они были в целом знакомы с его взглядами на римскую знать: общий смысл и историко-культурный контекст характерных для него высказываний о римском нобилитете демонстрируют приводимые в статьях значения. По всей видимости, древний оратор почитался в качестве неоспоримого авторитета в этом вопросе.

Цицерон действительно оставил после себя многое из того, что проливает свет на проблему римского нобилитета. Ему принадлежит единственный сохранившийся фрагмент (*Mug.* 15—16), по которому уже современные исследователи реконструируют общее представление о социально-должностных границах римской знати¹³.

Комментировавший этот фрагмент А. Афелиус отмечал, что точка зрения Цицерона отразила результат длительной эволюции римского общества, выразившийся в постепенном повышении рубежа знатности. Известно, что в III—II вв. до н.э. он начинался с курульного эдилитета, а в I в. до н.э. установился на уровне консулата¹⁴. П. Брант пишет, что, хотя особые права знати на консулат не были легализованы, право потомственных полководцев на первенство признавалось без особых формальностей¹⁵.

Очевидно, что у английских авторов, писавших на эту тему в конце XVI—XVII в., высказывания Цицерона о римском нобилитете согласовывались с историко-культурным контекстом, в котором конструировались характерные для позднетюдоровской и стюартовской эпох значения, в особенности та их часть, которая касалась вопросов благородного происхождения и функций, которые знать могла исполнять в обществе.

Должно быть, в римском нобилитете угадывалась не только группа черт, наделявших его высочайшим престижем. Безусловно, близким оказывалось положение знати, обеспечивавшее ей политическое доминирование, границы которого выходили за пределы консулата и не ограничивались полномочиями этой высшей магистратуры. Схожими виделись и мощные рычаги неформального влияния. Складывалось впечатление, что оба историко-культурных варианта знатности

имели общие формы. При этом происхождение служило и в том и другом случае гарантией для доступа к принятию политических решений, обеспечивая тем самым необходимые условия для господства.

Неоклассические значения, представленные в словарных статьях, отражают следующие закономерности. Совпадающие определения (*noble, superior, outstanding, distinguished*) повторяют схему, характерную для уже рассмотренных классических аналогий. Это, несомненно, активная часть словаря XVII в., в которой наиболее характерные значения свидетельствуют о преемственности в восприятии определения *nobles*. Однако спектр специфических значений, которые углубляют или профилируют указанные понятия, отвечает другим целям. Если в рамках классических аналогий наблюдалось большее разнообразие в акцентировке различных свойств и добродетелей адресатов, то неоклассическая аналогия заостряет те моменты, которые характерным образом выделяют свойства, связанные со статусным положением человека и его происхождением.

Как представляется, подобное несоответствие классических и неоклассических понятий было связано с изменениями, которые уже произошли в знатной среде на протяжении XVI в. или все еще набирали силу в XVII в. как в самой Англии, так и на континенте. По мнению большинства ученых, процесс, связанный с инфляцией средневековых ценностей, привел, как известно, к потере интереса благородного сословия к военной «профессии». Сохранявшаяся традиция придворных рыцарских турниров лишь еще больше углубляла несоответствие между отживавшими свой век ценностями и новыми веяниями. Несмотря на то, что знать активно включалась в перипетии придворной жизни, ее вербально-ментальный комплекс в целом оставался консервативным. Старые общепринятые понятия продолжали функционировать, но уже в рамках иного смыслового пространства, предполагавшего, как известно, другую иерархию приоритетов.

Это был сдвиг, который смещал принципиальные моменты в традиционной схеме понятий, применявшихся к знати. Подобные изменения и были отмечены составителями анализируемых словарей, не избежавшими в стремлении к точности известной разбалансировки характерного для средневековья соотношения понятий, связанных с доблестями и происхождением.

Смещению основной нагрузки на принцип родовитости способствовали настроения внутри благородного сословия. Знать, которая имела далеко не равные возможности вести придворный образ жизни, предпочитала отстаивать те ценности, внутренний смысл которых оказывался независимым и неизменным. В этом значении идея благородного происхождения по-прежнему оставалась, как писал М. Картер, «цитаделью знати». Все понятия, связанные с качеством и протяженностью родословной, сохраняли особый смысл и важнейшую социальную функцию, которые всегда могли стать неоспоримым аргументом и превратиться в почти непреодолимый барьер, разделявший общество на благородных и неблагородных, знатных и незнатных.

В этой связи хотелось бы вернуться к отмеченному несоответствию, которое было обнаружено в словарях Кола и Янга при передаче бинарной транскрипции «*aristocratia*». Известно, что «*optimates*»

представляли собой наиболее влиятельную, консервативно настроенную часть римских сенаторов, которая вела затяжную борьбу за власть с «populares», отстаивавшими демократические интересы. В этой связи становится понятным, почему в двух случаях (вторая половина XVII в.) из семи сохранилась общая схема передачи латино-английских значений, но при этом была уточнена обратная передача перевода: наряду с ожидаемым «aristocrazia» появилось второе значение — «optimatum principatus».

Никто другой, а именно оптиматы, еще в римской традиции ассоциировались с наилучшими. Именно они были отпрысками древних родов и на том основании противопоставляли себя неродовитым соотечественникам — популяриям. Возникавшая аналогия выглядела по меньшей мере привлекательной для любого лексикографа, тем более, что связываемые с нею ассоциации могли быть напрямую связаны с оценкой опыта минувших для англичан гражданских войн середины столетия.

Ассоциации оказывались не единственным аргументом, допускавшим подобное уточнение. Значения, поясняющие классическое и неоклассическое содержание термина «аристократия», как было отмечено выше, отличались в расстановке соответствующих акцентов, выделяя ту или иную из двух характеристик английского «nobles» — происхождения и добродетелей. Классическая модель содержала необходимый, если не минимальный набор емких определений, профилировавших представление о родословной «nobles». Палитра терминов, дававших оценку их «профессиональной» активности, была значительно более красочной. Неоклассическая модель оказывалась близкой по насыщенности связанных с нею значений с тем, что вкладывалось Коллом и Янгом в понятие «optimates» и подспудно предполагало наличие «populares». В этом смысле формула «optimatum principatus» содержала необходимый акцент, смысловые границы которого позволяли зафиксировать формальные признаки тех изменений, которые произошли в коллективных представлениях самой английской знати и среди писавших на эту тему авторов в XVI — первой половине XVII века.

Нет оснований сомневаться, что составители словарей исходили в определении основного смысла понятия «aristocracy» из предложенной в свое время Аристотелем формулы, в соответствии с которой аристократия — это форма государственного устройства, где власть осуществляется «наилучшими» людьми. Таковыми, по определению лексикографов, оказывались те, кто фигурирует в анализируемых словарях под понятием «nobles». Значительно менее определенным кажется соответствие между второй частью аристотелевской формулы, где расшифровывается смысл того, что он вкладывал в понятие наилучших.

Известно, что чаще всего Аристотель склонялся к тому, чтобы говорить о них как о наиболее добродетельных, отдавая, таким образом, предпочтение деятельному началу. Однако, как следует из предлагаемых словарями значений, объем определений, характеризовавших социальную активность «nobles», — значительный в классических формулах — сокращался в заменивших их неоклассических конструкциях. На первом плане оказывалась сумма значений, обозначающих собственно статический элемент — происхождение.

Наследие Аристотеля даже сейчас не всегда оценивается однозначно. Можно ли рассчитывать на то, что в конце XVI—XVII в. ряд предложенных философом формулировок мог истолковываться по-разному? Скорее всего, следует дать положительный ответ. Даже в группе анализируемых словарей имеется несколько, хотя в основном и схожих, но все-таки в частности различающихся определений «аристократии». По-разному воспринимали Аристотеля и те англичане, которые жили и творили раньше или почти одновременно с составителями словарных статей.

Так, Т. Элиот (1531) полагал, что «аристократией... в английском переводе... следует считать правление мужей высочайшего нрава и намерений». Т. Нортон (1561) констатировал, что аристократия — это «правление наилучших и вместе с тем избранных мужей»; Г. Булингер (1571) считал, что в таковой следует видеть «высочайшую власть немногих умудренных опытом мужей»; Ф. Холланд (1603) подчеркивал, что «аристократиями называются те государства, которыми управляют... сенат или другой совет, состоящий из наилучших мужей»; Т. Корьят (1611) видел в ней «форму правления благородных»; Т. Гоббс (1651) писал об аристократии как о государственном строе, «где верховная власть принадлежит собранию определенных лиц, назначенных либо так или иначе выделенных из остальной массы»¹⁶.

Отечественный антиковед А.И. Доватур¹⁷ пишет, что Аристотель не скрывал своей симпатии к такому строю, где полнота гражданских прав принадлежит людям, способным вооружиться за свой счет. Воины и земледельцы были для него полярными элементами того государственного строя, который считался аристократическим. Первые имели возможность совершенствовать добродетель, поскольку земледельцы, организуя производство, обеспечивали им необходимый для этих целей досуг. Состарившись, то есть потеряв физические способности активно заниматься военным искусством, эти воины становились мудрецами, которые формировали аристократические советы. Именно поэтому для Аристотеля аристократия функционирует за счет группы добродетельных людей, подобно тому как существование монархической формы правления определяет один добродетельный муж. При аристократии почетные должности распределялись в соответствии с добродетелью и достоинством. Аристократический строй, если не назван лучшим, то оказывается близким политическому идеалу Аристотеля.

«Наилучшие» и то представление о них, которое было заложено аристотелевской формулой, оказывалось даже в условиях греко-римской культурной общности все-таки достаточно условным понятием. Если идея господства независимо от исторического контекста имела вполне определенный смысл, то есть была своеобразной константой, то социальный портрет носителей властных полномочий обладал свойствами переменной.

Выше было подчеркнуто, что каждый, считавшийся наилучшим — благородным — обозначался при помощи английского эквивалента «noble», которому, в свою очередь, соответствовали латинские «nobilis — generosus — insignis — magnificus». Означает ли это, что носителями данных качеств оказывались последовательно римские нобили, средневековая знать и затем нобилитет раннего Нового времени? Иными

словами, закреплялись ли за этими терминами значения, связанные с конкретной групповой идентификацией?

Римские авторы, на которых ссылаются английские лексикографы, использовали два взаимосвязанных понятия: они писали о нобилиях и о нобилитете — о «nobiles» и «nobilitas». Понятие знатности в римском обществе этимологически соответствовало тому, что связывалось по смыслу с известностью. Знатным был тот, кого хорошо знали и на этом основании выделяли из общей массы. Знатность была наследственной и поэтому не ставилась в зависимость от личных заслуг. Нобилиями считались отпрыски знатных родов, еще не исполнявшие каких-либо должностей: они были узнаваемы благодаря известности их именитых предшественников. Внешним атрибутом знатности служили маски курульных предков¹⁸.

Знатность оказывалась, таким образом, не только ценностью, признаваемой обществом, но и определенной характеристикой, обозначающей социальное пространство. Оставив в стороне сложности, связанные с идентификацией римского нобилитета и нижнего предела знатности, отметим, что его границы оставались подвижными. Можно ли упрекнуть английских лексикографов в том, что, воспроизводя классические определения, они использовали римскую практику, сделав ее достоянием британского средневековья? Была ли выведенная ими синонимия значений «noble» всего лишь римской калькой?

Английское значение «noble», как следует из текстов словарных статей, конституировало собирательный смысл понятия «nobility», которому соответствовало добавочное значение «lords». В свою очередь, два последних понятия транскрибировались латинским эквивалентом «nobilitas» и «domini» соответственно. Значение «nobilitas», как следует из рассматриваемых словарей, было представлено двумя смысловыми кальками римского происхождения — «nobilitas» и «nobilitas nova».

В структуре «domini» словари выделяют три категории: «domini titularii», «domini honorarii» и просто «domini». Соответствия, устанавливаемые в рамках бинарных статей, раскрывают состав каждой из указанных категорий. Первая категория образуется за счет владельцев традиционных титулов, таких как герцог (dux), маркиз (marchio), граф (comes), виконт (vicescomes), барон (baro). Вторая включает в себя обладателей почетных титулов, среди которых — баронет (baruncullus [baronettus]), рыцарь ордена Подвязки (eques auratae periscelidis), рыцарь ордена Бани (eques balnei). Далее следуют рыцарь, облаченный в золотые доспехи (eques auratus), и просто рыцарь (eques), а также особы, занимавшие высшие должности, среди которых в качестве активных фигурируют сенешаль (seneschallus), лорд-казначей (quaestorum fiscalium primaries), вице-казначей (quaestor fiscalis), лорд-камергер (cubicullarius). Третью категорию образуют исключительно эсквайры (armigeros).

Между «nobilitas», включая ее подгруппы (nobilitas, nobilitas nova), и установленными в словарях категориями «domini» просматриваются определенные соответствия. Целиком совпадают значения nobilitas, domini titularii, domini honorarii и domini. К nobilitas nova составители словарей относят исключительно почетный титул баронета (baruncullus или baronettus), как известно, учрежденный Яковом I Стюартом.

Означало ли это, что, обособляя учрежденное в 1611 г.¹⁹ новое достоинство, англичане и вслед за ними составители словарей тяготели к воспроизведению старой, уходящей своими корнями в классическое средневековье формулы благородного сообщества? Было ли в этом смысле их сознание консервативно?

Действительно, устанавливаемые в словарях соответствия, на первый взгляд, отражают наиболее традиционное представление о групповом срезе английской знати, подразумевавшее акцент на ее границах. Очевидно, что в общественном сознании англичан того времени по-прежнему важным оставалось не столько верное и исчерпывающее представление о внутреннем составе группы, сколько правильное распознавание образующих ее конфигурацию конечных элементов. В этом смысле герцоги и эсквайры, издавна занимая полярные позиции во внутригрупповой вертикали, обозначали контуры этих границ. Социальный статус каждого из них отвечал декларируемым обществом критериям знатности и воспроизводил, таким образом, типичную для Средневековья схему благородного сообщества.

Однако кажущаяся консервативность на деле оборачивалась скрытой игрой. Внутригрупповая вертикаль, обрисованная составителями словарей, содержит несколько непривычную для ученой лексики тех лет категорию «*eques*». Известно, что этот термин, означавший буквально «всадник», применялся для характеристики очень узкой прослойки средневекового рыцарства, но вышел из употребления на рубеже XI—XII вв., уступив по популярности более гибкому «*miles*».

В возрождении этого архаичного по своей сути понятия можно усмотреть помимо стилизации, характерной для лексикографической традиции тех лет, определенный концептуальный смысл. Знакомство составителей словарей с текстами Цицерона и других латинских авторов могло, как представляется, порождать ассоциации, стимулировавшие не только прямые заимствования (вроде уже отмеченного противостояния оптиматов и популяриев), но и смысловые параллели типа «*senatores — equites*», обусловленные ощущением зыбкости нижней границы благородного сообщества. В этом смысле используемая в словарях категория «*eques*» приобретала вполне определенный смысл и могла выполнять конструктивную системообразующую функцию, а самое главное — переставала быть непривычной. Ее использование было рассчитано на то, чтобы оправдать возникающий при описании структуры почетных титулов смысловой оборот, обозначавший смещение традиционных акцентов в чисто средневековом отношении к знатности и видоизменявший нижний контур благородного сообщества.

Верхний предел знатности оставался незыблемым, зато нижний несколько поднимался. Игра слов оказывалась преднамеренной, а искажение прежней картины — очевидным. Появление «всадника», потенциально восседавшего на коне, подразумевало не только оруженосца, потенциально шедшего рядом, но и контраст между ними²⁰. Римская по форме, но средневековая по своей сути ассоциация оказывалась не только зримой, но и концептуально важной.

Эсквайры, прежде разделявшие с рыцарями единый пакет привилегий, обособлялись, таким образом, в самостоятельную категорию. Грань между ними, прежде условная, акцентировалась теперь, каза-

лось бы, в формальном разведении тех, кто носил почетные титулы, и тех, кто таковых не имел. Не теряя своей связи с «nobilitas», оруженосцы — «armigeri» — очевидно обретали менее значимое положение. Если учесть, что с конца XVI в. напряжение в определении статуса рыцарства и эсквайров было максимальным, то мое предположение может оказаться вполне оправданным.

Определенная дисквалификация прежнего статуса эсквайров усиливалась при помощи двух незамысловатых приемов, которые лексикографы использовали при дальнейшем описании структуры почетных достоинств и должностей. Расписывая структуру английского рыцарства, лексикографы следуют уже отмеченным принципам. Противопоставляя по-прежнему метафоры конного и пешего строя, они отказываются от употребления понятий «рыцарь-знаменосец» и «рыцарь-бакалавр», имевших, как известно, двойную коннотацию. Тем не менее, стремясь сохранить традиционные пропорции, они переименовывают позиции, отводившиеся прежде бакалавру и знаменосцу, на «eques» и «eques auratus» соответственно. Очевидно, что в реальной жизни знаменосец вряд ли мог позволить себе украшенные золотом доспехи, но акцентированный дорогостоящий атрибут ²¹ был, пожалуй, единственным средством, позволявшим лексикографам сохранить известную каждому иерархичность и, что было не менее важным, удержаться в рамках доступных латинских аналогий.

Если понятие «eques auratus» могло быть воспринято как слишком архаичное и отчасти искусственное, то две следующие друг за другом позиции, обозначенные как «eques balnei» и «eques auratae periscelidis», были исключительно нововведением. Известно, что рыцарские ордена Бани и Подвязки появились тогда, когда латинская транскрипция перестала быть общеобязательной нормой, и новые явления именовались с использованием вернакулярных ресурсов. Насколько мне известно, латинские аналоги, приводимые в словарях, на практике никогда не озвучивались и не использовались.

Очевидно последовательное использование понятия «eques» для обозначения различных категорий английского рыцарства означало попытку уточнить аморфную, с точки зрения границ, категорию «miles» и, должно быть, окончательно развести ее и еще более размытую в социальном плане «armiger». Определенное значение также могла иметь функция, связанная с потребностью усилить акцент на групповой консолидации, характерный для разобранных выше оттенков самой «nobilitas».

Стремление к актуализации консолидирующих благородное сообщество начал типично и для структуры должностей, вошедших в состав категории «domini honogarii». Если приводимые составителями словарей разряды английского рыцарства выглядят более или менее исчерпывающе, то список должностей оказывается далеко неполным. Три из них, а именно должность лорда-камергера, лорда-казначея, вице-казначея приведены в точном соответствии с римскими кальками.

Должность сенешаля ²², не имея прямых римских аналогий, тем не менее с легкостью вписывается в определяемый контекст. На протяжении всего Средневековья эти посты занимали исключительно представители титулованной знати и выходцы из рыцарской среды, противостоявшие более многочисленным эсквайрам. Судя по всему,

отбор должностей, указанных в словарных статьях, был осуществлен с учетом тех же соображений, которыми руководствовались составители словарей, заменяя традиционное понятие «miles» на архаичное «eques».

Означало ли это, что обособляемая таким образом группа знати, наделялась в сознании современников условными групповыми признаками? Угадывался ли в ней аналог аристократии нового времени, иными словами, осуществлялся ли в связи с этим переход к формуле, предложенной Монтескье?

Античная формула аристократии в ее оригинальном варианте, как уже отмечалось, допускала незначительные вариации со вторым элементом самого определения. Даже Аристотель не исключал известные расхождения в толковании этого феномена. Очевидно, содержащиеся в словарях уточнения не меняли общего смысла предложенного им определения, но обозначившиеся на рубеже XVI—XVII вв., они являлись конкретизацией смысла аристотелевского определения аристократии с учетом специфического историко-культурного контекста. В этом смысле англичане, а вслед за ними и обобщавшие ситуацию лексикографы, очевидно, стремились распознать или уже распознавали контуры этого явления, выделяя его на фоне социальных институтов позднего тюдоровского — раннего стюартовского общества.

Частично видоизмененная структура второго элемента аристотелевского определения — собственно «наилучших» — должно быть, отражала вполне распространившееся к концу XVI—XVII в. убеждение, что далеко не вся знать наделялась властными полномочиями. Возможно, правомочия эсквайров уже серьезным образом оспаривались, а прежняя общая функция знати в обществе дифференцировалась.

Примечания

1. Все возможные вариации аристотелевского видения аристократии исследованы: ДОВАТУР А.И. Политика и политии Аристотеля. М.—Л. 1965.
2. Речь идет об известной работе Монтескье «О духе законов» («De L'esprit des lois»), в особенности кн. II, гл. IV; кн. III, гл. V; кн. V, гл. VIII. См.: МОНТЕСКЬЕ Ш. О духе законов. М. 1999, с. 22, 29, 52—53.
3. ДАЛЬ В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М. 1981. Любопытные наблюдения над языковыми параллелями см.: МАРАСИНОВА Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М. 1999. Не менее показательны в этом плане языковые трансформации при переводе работ западных историков о дореформенной России для русскоязычной аудитории. См.: УОРТМАН Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М. 2002; КОЛЛМАНН Н. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М. 2001.
4. Nuttall's Standard Dictionary of the English Language, based on the Labors of the Most Eminent Lexicographers. London. 1829.
5. Как показывают данные, приводимые в статье «Aristocracy» Большого Оксфордского словаря английского языка, впервые понятие «аристократ» в его английском варианте было использовано Уильямом Белшэмом в 1789 году. См.: BELSHAM W. Essays, Philosophical, Historical and Literary. London. 1789—1791, pt. II. XL, p. 473. Далее последовательно: Уильямом Тэйлором в 1790 (ROBBERDS J. A Memoir of

- the Life and Writing of W. Taylor of Norwich, Containing a Correspondence with Southey. London. 1843, vol. 1, p. 69.); Артуром Янгом в 1792 (YOUNG A. Travels, Undertaking a View of Ascertaining the Cultivation of the Kingdom of France. London. 1792, p. 225); Эдмундом Берком в 1793 (BURKE E. Correspondence. London. 1844, vol. IV, p. 151); Сэмюэлем Колриджем в 1794 (COLERIDGE S. Essays on His Own Times; Forming a Second series of the Friend. London. 1834, p. 968).
6. Ни один из названных авторов никогда специально не писал о титулованной знати (дворянстве) или аристократии, но, описывая структуру английской деревни, затрагивая в этой связи проблему господствующего класса, они использовали эти термины в качестве синонимов, разнообразя оттенки определения крупных землевладельцев. См.: САВИН А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М. 1903; ЕГО ЖЕ. Английская секуляризация. М. 1906; КОСМИНСКИЙ Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л. 1947; СЕМЁНОВ В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М. 1949; БАРГ М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М. 1960; ЛАВРОВСКИЙ В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв. М. 1958; АРХАНГЕЛЬСКИЙ С.И. Крестьянские движения в Англии в 40—50-х годах XVII века. М. 1960; САПРЫКИН Ю.М. Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII вв. М. 1959; ЕГО ЖЕ. Английское завоевание Ирландии XII—XVII вв. М. 1982.
  7. TAWNEY R.H. The Agrarian Problem in the Sixteenth Century. London. 1912; STONE L. The Crisis of Aristocracy. Oxford. 1965; KERRIDGE E. Agrarian Problems in the XVI Century and after. London. 1969; BUSH D. The English Aristocracy. A Comparative Synthesis. Manchester. 1984; НАБАККУК Н. English Landownership, 1680—1740. — Economic History Review. 1940, vol. 10; EJUSD. The Rise of English Landed Families, 1600—1800. In: Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser., vol. 29—31, 1979—1981.
  8. TREVOR-ROPER H. The Gentry, 1540—1640. — Economic History Review Supplement. 1953, vol. I; POWIS J. Aristocracy. Oxford. 1984.
  9. PALMER F. Peerage of England. London. 1976; ELLIS G. Earldoms in Fee. A Study in Peerage Law and History. London. 1963.
  10. Наиболее показательным в этом плане является исследование Д. Эйлмера. См.: AYLMER G. The Kings Servants. London. 1976.
  11. Анализу были подвергнуты следующие бинарные словари, имевшие широкое хождение при Стюартах: RIDER J. Bibliotheca Scholastica: A Double Dictionarie, Penned for All Those that Would Have with in Short Space the Use of Latine Tongue, either to Speak, or Write. Oxford. 1589 (первое издание); HOLY-OKE F. Rider's Dictionary Corrected and Augmented. London. 1649; PHILLIPS E. The New World of English Words, or, a General Dictionary. London. 1658; COLES E. A Dictionary, English-Latine, and Latine-English. 3rd. ed. London. 1693; WASE CH. Dictionarium Minus: A Compendious Dictionary: English-Latine, and Latine-English. London. 1662; YOUNG W. A New Latine-English Dictionatiy: Containing all the Words Proper for Reading the Classic Writers... to which is Prefixed; a New English-Latine Dictionary. London. 1664.
  12. О взглядах Цицерона более подробно см.: УТЧЕНКО С.Л. Политические учения Древнего Рима. М. 1977.
  13. Речь идет о тексте, воспроизводящем общую канву избирательной борьбы за консулат (63 г. до н.э.) между патрицием Сервием Сульпицием Руфом и плебеем Луцием Лицинием Муреной. Потерпевший поражение Сульпиций обвинил соперника в подкупе избирателей и предъявил иск. Последовало разбирательство. В ходе судебного поединка Сульпиций неодобительно высказался о происхождении соперника. Цицерон, отстаивавший, в свою очередь, интересы Мурены, следуя традиции, должен был не только защитить достоинство и честь семьи подзащитного. Ему надлежало сравнить фамильный престиж обоих претендентов. Мурена, как известно, насчитывал за собой несколько поколений преторов. Цицерон, определяя семьи этого круга, использовал для их характеристики эпитет «славные». Он признавал также знатность (nobilitas) Сульпиция, несмотря на то, что консулярных предков Руфа можно было отыскать лишь в древних анналах. Известно, что дед Сульпиция был сенатором, а отец — всадни-

- ком. Как отмечает Н.Н. Трухина, во времена Цицерона курульный эдилитет (Plan. 7) и, по всей видимости, преторство (Fam. X. 26; I. 7, 8) были доступны незнатным соискателям. Более подробно см.: ТРУХИНА Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М. 1986, с. 33—40. Так, например, на выборах комициях курульных эдилов заслуги предков не играли решающей роли. Напротив, незнатные консулы появлялись очень редко. Так, например, за период 195—63 гг. до н.э. Цицерон указывает только на шестерых сыновей всадников, ставших консулами (Mur. 17; Verr. II. 5, 181). То же самое можно увидеть в речи за Фонтя (Font. 41). Восхваляя род подзащитного, Цицерон не употреблял определения «знатный», несмотря на длинный ряд претур этой фамилии. Известно, что незнатностью попрекали Октавиана, будущего императора Августа, сына претора (Cic. Phil. III. 15).
14. AFZELIUS A. Zur definition der romischen Nobilitat vor der Zeit Ciceros. — *Classica et Mediaevalia*. 1945, Vol. 7, S. 42.
  15. BRUNT P. Nobilitas et novitas. — *Journal of Roman Studies*. 1982, vol. 72, p. 34.
  16. Ссылки на этих авторов есть в Большом Оксфордском словаре английского языка. Приводимые в статье «Aristocracy» выдержки из текстов были уточнены по следующим изданиям: ELYOT T. *The Booke named the Governour*. London. 1908, p. 9; [NORTON T.] *Calvin's Institution of Christian Religion*. London. 1578, p. 11; BULLINGER T. *Fiftie Godlie... Sermons Divided into Five Decades*. London. 1592, p. 169; [HOLLAND PH]. *Plutarch's Philosophie, Commonlie Called the Natural History*. London. 1601, p. 72; HOBBS T. *The Art of Rhetoric, with a Discourse of the Laws of England*. London. 1679, p. 435 (достаточно близко определение аристократии можно обнаружить и в «Левиафане» (1651 г.): «...аристократия, где верховная власть принадлежит собранию определенных лиц, назначенных либо так или иначе выделенных из основной массы...») ГОББС Т. *Сочинения*. Т. 2. М. 1991, с. 149.
  17. ДОВАТУР А.И. Ук. соч., с. 70, 75, 77, 89.
  18. GELZER M. *The Roman Nobility*. Oxford. 1969; BRUNT P. *Nobilitas et novitas*. — *Journal of Roman Studies*. 1982, vol. 72.
  19. На этот год приходится учреждение достоинства баронета только для англичан; для шотландцев и ирландцев аналогичные порядки были учреждены в 1619 и 1622 гг. соответственно.
  20. Известно, что после нормандского завоевания параллель конного и пешего строя акцентировалась не только самими благородными (GREEN J. *The Aristocracy of Norman England*. Cambridge. 2001, p. 10—11), но и некоторыми историками (ORDERIC V. *The Ecclesiastical History*. Oxford Medieval Texts. Oxford. 1969—1980, vol. II, p. 74; vol. III, p. 126, 176). Очевидно, что навыки определенной части рыцарства вести бой верхом, помимо чисто технической стороны, имели далеко идущие социальные коннотации (BROWN A. *The Status of the Norman Knight*. In: *War and Government in the Middle Ages*. Woodbridge. 1984, p. 18—32). Престиж конного рыцаря был безусловным: судя по всему, именно «всадники» приравнивались в сознании современников к тем, кто владел достаточными для поддержания определенного образа жизни земельными комплексами. Более подробно об этом см. в интересных наблюдениях Д. Флеминга: FLEMING D. *Landholding by Milites in Domesday Book: A Reversion*. — *Anglo-Norman Studies*, vol. 13, 1991, p. 83—98).
  21. О значении дорогостоящих доспехов для социальных определений того времени см.: MORILLO S. *Warfare under the Anglo-Norman Kings, 1066—1135*. Woodbridge. 1994; CROUCH D. *The Image of Aristocracy in Britain, 1000—1300*. London. 1992, ch. 4, 6—7.
  22. Относительно соответствия этого понятия английским реалиям могут возникать парные ассоциации. Помимо того, что в эпоху классического средневековья должность сенешаля сохранялась, существовали определенные аналогии с учрежденным на рубеже XIII—XIV вв. постом лорда-гофмаршала. Какая из этих аналогий доминировала в описаниях лексикографов, судить не берусь.

Давид Давидович Гримм

М.В. Ковалёв, В.С. Мирзеханов

Аннотация. Статья посвящена биографии профессора Давида Давидовича Гримма (1864—1941). До революции он был известным ученым, общественным и политическим деятелем, профессором римского права в Дерпте (Юрьеве), Петербурге (Петрограде), ректором Санкт-Петербургского университета. После революции он эмигрировал из России, жил и работал в Праге и Тарту.

В статье изучены основные вехи жизненного и творческого пути Д.Д. Гримма, в том числе проанализирован его вклад в борьбу за академические свободы и университетскую автономию, участие в работе Государственного совета Российской империи, взаимоотношения с имперской бюрократией и др.

Ключевые слова: Д.Д. Гримм, Государственный совет Российской империи, имперские элиты, академические свободы, революция 1917 года, русская эмиграция, университеты России, Петербург/Петроград.

Abstract. The article is devoted to the biography of Professor David Davidovich Grimm (1864-1941). Before the revolution, he was a renowned scholar, social and political activist, a professor of Roman law in Dorpat (Yuryev) and St. Petersburg (Petrograd), rector of St. Petersburg University. He emigrated from Russia after Revolution 1917, subsequently was living and working in Prague and Tartu. In this article, the main milestones of the life and career of D.D. Grimm were studied, including his contribution to the struggle for academic freedom and university autonomy, participation in the work of the State Council of the Russian Empire, the relationship with the imperial bureaucracy, and others.

Key words: D.D. Grimm, the State Council of Russian Empire, the imperial elite, academic freedom, revolution in 1917, Russian emigration, Russian universities, St. Petersburg/Petrograd.

Имя профессора Давида Давидовича Гримма (1864—1941) сегодня известно лишь узкому кругу специалистов, хотя и забытым его назвать нельзя. Ученому повезло менее других современников и коллег по интеллектуальному цеху, вроде В.И. Вернадского, М.М. Ковалевс-

---

Ковалёв Михаил Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина; научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: kovalevmv@yandex.ru; *Мирзеханов Велихан Салманханович* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник и руководитель отдела истории Европы XVIII—XIX вв. ИВИ РАН, профессор РГГУ. E-mail: lum62@yandex.ru.

Kovalev Michail V. — candidate of historical sciences, associate professor, Y.A. Gagarin Saratov State Technological University. E-mail: kovalevmv@yandex.ru; *Mirzekhanov Velichan S.* — doctor of historical sciences, head of the Department of European History of the XVIII—XIX century, professor of Russian State University of the Humanities. E-mail: lum62@yandex.ru.

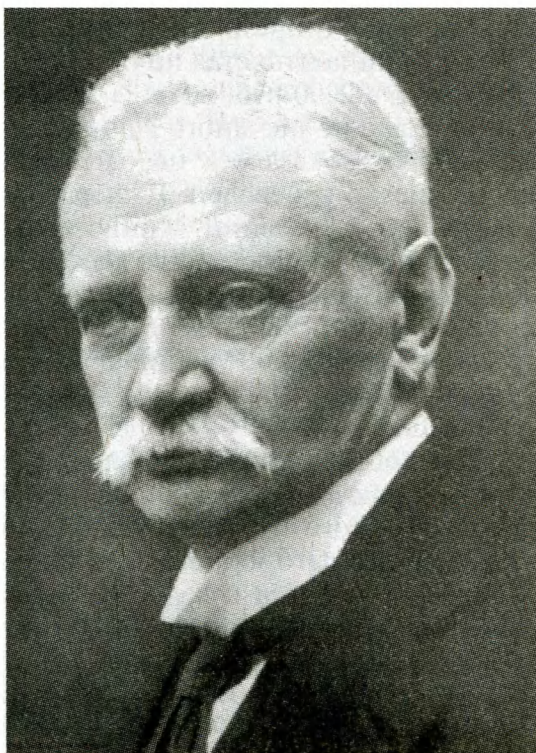
кого, М.М. Новикова и др. Биография профессора не была написана, а его воспоминания даже в период «мемуарного бума» 1990—2000-х гг., когда впервые увидели свет или были переизданы произведения многих видных деятелей императорской России, так и не были опубликованы. О Д.Д. Гримме, конечно, упоминали в трудах по истории российских университетов, парламентаризма и политических партий, но почти всегда вскользь. Его, как ректора Санкт-Петербургского университета, неизменно вспоминали в контексте борьбы за академические свободы, но опять же без должных подробностей. Справедливости ради скажем, что уже в наши дни некоторые его работы были переизданы ¹, а ученые-юристы по-прежнему цитируют его исследования, не потерявшие своей актуальности. Эти обстоятельства делают необходимым реконструировать жизненный путь одного из ярчайших ученых и общественных деятелей рубежа XIX—XX веков.

Биография Гримма весьма характерна для российских немцев XVIII—XIX веков. Его предки происходили из Северных Нидерландов. Его прапрадед Генрих Ульрих Готфрид Гримм прибыл в Россию в 1764 г. и поселился в Саратовском Поволжье, где в мае 1765 г. вместе со своими соотечественниками основал колонию Лесной Карамыш, получившую второе название — Гримм — по имени своего основателя. К моменту приезда в Россию у Г. Гримма уже было трое сыновей. Четвертый, Генрих Вильгельм Себастьян, родился уже в Поволжье 29 июля 1769 года ². От него и пойдет ветвь Гриммов, давшая России несколько блестящих ученых и архитекторов. Отцом профессора Д.Д. Гримма был знаменитый архитектор, академик, один из создателей «русского стиля» Давид Иванович Гримм (1823—1898). Не удивительно, что с детства мальчик был вовлечен в петербургскую культурную и интеллектуальную среду, которая во многом предопределила его дальнейший жизненный путь. Примечательно, что два его брата — Герман и Эрвин — также добились больших успехов. Первый продолжил дело отца и стал архитектором, второй избрал для себя научную стезю, профессионально занявшись всеобщей историей.

Давид Гримм учился в знаменитой гимназии К.И. Мая, которая давала блестящее гуманитарное образование. Именно там ему привили глубокие познания латинского языка, которые пригодятся ему в ученой карьере. В 1881 г. Гримм поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Это было время расцвета русской юридической науки. Общественный статус юриспруденции необычайно возрос, и его не смогли поколебать даже контрреформы Александра III. Более того, сама власть осознавала важность подготовки квалифицированных правоведов для госаппарата. В России стремительно формировалась юридическая элита, чему способствовала хорошая постановка юридического образования. Преподавание права, особенно международного, шло на высоком уровне, не уступавшем европейскому.

Окончив университет в 1885 г. и имея степень кандидата, Гримм приказом по Министерству юстиции от 7 января 1886 г. был определен на службу в IV Департамент Правительствующего Сената 12 февраля 1886 года ³. Однако проработал он там недолго. Еще 7 апреля 1886 г. Гримм был прикреплен к кафедре гражданского права для подготовки к профессорскому званию, правда, без стипендии ⁴. Универси-

тет возлагал на него определенные надежды и желал в будущем видеть его в рядах своих сотрудников. В ноябре 1887 г. он был переведен на службу в Министерство народного просвещения. Еще в 1885 г. были введены новые учебные программы для юридических факультетов, усиливавшие роль римского права⁵. Правительство желало в кратчайшие сроки подготовить новые и квалифицированные преподавательские кадры. Для этих целей в ноябре 1886 г. по договоренности с Берлинским университетом при нем были созданы Временные курсы по римскому праву (затем — Институт римского права), ориентированные на подготовку специалистов из России. Отбор кандидатов на обучение происходил на основе отзывов видных отечественных правоведов.

на основе отзывов видных отечественных правоведов. В числе первых оказался Давид Гримм, которого рекомендовал Николай Львович Дювернуа (1836—1906), профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета. И, действительно, он, как этнический немец, лютеранин, к тому же обладавший хорошими познаниями латинского языка, подходил в качестве стажера. 10 декабря 1887 г. приказом № 15 по Министерству народного просвещения Гримм был командирован в Берлин на два года⁶. Молодой юрист учился у выдающихся немецких правоведов Генриха Дернбурга, Альфреда Перница и Эрнста Экка⁷. Под их влиянием он приобрел необходимые навыки исследовательской работы, познакомился с достижениями европейской науки. Современники небезосновательно называли Гримма «типичным добросовестным ученым немецкой выучки»⁸. Именно с учебы в Германии началась его научная карьера.

Гримм вернулся в Россию 3 августа 1889 г. и тут же получил приглашение на работу в Дерптский университет. Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграл его дядя Оттомар Фридрихович Мейков (1823—1894), который также был юристом и занимался римским правом. В 1872—1876 гг. он являлся деканом юридического факультета, а затем был избран ректором Дерптского университета и занимал этот пост до 1881 г. (вторично О.Ф. Мейков будет ректором в 1890—1892 гг.). Кроме того, Гримму вероятно благоволил попечитель Дерптского учебного округа Михаил Николаевич Капустин (1828—1899). Выполняя распоряжение Министерства народного просвещения по поиску новых преподавателей для чтения лекций на русском языке, он вспомнил о недавнем берлинском стажере и предложил министру И.Д. Делянову назначить его приват-доцентом римс-

кого права. Министр прошение поддержал, и с 6 сентября 1889 г. Grimm официально стал приват-доцентом по кафедре римского права с окладом в 2000 руб. в год ⁹. Увы, о его деятельности в этот период сохранилось не так много свидетельств. Да и само пребывание Grimma в Дерпте оказалось недолгим. В августе 1891 г. он обратился с прошением о переводе в Императорское училище правоведения, находившиеся в ведении Министерства юстиции. Ректор Дерптского университета Мейков не возражал, и уже с сентября 1891 г. приват-доцент Grimm, произведенный в мае 1890 г. в титулярные советники, приступил к работе ¹⁰. В это время он завершал написание диссертации «Очерки по учению об обогащении» ¹¹. Защита ее состоялась 29 ноября 1893 г., после чего Grimm был утвержден в степени магистра римского права ¹².

Это событие открыло молодому ученому дорогу к преподаванию в стенах *alma mater*. Ему вновь помог Капустин, который, как попечитель учебного округа, в ноябре 1893 г. ходатайствовал о допущении начинающего юриста к чтению курса лекций о спорных вопросах римского права в качестве приват-доцента университета. Одновременно Grimm заявил о себе и на чиновничьем поприще, где его знания оказались чрезвычайно востребованы. 20 декабря 1893 г. он был принят на службу в Кодификационный отдел Государственного совета, а с 1 января 1894 г. приказом Государственного секретаря причислен к Государственной канцелярии с откомандированием для занятий в Отделении Свода Законов. Параллельно он продолжал чтение лекций в Императорском училище правоведения, где 11 января 1894 г. был произведен в экстраординарные профессора. Этим педагогическая деятельность Grimma не ограничивалась — 20 августа 1895 г. он был назначен штатным преподавателем Военно-юридической академии, где читал курсы «Энциклопедия права» и «История философии права». Чем можно объяснить такую активность: работу сразу в трех учебных заведениях, да еще и исполнение чиновничьих обязанностей? Ответ прост — потребностью в финансах ввиду низкого уровня доходов преподавателей. Ведь даже такие выдающиеся ученые, как В.О. Ключевский, читали лекции в разных учебных заведениях ¹³.

В Санкт-Петербургском университете Grimm быстро завоевал должный авторитет. С сентября 1899 г. он исполнял обязанности секретаря юридического факультета, а 4 декабря того же года приказом министра народного просвещения был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора по кафедре римского права. В это время Grimm активно работал над докторской диссертацией «Основы учения о юридической сделке в современной доктрине пандектного права», что потребовало от него в марте 1900 г. оставить службу в Государственной канцелярии. Он защитил свою работу 24 сентября 1900 года ¹⁴. Обретение ученой степени сулило повышение статуса и продвижение по службе. С 18 декабря 1900 г. он был утвержден в должности экстраординарного профессора Санкт-Петербургского университета, а уже в сентябре того же года переведен в обычные профессора по кафедре римского права и одновременно назначен деканом юридического факультета. Кроме того, с января 1901 г. Grimm стал ординарным профессором и в Императорском училище правоведения, а с

августа 1904 г. — еще и инспектором классов¹⁵. Трудно понять, как он справлялся со всеми обязанностями. Впрочем, огромные нагрузки дали о себе знать, и 15 сентября 1904 г. профессор попросил освободить его от должности декана юридического факультета. В конце октября 1905 г. он также покинул пост инспектора классов в Училище правоведения, а 18 ноября вообще уволился из этого учебного заведения.

Думается, что такие изменения были связаны с большой вовлеченностью ученого в общественно-политическую жизнь. В 1905 г. он вступает в ряды кадетской партии, а в декабре того же года делегируется Советом Санкт-Петербургского университета для участия в совещаниях по университетской реформе. Идея реформы высшей школы занимала его давно. Grimm выступал последовательным поборником академических свобод. Из-за своих взглядов он еще в 1890-х гг. попал в поле зрения Департамента полиции. На студенческой вечеринке 8 февраля 1895 г. в честь годовщины основания Санкт-Петербургского университета тогда еще приват-доцент Grimm произнес речь о важности народного образования и необходимости академических свобод: «Но теперь ... нас всячески стесняет вмешательство министерства и правительства, и для того, чтобы образование можно было направить так, как нам желательно, как мы находим нужным для блага народа, нужно добиться права открыто и свободного говорить то, что мы считаем нужным и полезным»¹⁶.

Несмотря на оппозиционность взглядов, Министерство народного просвещения ценило Grimma как талантливую администратора, как человека, способного вести диалог с представителями разных общественных течений. Поэтому в сентябре 1906 г. по предложению министра он вновь был назначен деканом юридического факультета, что, вероятно, побудило его в ноябре 1906 г. окончательно оставить работу в Военно-юридической академии. 8 февраля 1907 г. он был избран членом Государственного совета от Академии наук и российских университетов. С работой в этом органе будет неразрывно связана его жизнь в ближайшие несколько лет. Grimm станет одним из лидеров так называемого «левого крыла» в Совете. М.М. Ковалевский, также бывший депутатом, заслуженно характеризовал своего коллегу как «человека стойких убеждений» и «авторитетного юриста»¹⁷.

Вершиной же университетской карьеры для Grimma стало его избрание ректором Санкт-Петербургского университета 1 марта 1910 года. По иронии судьбы, в сентябре того же года пост министра народного просвещения занял Лев Аристидович Кассо (1865—1914). Новый министр, как известно, повел жесткую и бескомпромиссную политику, направленную на полное подчинение университетов. С точки зрения Grimma, подобные меры лишь обостряли взаимоотношения власти и образованного общества. Поэтому Кассо стал для него живым воплощением административного произвола, с приходом которого «наступила эра бессмысленного, преступного разрушения русских университетов»¹⁸. Конфликт между министром и ректором не заставил себя ждать.

В начале января 1911 г. с подачи Кассо были подготовлены министерские циркуляры, ограничивавшие права студентов. В профессорской корпорации власти увидели прямого вдохновителя их политических действий. Отсюда вытекала мысль о необходимости полно-

го контроля над университетами, заключавшегося в свертывании автономии. В знак протеста против административного произвола 28 января 1911 г. ректор Московского университета А.А. Мануйлов подал в отставку. За ним последовали другие представители университетской администрации. В феврале 1911 г. о своем добровольном уходе заявили выдающиеся ученые: Вернадский, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, Д.М. Петрушевский, К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев и многие другие. Кассо удовлетворил 131 прошение об отставке¹⁹. Ушедших профессоров, занимавших свои должности на выборной основе, заменяли назначенными министерством людьми, которые получили в интеллектуальных кругах малопочетное прозвище «кассовцев»²⁰.

В Петербурге обстановка также накалялась. Grimm всеми силами пытался удержать ситуацию в руках и не допустить репрессивных мер. Но действия министерства лишь усугубляли ситуацию. Студенты прибегли к забастовке в знак протеста против действий Кассо. Они прервали занятия, распылив зловонные жидкости и газы. Grimm такие действия решительно осуждал. Когда в конце января 1911 г. в коридорах университета появились красные флаги и антиправительственные лозунги, он распорядился прекратить учебный процесс, чтобы не допустить расширения беспорядков и неминуемого подавления их полицией. И хотя ректор в своих действиях руководствовался ст. 17 гл. II Университетского устава 1884 г., которая давала ему право в чрезвычайных обстоятельствах принимать все необходимые меры для поддержания порядка в университете, даже если эти меры будут превышать его полномочия²¹, Кассо встретил предпринятые шаги негативно. Он потребовал немедленно отменить распоряжение о прекращении занятий и возобновить их под контролем полиции²². 30 ноября 1911 г. университет вновь был открыт, но радикально настроенные студенты попытались сорвать лекции. В дело вмешалась полиция, арестовав 400 человек. Университет остался под охраной и в последующие недели, жизнь в нем замерла, число студентов стало минимальным, и профессора порой читали лекции в полупустых аудиториях. Grimm тяжело переживал все происходившее и страдал от собственного бессилия. Он вышел к студентам со слезами на глазах и сказал, что его власть в университете кончилась, отныне все решает полиция²³. После январских событий Grimm прекратил всякое личное общение с Кассо и продолжал контакты лишь письменно²⁴. В начале февраля он встретился с П.А. Столыпиным и попросил, чтобы полиция без его разрешения не появлялась в коридорах университета. Премьер четкого ответа не дал.

Испытывая постоянное давление со стороны властей и не видя возможности дальше исполнять обязанности ректора, в сентябре 1911 г. Grimm подал прошение об отставке, которое было удовлетворено. Он был оставлен на должности ординарного профессора, а новым ректором в декабре был избран его брат, профессор-историк Э.Д. Grimm. Однако на этом противостояние Grimma и Кассо не окончилось. Одной из форм давления на профессуру со стороны Министерства народного просвещения стал перевод неугодных лиц в провинциальные университеты. Замещение кафедр на конкурсной основе было фактически ликвидировано. Grimm вместе с коллегами попытался вос-

препятствовать назначению профессорами юридического факультета лояльных министерской линии В.М. Грибовского и С.П. Никонова, но потерпел неудачу. Свои взгляды на действия министра и его соратников Grimm в 1913 г. обобщил в статье «Видимая законность и скрытое усмотрение»²⁵. Открытый демарш профессора переполнил чашу терпения Кассо, и он перешел к открытой борьбе с бывшим ректором.

В конце июля 1913 г. находившийся на отдыхе Grimm получил письмо от товарища министра народного просвещения барона М.А. Таубе, в котором тот сообщал о готовящемся переводе профессора из Петербурга в Демидовский лицей в Ярославле. Это учебное заведение не пользовалось правом участия в выборах членов Государственного совета. В случае перевода Grimm лишался профессорского ценза, а, значит, своего членства в Совете, чего и добивалось министерство²⁶. Grimm выразил протест, и его позиция оказалась столь тщательно юридически аргументирована, что от перевода в Ярославль пришлось отказаться²⁷. Вместо этого 3 августа 1913 г. Кассо издал приказ о назначении Grimma в Харьковский университет²⁸.

Перед профессором встала дилемма: ехать в Харьков или же подать в отставку в знак протеста, как это сделали в аналогичных случаях его либеральные коллеги М.Я. Пергамент и И.А. Покровский. Однако Grimm не желал доставить удовольствие Кассо своей отставкой и автоматическим выбытием из членов Государственного совета. Он решил остаться профессором, но в Харьков не ехать, попросив о переводе из штатных в сверхштатные профессора без содержания, дабы дать другому кандидату возможность быть избранным на его место, а сам намеревался продолжить депутатскую работу в столице²⁹. Тем самым он, соблюдая все правовые нормы, ставил Кассо в затруднительное положение. Действительно, министру потребовалось полгода, чтобы найти возможность нанести новый удар своему оппоненту. В январе 1914 г. Grimma обвинили в систематическом отсутствии на рабочем месте, в том, что он не объявлял и не читал лекции в течение учебного года. 31 января 1914 г. Кассо послал ему письмо, сообщив об увольнении³⁰. О своем решении министр незамедлительно известил Государственный совет. Рассмотрение вопроса о дальнейшем членстве Grimma в нем было поставлено на 7 марта 1914 года³¹. Однако результаты тайного голосования в Совете оказались для министерства полной неожиданностью: 56 членов выступили за вывод Grimma из совета, а 98 — против. Такого сокрушительного поражения Министерство народного просвещения не ожидало. Grimm же воспринял случившееся не только как личную победу, но и как победу гражданских начал над властным произволом. Он продолжал работу в Государственном совете вплоть до краха Российской империи. К сожалению, дорога в родной университет для него оказалась закрытой, хотя преподавательской деятельности он не прекратил. 9 ноября 1914 г. Grimm приступил к работе в Императорском Александровском лицее, где ему было предложено преподавать энциклопедию права³². Параллельно он читал курс вексельного права в Петровском коммерческом училище.

В годы первой мировой войны профессор занял активную патриотическую позицию. 20 сентября 1914 г. он писал своему коллеге, из-

вестному юристу-международнику В.Э. Грабарю: «Живем мы здесь все исключительно под знаменем войны — все мысли и чувства, и желания — все там, и трудно наряду с этим заниматься своими текущими делами — где бы и когда ни встретились — все разговоры вращаются ок[оло] войны. Прошла неделя сбора белья, в которой, между прочим, принимала большое участие жена...»³³. Между тем, тяготы военного времени и назревавший кризис в очередной раз убедили Гримма в необходимости достижения общественного консенсуса. Он призывал своих коллег к политической ответственности и одновременно упрекал власть за непоследовательность действий, министерскую чехарду и фаворитизм. Гримм был сторонником формирования «правительства народного доверия», которое, по его мнению, могло бы обеспечить общественное согласие и снять напряженность в стране³⁴. В 1915 г. он был избран в ЦК партии кадетов, выражал поддержку «Прогрессивному блоку»³⁵. Но события развивались по иному сценарию. В своих воспоминаниях профессор ярко описал нарастание оппозиционных настроений в стране и разочарование в верховной власти. Поэтому падение монархии не стало для него неожиданностью.

Указом Временного правительства 16 марта 1917 г. Гримм был назначен комиссаром над Государственной канцелярией. Им он проработает до 7 апреля. Практически в то же время, 18 марта, он стал заместителем министра народного просвещения Мануйлова по делам высшей школы. Гримм участвовал в подготовке циркуляров, реформировавших университеты на основе соблюдения принципов законности и академических свобод. В составе правительства он продержался лишь до 4 июля, когда вслед за тремя министрами-кадетами ушел в отставку. Вообще, в 1917 г. его общественно-политическая активность была чрезвычайно высока. 8 мая он стал членом Сената и оставался им вплоть до прихода к власти большевиков. 9—12 мая Гримм принимал участие в VIII съезде кадетской партии и вновь был избран в состав ее ЦК, наряду с П.Н. Милюковым, Вернадским, Кизеветтером, П.И. Новгородцевым, В.Д. Набоковым и др. В августе 1917 г. Гримм в качестве одного из делегатов от высших учебных заведений России принимал участие в Государственном совещании в Москве. Именно ему утром 14 августа было доверено произнести речь от лица академической группы. В ней профессор, обрисовав тяготы переживаемого момента, призвал всех сограждан возвыситься над партийными и классовыми интересами³⁶. 20 сентября 1917 г. Гримм как представитель кадетов вошел в состав так называемого Предпарламента. Он был создан Демократическим совещанием в качестве совещательного органа для представительства всех партий вплоть до созыва Учредительного собрания. Пафос выступлений Гримма и его необычайная активность вполне понятны. Он, как и многие российские интеллектуалы, в то время был охвачен эйфорией обновления, ощущением своей причастности к коренным историческим переменам в России. Правда, реальность вновь оказалась не такой, как мечтали, и вскоре профессор в этом убедится.

Даже в это трудное время Гримм продолжал заниматься преподавательской деятельностью. После своего ухода из министерства он вернулся в Петроградский университет, продолжая работу в Алексан-

дровском лицее. 12 октября Министерство народного просвещения утвердило его в звании заслуженного профессора, которое давало право на пенсию ³⁷.

Захват власти большевиками стал для Гримма большой неожиданностью. К сожалению, на основе известных источников крайне трудно восстановить картину жизни профессора в этот период. Какое-то время он продолжал работать в университете. Так, 5 марта (20 февраля) 1918 г. на заседании юридического факультета он был избран в состав юридической испытательной комиссии. Народный комиссариат просвещения определил ему пенсию в размере 3600 рублей в год ³⁸. Большевики с явным недоверием относились к Гримму. В начале сентября 1919 г. он был арестован и около шести недель провел в заключении ³⁹. Оставаться в Петрограде было небезопасно, и он принял решение бежать из Советской России вместе с семьей. В феврале 1920 г. при помощи друзей Гримм пересек границу с Финляндией. В его личном деле появилась краткая запись: «Выбыл из состава профессоров Единого Петроградского Университета 28 февраля 1920 г.» ⁴⁰. Так начался период многолетней эмиграции и окончательного расставания с Родиной.

Поселившись в Хельсинки, он стал деятельным участником антибольшевистского движения, активно контактировал с петроградским подпольем, например с Таганцевской организацией ⁴¹. Он принимал участие в работе Национального центра, руководил газетой «Новая русская жизнь». С конца 1920 г. Гримм состоял представителем Главнокомандующего Русской армией, генерала, барона П.Н. Врангеля и парижского Совещания послов. «Однако наладить сколько-нибудь нормальные отношения с финляндским правительством, утратившим после падения Крымского фронта всякий интерес к поддержке таковых, не удалось», — сетовал он несколько лет спустя ⁴². В 1922 г. газета из-за нехватки средств прекратила свое существование. Крах Кронштадтского восстания и разгром антибольшевистского подполья в Петрограде не внушал оптимизма. Гримм понял, что дальнейшее пребывание в Финляндии теряло всякий смысл и решил вернуться к профессорской деятельности. Он уехал в Париж, но уже вскоре был приглашен на работу в Прагу, где как раз разворачивалась «Русская акция» чехословацкого правительства — беспрецедентная программа помощи эмигрантам из России.

Приехавшие в Чехословакию ученые получали индивидуальные стипендии от правительства республики. Размер их варьировался в зависимости от прежнего статуса. Гримм был причислен к первой, высшей, категории, ему было назначено ежемесячное жалование в размере 2100 чешских крон и дополнительных 300 крон на жену ⁴³. Этих денег было вполне достаточно для нормальной жизни. Правда семье профессора поначалу пришлось столкнуться с трудностями, вызванными остротой квартирного вопроса в перенаселенной Праге. Некоторое время она была вынуждена жить в общежитии «Свободарна» на Либени, специально переделанном городскими властями для размещения русских преподавателей и студентов. Осенью 1926 г. Гримм вместе с супругой переехал в освободившуюся после отъезда из Праги П.Б. Струве квартиру в специально построенном знаменитом «Профессорском доме» ⁴⁴.

С первых дней пребывания в Праге Grimm принимал активное участие в жизни русской диаспоры. Профессор стал заместителем председателя Русской учебной коллегии, созданной до его приезда в декабре 1921 г., и призванной оказывать академическую помощь учащейся молодежи. Комиссия выполняла в числе прочего функции научного объединения, которое в 1924 г. начало издавать свои «Записки» по трем сериям. Grimm опубликовал в них одну из своих первых работ пражского периода⁴⁵. Он также вошел в состав Русской академической группы в Чехословакии, образовавшейся осенью 1921 года. По признанию создателей, группа видела своей задачей укрепление связей русских исследователей с учеными из других стран, научную подготовку молодых людей, «посвящающих себя по окончании высшего образования занятиям науки и нуждающихся для прохождения учебно-ученого искусства вне своей университетской обстановки в таком руководстве, которое бы соответствовало русским требованиям и традициям»⁴⁶. Первым председателем Академической группы был избран профессор Новгородцев, а пост почетного председателя занял профессор А.С. Ломшаков. Grimm же стал товарищем председателя. Одним из главных направлений в работе группы было присвоение ученых степеней и званий. Известно, что 3 июня 1923 г. именно Grimm руководил процессом защиты диссертации Г.В. Флоровского «Историческая философия А.И. Герцена» на соискание ученой степени магистра философии⁴⁷. В качестве представителя Академической группы в Чехословакии Grimm в октябре 1922 г. принял участие во Втором съезде русских академических организаций за границей, проходившем в Праге. По его итогам профессор был избран в состав правления Союза русских академических организаций за границей. На этом съезде, кроме прочего, было решено создать в чехословацкой столице Русский институт. Он начал свою работу ровно через год, и Grimm принял в ней участие в качестве приглашенного лектора. В феврале 1924 г. он прочел публичную лекцию «Русские конституционные учреждения», а в марте — «Государственная Дума и Государственный Совет»⁴⁸. Тексты их, увы, обнаружить не удалось.

Но едва ли не самой яркой страницей пражского периода жизни Grimma стала его работа на Русском юридическом факультете. В октябре 1921 г. в Праге возникло гуманитарное отделение Высших русских дополнительных курсов, призванное организовывать специальные занятия для русских студентов Карлова университета. Его председателем стал профессор Новгородцев, а секретарем — профессор Н.Н. Алексеев. В начале 1922 г. гуманитарное отделение было разбито на секции — историко-филологическую и юридико-экономическую. В последней из них начал преподавать Grimm⁴⁹. Тогда и возникла мысль о преобразовании этой секции в самостоятельное высшее учебное заведение. Так, 14 февраля 1922 г. было принято решение о создании Русского юридического факультета, торжественное открытие которого состоялось 18 мая 1922 года. Его основатели подчеркивали, что в СССР были уничтожены все правовые основы и прекратилась подготовка юристов. Получение юридического образования русскими студентами в зарубежных университетах не в силах заменить обучения национальному праву. Поэтому в основу организации факультета была положена подготовка специалистов по дорево-

люционным учебным программам. Эмигранты верили, что выпускники в будущем вернуться в демократическую Россию, где смогут использовать полученные знания. Но ориентация на дореволюционную университетскую культуру, соединенная с уверенностью в скором возвращении домой, породила немало трудностей. Юридическое образование, базировавшееся на национальных традициях, за рубежом не было востребовано.

Первым деканом факультета стал давний знакомый Гримма профессор Новгородцев. Сам он получил кафедру римского права и помимо того в декабре 1923 г. возглавил созданное Общество правоведения и общественных знаний. Новгородцев в то время был уже тяжело болен и 23 апреля 1924 г. скончался. Гримму суждено было стать его преемником. Он был избран деканом факультета 27 мая 1924 г. и впоследствии, в 1925 и 1926 гг., переизбирался на этот пост. Ученый считался живым воплощением университетских традиций. Именно он, наряду с Кизеветтером, Новиковым и Е.В. Спекторским (двое последних также были бывшими ректорами Московского и Киевского университетов соответственно), был одним из инициаторов празднования «Татьянина дня» в 1925 году⁵⁰.

Гримму предстояло руководить юридическим факультетом в весьма непростой период. Число желающих учиться русскому праву по дореволюционным образцам стремительно падало. Известны обращения декана к чешскому политику Карелу Крамаржу с просьбой помочь трудоустроиться выпускникам⁵¹. Другой проблемой стало сокращение финансирования со стороны чехословацкого правительства. Все это породило постепенное свертывание деятельности факультета. На годовичном акте 18 мая 1927 г. декан Гримм с горечью говорил: «Культурная работа на наших глазах обрывается, и вновь судьба нам напоминает, что — пока не будет великой России — мы осуждены на жизнь и скитания в роли вечных Агасферов, которые никому не нужны, и которых никто понять не желает, да и не может по-настоящему понять»⁵².

Не видя перспектив и дальше оставаться в Праге, Гримм стал искать новое место работы. Здесь следует сказать, что еще в 1920 г. ему, благодаря хлопотам профессора-юриста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855—1943), пришло приглашение из Тартуского университета. Находясь в Хельсинки, Гримм получил известие, что Совет университета 14 апреля 1920 г. избрал его ординарным профессором римского права, а 1 июня 1920 г. министр народного просвещения Эстонии утвердил его в этой должности⁵³. Новость стала для ученого абсолютно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал активное участие в общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться. Теперь же он вернулся к эстонскому предложению. О его назначении в январе 1927 г. вновь ходатайствовал И.М. Тютрюмов. В начале 1927 г. Гримм согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете в Тарту⁵⁴. 15 марта 1927 г. Совет университета избрал его ординарным профессором, а 28 марта министром приказом утвердил в этой должности с разрешением в течение 5 лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не знал эстонского. В начале сентября 1927 г. Давид Давидович, его жена Вера Ива-

новна, сын Иван с супругой Марией Владимировной и детьми, а также няня С.К. Кузьмина, служившая в доме профессора свыше 30 лет и последовавшая за его семьей в эмиграцию, прибыли в Тарту⁵⁵.

Новая среда тепло приняла профессора. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. Кажется, что профессор наконец обрел долгожданный покой. В январе 1931 г. он с юмором писал своему младшему коллеге П.А. Остроухову в Прагу: «Лично мы живем по-старому, как полагается в фортеции: мы в фортеции живем, хлеб едим и воду пьем, — только без дальнейшего продолжения этой солдатской песни: картечи не хватает». Но, конечно, не все было так гладко. Гримму пришлось столкнуться с экономическими проблемами, порожденными мировым кризисом, о которых он писал все тому же Остроухову: «Обсуждают тему сокращений. Здесь тоже идут сокращения. Уже сократили нас с января т.г. на 15%, и теперь, по-видимому, предстоят новые сокращения... Вообще, вся Европа живет сейчас без завтрашнего дня, как мы грешные с 17-го года»⁵⁶. Случались проблемы и в университете. Так, в январе 1935 г. был сорван объявленный профессором курс по римскому договорному праву. На первую лекцию пришло только двое студентов, а на вторую и третью не явился никто. Гримм был обижен: «При таких условиях я считаю дальнейшие попытки чтения объявленного мною курса бессмысленными и несовместимыми с моим достоинством»⁵⁷. И все же эстонский период жизни профессора можно назвать относительно спокойным и счастливым. В 1929 г. Гримм принялся за мемуары и писал их в течение двух лет. Как отметила Т.К. Шор, они отразили в себе не только время, но и внутренний мир этого истинного осколка старой уходящей России, в эмиграции вновь пережившего все перипетии самого плодотворного периода своей жизни⁵⁸.

В Эстонии Гримм принимал активное участие в русской общественной жизни, долгое время состоял членом приходского совета тартуского Успенского собора, был председателем тартуского отдела Русского национального союза. Факты свидетельствуют о том, что в Эстонской республике русский профессор Гримм пользовался очень большим авторитетом. В феврале 1931 г. он обратился к министру юстиции и внутренних дел с просьбой принять его в эстонское гражданство на основании § 9 «Закона о гражданстве» 1922 г., и уже в конце марта это ходатайство было удовлетворено⁵⁹. Семидесятилетие профессора в 1934 г. широко отмечалось в интеллектуальных кругах. Так, на годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А. Пийпа было устроено чествование Гримма. По достижении предельного возраста он с 1 июля 1934 г. вышел на пенсию⁶⁰, однако остался работать в университете в качестве внештатного преподавателя.

В 1935 г. министр юстиции и внутренних дел пригласил Гримма в качестве эксперта для работы над новой Конституцией Эстонской республики. Профессор с интересом принял это предложение, попросив временно отменить занятия в университете. В феврале 1937 г. глава государства Константин Пятс назначил Гримма членом Государственного совета (Riiginõukogu) — верхней палаты создаваемого Национального собрания (Rahvuskogu) — в качестве представителя

от русского меньшинства. «Вот как судьба играет с людьми. Был я в свое время выборным членом Государственного Совета, а здесь стал одним из 10 назначенных членов второй палаты Эстонского парламента»⁶¹. Работа для ученого оказалась интересной, но тяжелой. С февраля по июнь 1937 г. он практически еженедельно с понедельника по пятницу уезжал из Тарту в Таллинн. Лишь в июне 1937 г. профессор переселился на дачу близ столицы, чтобы облегчить свои передвижения вплоть до окончания работы над новой Конституцией, которая была принята Национальным собранием 28 июля 1937 года. Пожалуй, это было последнее яркое событие в общественной жизни профессора Гримма. Преклонный возраст заставлял его ограничить прежнюю активность. К тому же из Тарту вынужден был уехать его сын Иван вместе со своими детьми. И.Д. Гримм, как и отец, избрал карьеру правоведа. В Тарту он постоянную работу найти не смог и был вынужден уехать в Ригу. Гримм оставался в Эстонии, вероятно, до конца 1938 г. — начала 1939 г., а затем уехал к сыну в Латвию. В январе 1939 г. уже оттуда он благодарил декана юридического факультета Тартуского университета за поздравление с юбилеем⁶².

К сожалению, о последних годах жизни ученого известно крайне мало. Имеющиеся источники не позволяют пока сказать, как пережил он роковые 1939—1941 гг.: начало второй мировой войны, советизацию Прибалтики вкуче с развернувшимися там репрессиями, начало Великий Отечественной войны и захват Риги немцами. Доподлинно известно лишь, что скончался профессор Гримм 29 июля 1941 г. в Риге и был похоронен на Покровском кладбище, где нашли свой последний приют многие эмигранты из России.

На протяжении всей своей жизни Гримм был неутомимым борцом за интеллектуальную и творческую свободу. Он полагал, что успешное и динамичное развитие России возможно лишь при условии соблюдения законности и главенстве правовых начал. Он выступал противником любого радикализма, как правого, так и левого. Университетам он отводил особую роль в процессе модернизации и поэтому выступал последовательным сторонником академических свобод. Вся его деятельность была отмечена преобразовательным пафосом, столь свойственным интеллигенции его времени и порой далеким от исторической реальности. Но нет никаких оснований усомниться в том, что он всегда был искренним патриотом России и верил в нее даже в самые трудные моменты истории.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-01-00450а) и Российского научного фонда (проект 15-18-00135).

1. ГРИММ Д.Д. Лекции по догме римского права. М. 2003.
2. ДИТЦ Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М. 1997, с. 404—405.
3. Eesti Ajaloarhiiv (ЕАА), f. 402, n. 3, a. 526, l. 16p.
4. Ibid, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 48.
5. КАРЦОВ А.С. Русский институт римского права при Берлинском университете (1887—1896). — Древнее право. Ivs antiquvm. 2003, № 2 (12), с. 120—121.
6. ЕАА, f. 402, n. 3, a. 526, l. 16p.

7. ТОМСИНОВ В.А. Давид Давидович Гримм (1864—1941). Биографический очерк. В кн.: ГРИММ Д.Д. Ук. соч., с. 21.
8. ГЕССЕН И.В. В двух веках. Жизненный отчет. В кн.: Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. XXII. М. 1993, с. 301.
9. ЕАА, f. 384, n. 1, a. 3325, l. 1—1р., 2, 3; f. 402, n. 3, a. 526, l. 1; a. 527, l. 1А.
10. Ibid, f. 402, n. 3, a. 526, l. 10, 11, 15, 17р.; f. 402, n. 3, a. 527, l. 3.
11. ГРИММ Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Дерпт. 1891, вып. 1—2; СПб. 1893, вып. 3.
12. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 48.
13. БОН Т. Русская историческая наука (1880—1905 гг.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб. 2005, с. 38—41.
14. ГРИММ Д.Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Прологомены к общей теории гражданского права. Т. 1. СПб. 1900.
15. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 48р.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102, дп. ОО, оп. 227, д. 431, л. 1об.
17. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Моя жизнь. М. 2005, с. 390.
18. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150а, l. 27.
19. ИВАНОВ А.Е., КУЛАГИНА И.П. Русская профессура на рубеже XIX—XX веков. — Российская история. 2013, № 2, с. 52.
20. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150а, l. 30.
21. Общий Устав Императорских российских университетов 1884 года. Харьков. 1911, с. 11.
22. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150а, l. 65.
23. АНАНЬИЧ Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб. 2007, с. 109—110; РОСТОВЦЕВ Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет). Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб. 2012, с. 494.
24. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150а, l. 66.
25. ГРИММ Д.Д. Видимая законность и скрытое усмотрение. — Вестник Европы. 1913, кн. 2, с. 271—288.
26. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150а, l. 38.
27. Архив РАН, ф. 639, оп. 1, д. 173, л. 39—39об.
28. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 49.
29. Ibid, f. 2100, n. 2, a. 150а, l. 39; КОВАЛЕВ М.В. Профессор Д.Д. Гримм и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы. В кн.: Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога: сб. научных трудов. Саратов. 2015, с. 105.
30. ГА РФ, ф. 1807, оп. 1, д. 414, л. 1—1об.
31. Там же, ф. 564, оп. 1, д. 1655, л. 1—6.
32. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 13р.
33. Käsikirjade ja haruldaste raamatute osakond Tartu Ülikooli Raamatukogu, f. 38, n. 1, a. 289, l. 1.
34. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150а, l. 153.
35. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. Т. 2. М. 1990, с. 185.
36. Государственное совещание. М.-Л. 1930, с. 96—97.
37. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 49.
38. Ibid, l. 49р.
39. Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection, 1915-1944, box 16, fold. 30.
40. ЕАА, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 49р.
41. ЧЕРНЯЕВ В.Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда. Нансеновские чтения 2008. СПб. 2009, с. 17—38; МУСАЕВ В.И. Политические организации российской эмиграции в Финляндии в 1920—1930-е гг. В кн.: Зарубежная Россия. 1917—1939. Кн. 2. СПб. 2003, с. 84—86.
42. HIA, box 16, fold. 30.

43. ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 127, л. 17.
44. Archiv Národního muzea (ANM), f. Karel Kramář, kart. 19, inv. č. 961, 2—5—710—711.
45. ГРИММ Д.Д. Основные предположения и задачи социальных наук. — Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. 1924, т. I, вып. III: Общественные науки, с. 29—73.
46. Národní archiv ČR, f. Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR, inv. č. 80, kart. 6.
47. Ibid, inv. č. 125/1, kart. 16
48. Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-Flor. Krab. IV. Přednášky v ruských emigrantských institucích v Praze; Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. T. I. Praha. 2000, s. 140, 142.
49. ГА РФ, ф. 5765, оп. 1, д. 4, л. 25об.
50. Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace, s. 180.
51. ANM, f. Karel Kramář, kart. 19, inv. č. 961, 2—5—703, 2—5—704.
52. Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926—1927 учебный год. Прага, 1927, с. 3—4.
53. EAA, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 3a, 4.
54. Ibid, l. 12.
55. Eesti Riigiarhiiv (ERA), f. 14, n. 12, a. 4375, l. 11; EAA, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 28—28p.
56. ГА РФ, ф. 9586, оп. 1, д. 171, л. 1об., 2об.
57. EAA, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 105.
58. ШОР Т.К. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма. Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига. 2000, с. 91; ШОР Т.К., КОВАЛЁВ М.В., ВОРОНЕЖЦЕВ А.В. Давид Давидович Гримм и его воспоминания. В кн.: Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога, с. 75.
59. ERA, f. 14, n. 12, a. 4375, l. 1, 10.
60. EAA, f. 2100, n. 2, a. 150, l. 69, 107.
61. ГА РФ, ф. 9586, оп. 1, д. 171, л. 4об.
62. EAA, f. 2100, n. 2a, a. 8, l. 26.

Оптические инструменты Симона Плёссля в России в первой половине XIX века

В.Л. Ченакал

Аннотация. Более четверти века Музей М.В. Ломоносова в Ленинграде возглавлял В.Л. Ченакал. В годы «холодной войны» он активно развивал не только внутри-союзные, но и международные связи музея, прилагая все усилия к тому, чтобы он стал исследовательским центром мирового значения. Кроме вопросов ломоносоведения, музей занимался историей науки XVIII века. Его усилиями здесь была сформирована уникальная коллекция научных инструментов. Среди телескопов — работы знаменитого в XIX в. венского мастера С. Плёссля. Один из них был подарен музею самим Ченакалом незадолго до смерти. Вниманию читателей предлагается статья о Плёссле, написанная Ченакалом и опубликованная на немецком языке. На русский язык переведена автором и публикуется впервые.

Ключевые слова: история науки, телескопы, микроскопы, оптическая мастерская, музейные коллекции, Пулковская обсерватория.

Abstract. V.L. Chenakal was the head of M.V. Lomonosov's museum in Leningrad for more than quarter of a century. During the years of the «cold war» he developed not only the relations inside the Soviet Union, but also international relations, taking pains to make the museum a research center of the world significance. Apart from studying M.V. Lomonosov's heritage, the museum studied the history of science in the 18th century. Due to V.L. Chenakal's efforts unique collection of scientific instruments was formed. Among the telescopes there are works of famous in the 19th century optic Simon Plössl from Vein, one of which was presented to the museum by V.L. Chenakal. The article about this master and his instruments is suggested now for Russian readers. It was originally written and published in German and translated into Russian.

Key words: history of sciences, telescopes, microscopes, optic workshop, museum collections, observatory at Pulkovo.

Введение. Музей М.В. Ломоносова в составе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) хранит интереснейшую коллекцию научных приборов XIV—XIX веков. Уникальными раритетами являются арабский квадрант XIV в. — один из старейших научных инструментов в музейных собраниях, астролябия Г. Арсениуса, армиллярные сферы Дюпрессуа и Ж. Делюра, солнечные часы работы Н.Г. Чижова, меридианный круг Т. Эртеля. Кроме названных шедевров в музее находятся десятки научных приборов и инструментов не столь знаменитых и вовсе неизвестных мастеров. Эти

скромные памятники эпохи в свое время сыграли важную роль в становлении отечественной астрономии, географии, физики, химии, метеорологической службы.

Огромную работу по атрибуции этих музейных предметов и их научному изучению провел Валентин Лукич Ченакал (1914—1977 гг.), кандидат исторических наук, более четверти века (с 1948 по 1977 гг.) возглавлявший Музей М.В. Ломоносова.

Занимаясь научно-исследовательской деятельностью по изучению отечественной науки и техники, В.Л. Ченакал написал более 200 статей и книг. Большинство их было основано на впервые вводимых в научный оборот архивных и музейных материалах.

В 1958 г. под руководством Ченакала в Музее М.В. Ломоносова на четвертом этаже, в башне Кунсткамеры была создана постоянно действующая экспозиция «Ломоносов и русская астрономия XVIII в.». С течением времени экспозиция выросла, обогатилась новыми экспонатами, расширились ее тематические рамки. Сейчас она носит название «Первая астрономическая обсерватория Академии наук» и продолжает ежегодно привлекать внимание множества посетителей ¹.

Ченакал был признанным специалистом по истории науки не только в СССР, но и во всем мире. Его книга «Русские приборостроители первой половины XVIII века» ² была переведена на английский язык и опубликована в Нью-Дели в 1976 году ³.

Широкую известность получили его труды по истории астрономии — «Очерки по истории русской астрономии», «Малые обсерватории Петербургской Академии наук в XVIII в.», «Зеркальные телескопы Ломоносова», «Зажигательные стекла и зеркала Чирнгауза в России» и другие ⁴.

Некоторые работы Ченакала публиковались только за рубежом и до сих пор не вышли в свет на русском языке. Восполняя этот пробел, предлагаем вниманию читателей его статью «Оптические инструменты Симона Плёссля в России в первой половине XIX в.», опубликованную в 1974 г. в австрийском сборнике по истории техники ⁵. Эта статья написана в последние годы жизни ученого, когда он, будучи уже тяжело больным, не оставлял работу и вел активную научную деятельность. В эти же годы он руководил составлением каталога коллекций Музея М.В. Ломоносова и работал над книгой «Большой академический глобус». Обе эти работы остались неопубликованными, местонахождение рукописей на данный момент неизвестно. К этому же периоду относятся его книги об И.И. Беляеве и астрономии в допетровской России, а также ряд статей о мастерах инструментального дела и по истории астрономических наблюдений ⁶.

Известно, что Ченакал хорошо владел немецким языком, в 1946 г. почти полностью провел в Йене, в служебной командировке на заводе К. Цейса ⁷. Вероятно, статью он писал на немецком языке без помощи переводчика.

Среди личных вещей Ченакала был телескоп С.Г. Плёссля. За полтора года до смерти, в декабре 1975 г., он передал этот замечательный прибор в дар музею ⁸. Кроме того, в коллекциях музея находится еще один телескоп Плёссля, переданный при расформировании коллекций Музея истории микроскопии в Москве. Подробнее о них, а

также о других инструментах известного в свое время венского мастера, в статье Ченакала.

Введение, перевод и публикацию подготовила **Е.М. Лупанова**.

Примечания

1. ЧЕНАКАЛ Л.Г. Четверть века в Музее М.В. Ломоносова (Воспоминания о В.Л. Ченакале). В кн.: Развитие методов астрономических исследований. М.-Л. 1979, с. 444—456.
2. ЕГО ЖЕ. Русские приборостроители первой половины XVIII века. Л. 1953.
3. CHENAKAL V.L. Russian Tool and Instrument Makers of the 18th Century. New Delhi. 1976.
4. ЧЕНАКАЛ В.Л. Очерки по истории русской астрономии. Наблюдательная астрономия в России XVII — начала XIX в. М.-Л. 1951; ЕГО ЖЕ. Зеркальные телескопы Ломоносова. В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.-Л. 1951, с. 84—123; ЕГО ЖЕ. Малые обсерватории Петербургской Академии наук в XVIII веке. В кн.: Историко-астрономические исследования. М. 1957, с. 261—452; ЕГО ЖЕ. Зажигательные стекла и зеркала Чирнгауза в России. В кн.: Труды Института истории естествознания и техники. Т. 34. М. 1960, с. 492—511.
5. TCHENAKAL W.L. Optische Instrumente von Simon Plössl in Russland in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. In: Blätter für Technikgeschichte. Wien. 1974, S. 115—133.
6. ЧЕНАКАЛ В.Л. Иван Иванович Беляев — русский оптик XVIII в. Л. 1976; ЕГО ЖЕ. Практическая астрономия в России допетровского и петровского времени. Л. 1975. ЕГО ЖЕ. Первые обсерватории Петербургской Академии наук. — Земля и вселенная. М. 1975, № 6, с. 50—56.
7. Автобиография. 10 ноября 1949 г. Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук, ф. 142, оп. 5, д. 578, л. 6—6об.
8. Акт о приобретении коллекционных предметов. 1 декабря 1975 г. Архив отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, д. 86, л. 21.

* * *

Развитие естественнонаучного знания в России в первой половине XIX в. шло через создание множества новых научно-исследовательских институтов, университетов и высших школ, которые были призваны вести исследования в различных областях.

В то время как в течение всего XVIII в. в России появилось пять таких институтов — Морская академия (1715), Санкт-Петербургская Академия наук (1725), Московский университет (1755), Горный институт (1773) и Медико-хирургическая академия (1798) — то в течение первой половины XIX в., что составляет в два раза меньший промежуток времени, было основано почти в три раза больше научных и образовательных центров — Дерптский университет (1802), Виленский (1803), Казанский (1804), Харьковский (1805), Санкт-Петербур-

---

Лупанова Евгения Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург. E-mail: lupanova@kunstkamtra.ru.

Lupanova Yevgenia M. — Ph.D (History), senior researcher at the department of history of the Kunstkamera and Russian sciences of the 18th century, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera). E-mail: lupanova@kunstkamera.ru.

гский (1819), Киевский (1834), Царскосельский лицей (1803), Институт корпуса инженеров путей сообщения (1810), Санкт-Петербургский практический [Технологический] институт (1828), Главный педагогический институт (1828) ¹, Астрономическая обсерватория в Пулково (1839) и Главная геофизическая обсерватория (1849).

Для всех этих научных учреждений, университетов и высших школ было необходимо большое количество научных инструментов. Жившие в указанное время в России мастера инструментального дела ², конечно, не могли удовлетворить так быстро возросший спрос на их продукцию. Такое положение вызывало необходимость обращаться к заказам в мастерских континентальной Европы ³. Среди изготовителей ввозившихся в Россию научных инструментов такие выдающиеся имена как Йозеф фон Утцшнайдер (1763—1840) и Йозеф Фраунгофер (1787—1826) ⁴, Георг фон Рейхенбах (1772—1826), Джованни Батиста Амичи (1784—1863), Жан Габриэль-Август (1778—1848) и Шарль-Луи Шевалье (1804—1859), Георг Мерц (1793—1867) и Франц Йозеф Малер (1795—1845), Комель-Себастьян Наше (1799—1881), Гебрюдер Георг (1804—1885) и Адольф Репсольд (1806—1871), Эдмунд Хартнак (1826—1891), Фридрих Адольф Ноберт (1806—1881). Среди мастеров, поставлявших в Россию инструменты в первой половине XIX в. был также венский оптик Симон Георг Плёссль (1794—1868 г.), чья мастерская, основанная в 1823 г., очень быстро получила всеобщее признание не только в Австрии, но и в других странах.

Первые сообщения о С.Г. Плёссле и его прекрасных инструментах проникли в Россию вместе с сообщениями о начале работы его мастерской в периодических изданиях. Русские ученые, как правило, хорошо владевшие немецким языком, следили за европейской прессой и стали наводить справки о новинках из мастерской Плёссля.

Много сделал для знакомства русских ученых с ним венский астроном Йозеф Иоганн фон Литров (1781—1840), живший в России с 1810 по 1816 г. и занимавший должность профессора астрономии в Казанском университете. По возвращении в Вену в 1816 г., где он стал директором Венской астрономической обсерватории, он продолжал поддерживать связи с русскими коллегами и учениками, вел с ними активную переписку. Среди других новостей науки и прочей информации он рассказал о замечательном мастере-оптике Плёссле, с которым он был знаком.

Вслед за информацией о мастере в Россию прибыли и сами инструменты. Первым завоевал любовь русских ученых микроскоп фирмы Плёссля. Его отличало высокое качество, и очень скоро он стал широко использоваться в университетах для проведения микроскопических исследований.

Когда попал в Москву первый микроскоп Плёссля, остается неустановленным. Известно только, что к началу 1840 г. они были уже довольно популярными. В 1843 г. профессор астрономии Казанского университета Евгений Филиппович Аристов (1806—1875) опубликовал статью об успехах использования новейших микроскопов в анатомических исследованиях, он упомянул о том, что современный микроскоп «какой могут готовить только Фраунгофер, Плёссль, Шик и Пистор» дает возможность изучать строение нервной ткани ⁵.

Едва ли Е.Ф. Аристов написал бы такие строки, если бы микроскопы Плёссля не были хорошо известны в России.

В Советском Союзе в течение многих лет собирал коллекцию микроскопов исторического значения Самуил Львович Соболев (1893—1960) ⁶. Среди других у него было три микроскопа из мастерской Плёссля. И как раз недавно вышел в свет каталог инструментов, хранящихся в музеях Советского Союза ⁷. (Ниже приведено описание каждого из микроскопов, вошедших в этот каталог. — *Е.Л.*).

Латунный микроскоп с круглым основанием с вертикальным удлиненным тубусом. Одностороннее вогнутое зеркало в центре основания укреплено двумя изогнутыми пластинами. Фокусировка производилась посредством перемещения тубуса по трехгранному штативу: грубая наводка — кремальерой, тонкая наводка — микровинтом, расположенном на верхней части штатива. На тубусе имеется надпись «Plössl in Wien». Есть также комплект сменного (запасного) объектива и двух окуляров, изготовленный в 1840—1850 годах. Общая высота прибора 49 см., длина тубуса 30 см., диаметр основания 12 см.

Латунный микроскоп с круглым основанием, на краю которого укреплена трехгранная колонка. Одностороннее вогнутое зеркало укреплено на колонке. Предметный столик круглый, с большим отверстием. Фокусировка производилась посредством перемещения столика по колонке при помощи кремальеры. Тубус выдвигающийся, на нем указаны числа: 16; 30; 60; 90; 120; 150. На основании надпись «Plössl in Wien». Имеется также сменный (запасной) объектив ⁸. Общая высота прибора 35 см., длина тубуса 24 см., диаметр основания 8 см.

Латунный микроскоп на трех ножках. Угол наклона тубуса может изменяться вместе с предметным столиком и зеркалом. Грубая наводка осуществлялась при помощи кремальеры, позволявшей передвигать тубусодержатель по прямоугольному штативу; точная наводка — микрометрическим винтом, менявшим положение предметного столика. Столик оснащен нониусом. На столике укреплен подвижный зажим. Зеркало одностороннее, вогнутое. У подставки находится трехгранная призма. Прибор изготовлен австрийским мастером Плёсслем. На тубусе находится надпись «Plössl in Wien», примерно 1847 года. Общая высота 46 см, длина тубуса 29 см.

В каталоге русских инструментов, хранящихся в музейных собраниях Советского Союза, записи из которого здесь приведены, к сожалению, отсутствует описание оптики объектива и окуляра трех микроскопов Плёссля, из-за чего трудно сказать что-либо об увеличении, которое они давали, или о дате изготовления.

Латунный солнечный микроскоп ⁹. Тубус четырехступенчатый; состоит из трех цилиндров и конуса, который укреплен на квадратной пластинке; с другой стороны к этой пластине прикреплено плоское зеркало (33x10,8 см, которое может поворачиваться к пластинке под разными углами), имеется также ряд сменных деталей. На конусе нанесена надпись «Plössl in Wien». 1840-е годы.

Сегодня в Государственном политехническом музее хранится микроскоп, который в свое время принадлежал к собранию Самуила Львовича Соболева. Длина тубуса 40 см, его максимальный диаметр 12,3 см, минимальный 3,4 см. Длина зеркала 36,5 см, максимальная ширина 15,7 см, минимальная ширина 13,4 см. Длина пластины с

окулярюм 30,8 см. Окуляр давал возможность изменения увеличения в довольно большом диапазоне. Солнечные микроскопы не получили такого большого распространения, как обычные; несмотря на это в XIX в. их изготавливал целый ряд крупных оптических фирм. Сегодня они встречаются очень редко.

Латунный микроскоп, принадлежавший ранее знаменитому русскому анатому и хирургу Николаю Ивановичу Пирогову (1810—1881), также хранился в коллекции Соболя, которая сейчас находится в Политехническом музее в Москве. Общая высота инструмента 48,5 см, высота подставки 30,1 см, длина ножек 12,8 см, длина тубуса 30,1 см, диаметр тубуса 4,2 см, высота столика 10,4 см, высота призмы 23,1 см, количество сменных деталей — 14.

Конструкция описанного микроскопа была самой сложной среди представленных им микроскопов и отличалась необычайно высоким качеством оптики по сравнению с другими микроскопами, дающими среднее увеличение. Плэссль изготовил микроскопов такого типа меньше, чем других ¹⁰.

Всем микроскопам Плэссля в мастерской присваивался свой инвентарный номер. На описанных выше микроскопах это номера 117, 118, 305, 503; микроскоп, принадлежавший Пирогову, имеет номер 292 ¹¹.

Сейчас трудно сказать, учтены ли все известные микроскопы работы Плэссля, находившиеся в России, но мы придерживаемся мнения, что это далеко не все, так как многие из них были безвозвратно утеряны. Не исключено, что когда-нибудь будут обнаружены другие микроскопы работы Плэссля, хотя вряд ли это позволит нам получить какие-либо новые сведения.

Кроме высокой оценки микроскопов Плэссля анонимного автора, процитированного выше Аристовом и других, русский читатель мог узнать об этих микроскопах из работ зарубежных ученых-микроскопистов.

В 1847 г. копенгагенский врач Адольф Ганновер (1814—1894) опубликовал книгу «Микроскоп, его устройство и употребление». В 1853 г. в Эдинбурге вышел в свет английский перевод ¹², в 1854 г. — в Лейпциге немецкий ¹³ и, наконец, в 1859 г. — в Москве русский ¹⁴.

В русском переводе книги А. Ганновера, равно как и в датском оригинале, а также в английском и немецком переводах, находится много информации о новейших микроскопах того времени, и в частности о микроскопах Плэссля. Кроме того, автор причислял их к самым распространенным.

В 1863 г. профессор медицины в Цюрихе Генрих Фрей издал в Лейпциге книгу «Микроскоп и микроскопическая техника» ¹⁵. В 1865 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет русский перевод этой книги ¹⁶. В ней также содержалось много информации о микроскопах Плэссля. На самом деле, автор упоминает их как лучшие микроскопы прошедшей поры. Он дает характеристику микроскопам различных фирм Европы и Америки и пишет: «В Вене Плэссль — первая фирма (адрес Alte Wieden, Feldgasse, угол с Schmölergasse, № 215). В течение 20 лет инструменты Плэссля считались лучшими. Являются ли они таковыми и сегодня, я не могу сказать» ¹⁷. В конце книги Г. Фрей приводит прайслисты некоторых мастеров, изготавливавших микроскопы и комплектующие. Несмотря на то, что во второй половине XIX в. появил-

ся ряд новых оптических фирм, микроскопы еще более высокого качества, чем изготавливавшиеся в фирмах первой половины века, микроскопы Плёссля к этому времени не были забыты.

В 1889 г. знаменитый русский фармацевт того времени Иван Иванович Мартенсон (1840 — ок. 1901) ¹⁸ сделал доклад в Петербургском фармацевтическом обществе на тему «Микроскопы Карла Цейса в Йене. Обзор 300-летней истории микроскопа» ¹⁹. Хотя этот доклад был в основном посвящен микроскопам Карла Цейса, уже появившимся во второй половине XIX в., он не забыл упомянуть имя Плёссля. После того, как И.И. Мартенсон отмечает достоинства микроскопов первой половины XIX в., достижения Оберхаузера и Гартнага в совершенствовании конструкции всего микроскопа, он продолжает: «Конечно, примеру Оберхаузера и Гартнага последовали многие другие; перечисление всех усовершенствований и имен изобретателей потребовало бы слишком много времени. Считаю долгом упомянуть лишь такие имена, как Nachet ²⁰ в Париже; проф. Amici во Флоренции, старавшегося исправить влияние покровных стекол, применявшего неподвижные системы чечевиц и иммерзионные системы и сумевшего придать объективам значительно большие углы отверстия, чем до него. Далее упомяну Merz'a в Мюнхене, Plössl'я в Вене, Schieck'a в Берлине, Nobert'a в Грейфсвальде» ²¹.

Не меньший интерес, чем микроскопы Плёссля, у русских ученых первой половины XIX в. вызывали телескопы этого знаменитого мастера. Первым русским исследователем, обратившим на них свое внимание и начавшим применять на практике, был известный русский астроном Фридрих Георг Вильгельм (Василий Яковлевич) Струве (1793—1864), который сперва возглавлял Обсерваторию в Дерпте, а затем стал директором знаменитой астрономической Обсерватории в Пулково. В течение 20 лет В.Я. Струве руководства Дерптской обсерваторией (с 1813 по 1833), он проявил себя как астроном, способный взять под контроль всю научную работу при основании в России новой обсерватории на Пулковских высотах недалеко от Санкт-Петербурга. Так как он был одним из инициаторов основания обсерватории и одним из активнейших членов группы ученых, взявших на себя ее обустройство, уже в 1833 г. он был приглашен в особую комиссию при Министерстве народного просвещения для руководства проектом строительства и оснащения Обсерватории астрономическими инструментами. Уже тогда Струве считал себя будущим директором Обсерватории. Так как Струве регулярно следил за научной периодикой и вел переписку с зарубежными специалистами о новинках техники и достижениях в сфере астрономического приборостроения, он быстро узнал о появившемся в Вене новом способном оптике Плёссле. Однако при этом не сообщается, когда состоялось знакомство со знаменитым венским оптиком. Известно, что в начале 1834 г. Плёссль изготовил не только микроскоп и телескоп, но вскоре также и рефрактор-диалит (телескоп-рефрактор с двухлинзовым объективом).

Летом 1834 г. Струве отправился из Дерпта за границу. Целью его поездки был заказ у мастеров инструментов, необходимых для оборудования Пулковской обсерватории. После того как он побывал в Кенигсберге, Берлине, Гамбурге, Альтоне ²², Мангейме и Мюнхене, где он либо заказывал инструменты, либо обсуждал проект будущего

обустройства Пулковской обсерватории с жившими в этих городах астрономами, Струве прибыл в сентябре того же года в Вену ²³.

В Вену его привело исключительно желание познакомиться с Плесслем и инструментами его работы, и когда он их увидел, решил заказать несколько для своей обсерватории.

В Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР среди других рукописей Струве хранятся документы, которые рассказывают о знакомстве дерптского астронома в Вене с Плесслем и о том, какие инструменты он у него заказал для Пулковской обсерватории. Ниже приводится первый из этих документов.

Рапорт члена Академии наук Струве о поездке за границу с целью заказа астрономических инструментов для Пулковской обсерватории...

III. Малый телескоп-рефрактор.

Я также имел возможность заказать в Мюнхенском оптическом институте малый телескоп-рефрактор с апертурой шесть дюймов, который я мог бы заказать в Мюнхенском оптическом институте, где один такой был уже готов. Разумеется нет сомнений в совершенстве этого инструмента. Тем не менее, я счел необходимым, перед тем как заказывать, ближе познакомиться в Вене с самим Плесслем, изобретателем рефрактора-диалита и лично увидеть технологию его производства инструментов. (Примечание В.Л. Ченакала: Плессль не был ни изобретателем рефрактора-диалита, ни автором конструкции, но изготовил его по расчетам Литровса с высочайшим мастерством).

Мне кажется важным для науки, предоставить этому мастеру, который благодаря своему таланту и мастерству стал уже известен как изготовитель микроскопа и малого рефрактора-диалита, проявить себя в изготовлении большого телескопа и поддержать его этим нашим заказом. Представляется, что идея рефрактора-диалита одновременно появилась у Роджерса в Англии и Плессля в Вене, но только последний ее реализовал. Объектив представляет собой одиночную линзу из крона, которая собирает свет; в середине трубы свет проходит через компенсирующий объектив из двух линз из крона и флинта и затем концентрируется в фокусе. Первые телескопы рефракторы-диалиты, оказавшиеся в руках астрономов в 1833 г., получили всеобщее признание, благодаря необыкновенной четкости изображения. Их апертура 26 линий (58,63 мм) при фокусном расстоянии 22 дюйма (595,54 мм) позволяет наблюдать спутники Юпитера и Полярной звезды ²⁴.

Эта часть доклада Струве — наиболее ранний документ, рассказывающий о его знакомстве с рефрактором-диалитом Плессля. Второй по хронологии документ — собственноручная копия Струве с письма Плесслю, свидетельствующего о заказе инструмента, датированная 25 сентября 1834 г. следующего содержания:

Господину Плесслю, оптику в Вене.

Будучи уполномоченным Санкт-Петербургской императорской Академии наук в отношении оснащения инструментами государственной Обсерватории в Пулково, я заказываю у Вас посредством устного соглашения:

1. Рефрактор-диалит (с объективом из двух компонент, разнесенных в трубе) с апертурой от 6 до 7 дюймов на параллактической монтировке на каменных опорах, оснащенный часовым механизмом для слежения за небесными объектами. Часовой круг [должен быть] разделен непосредственно на минуты время в диапазоне от 0 до 24 часов, два верньера (нониуса, вспомогательных шкалы) обеспечивают точность 4

секунды. Круг склонений имеет разметку по 10 угловых минут. Верньеры должны обеспечивать точность по 10 секунд. Круг склонений должен иметь перекладное устройство, а также микрометрический винт вместе с креплением верньера на оси склонений, расположенный так, чтобы избежать повреждения при перекладке трубы на 180°²⁵. Должна быть возможность осуществлять движение часового круга независимо от часового привода посредством якоря Гюйгенса²⁶, а также должен быть устроен и круг склонений на описанных каменных опорах, чтобы имелась возможность точной корректировки азимутальной и полярной установки, чтобы ось инструмента совпадала с осью мира. Измерительная система представляет собой филиарный (нитяной) микрометр и пару кольцевых из стали. Должна быть предусмотрена возможность освещения поля для микрометра, так же как и нитей в темных зонах.

2. Кометоискатель с апертурой 42 парижских линии (94,71 мм) с латунной опорой, трегером и параллактической монтировкой. Часовой круг и круг склонений должны иметь диаметр около 6 дюймов и размечены серебром так, чтобы первый имел верньер с разметкой дуги по 10 секунд времени, а последний — по 1 угловую минуту.

Вена. 25 сентября 1834 г. В. Струве.

Цена рефрактора господина Плёссля около 3 500 гульденов конвенционными монетами, кометоискателя — около 500, между тем, это цены, установленные за гарантированно безупречную работу.

Вена. 26 сентября 1834 г. Струве²⁷.

Заказу Струве у Плёссля на изготовление рефрактора-диалита с апертурой от 6 до 7 парижских дюймов и кометоискателя с апертурой 42 парижских линии для Пулковской обсерватории предшествовало другое событие, о котором он писал в своем письме от 10 октября 1834 г. из Вены непременно секретарю Петербургской Академии наук Павлу Николаевичу Фуссу (1798—1855). Ниже следуют строки из этого письма, касающиеся данного вопроса:

Для меня было очень важно получить в Вене точные сведения о том, что можно ожидать от Плёссля и его рефрактора-диалита. Бесспорно, Плёссль — великий оптик, но только эмпирик. Он не может произвести расчеты преломления, более того, при заданных условиях преломления он соорудит телескоп априорно по имеющимся у него параметрам. Он доходит до всего собственным опытом, нарабатываемым при помощи тонкого оптического чутья. Так он быстро достигает желаемой цели, так как у него есть большой технический опыт и он сосредоточенно работает над изготовлением каждой детали, его микроскопы и телескопы отличаются прекрасным качеством. Идея рефрактора-диалита впервые была высказана англичанином Роджерсом в его «Записках астрономического общества»²⁸.

Но едва ли Плёссль мог об этом знать. Очевидно, что он сам пришел к этой мысли и сразу реализовал ее. Литров, как выясняется, не влиял ни на появление этой идеи у Плёссля, ни на ее успех. Его заработок основывался на скорейшем использовании расчетов на базе уже отработанных принципов.

Совершенно естественно, что Плёссль начинал с небольших размеров. Общеизвестно, что его первые телескопы с апертурой 26 линий (58,63 мм) великолепны. Опыт должен показать, какие телескопы большего размера ему удастся сделать. Во время пребывания в Вене я надеюсь увидеть его телескопы с апертурой 4 и 5 дюймов, которые, однако, Плёссль пока еще не сделал. Он соорудил три телескопа различных размеров, один с апертурой 2 (4,51 мм), один — 33 (74,415 мм) и один — 37 (83,435 мм) линий и передал их мне для испытания. Я взял их в Венскую обсерваторию и сравнил их с другим телескопом — Фраунгофера с апертурой 43 линии (96,965 мм). Увеличе-

ние трех телескопов рефракторов-диалитов было 75-, 105- и 135-кратным. Телескоп Фраунгофера давал 210-кратное увеличение.

Три рефрактора-диалита показали ту степень увеличения, которая соответствовала их размерам. В оба телескопа больших размеров можно наблюдать двойную звезду E Волапса с четким изображением каждой из звезд пары, причем четко видны цветовые различия между ними. Точность телескопа достойна внимания, но хотя он и может показывать тусклые объекты, сильный рефрактор-диалит все же слабее, чем большой телескоп Фраунгофера. Особенно плохо была видна двойная звезда в созвездии Корона; расстояние между ее звездами около одной секунды, и при ее наблюдении становится особенно очевидным превосходство телескопа Фраунгофера, что, однако, объясняется небольшим размером прибора. Оба больших телескопа показали также хорошие качества при наблюдении созвездия Лиры, оба показали четкое изображение. В результате рефрактор-диалит с апертурой 37 линий оказался равным по качеству с телескопом Фраунгофера с апертурой 43 линии ²⁹.

Из этих строк, адресованных Струве П.Н. Фуссу, явствует, что перед тем, как сделать заказ у Плессля, он тщательно испытал в Венской обсерватории три рефрактора-диалита, и только убедившись в их превосходстве по сравнению с обычными телескопами, сделал заказ.

Особый интерес в процитированных строках вызывает характеристика, данная Плесслю Струве, в которой он называет великого мастера-оптика не сильным в теории, но человеком с удивительным оптическим чутьем.

Этот «Доклад о заказе астрономических инструментов для Обсерватории в Пулково, сделанном во время поездки за границу» был подан Струве в ноябре 1834 г., сразу после его возвращения из-за границы ³⁰.

Приведенное сообщение о Плессле и его рефракторе-диалите, содержащееся в приведенном документе, включает в себе также подробное описание испытаний, проводившихся Струве в Венской астрономической обсерватории:

Первый рефрактор-диалит, попавший в руки астрономов в 1833 г., заслуживает единодушного одобрения, благодаря замечательной яркости и резкости изображения. Они имеют апертуру 26 линий (58,6 [мм]) и фокусное расстояние от 22 дюймов (595,3); в них можно различать спутники звезды E Волапса и Полярной звезды. Ко времени моего приезда в Вену у Плессля было готово три рефрактора-диалита (P', P'', P''') с апертурой 28 (58,6), 31,6 (71,2) и 36,2 (82,1) парижских линий и максимальным увеличением в 75-, 105- и 135 раз. Их принесли в обсерваторию, чтобы сравнить друг с другом, а также с принадлежащим обсерватории телескопом Фраунгофера (F) с апертурой 42,8 линий (96,5) и максимальным увеличением в 210 раз. В результате три телескопа P', P'', P''' в этом порядке найдены соответствующими каждый своим параметрам. P' и P'' дает максимально возможное отчетливое изображение E Волапса, можно видеть цветовые различия. P'' был близок к F, но все же предпочтение должно быть отдано F. Звезда P Змееносца, Большой Медведицы видны через каждый из трех телескопов как яркие объекты с отчетливыми границами. Спутник Полярной звезды был различим при помощи P' и P'' с первого взгляда. Созвездие Лиры одинаково хорошо видно через P''' и F, так что преимущество F было незначительным. Присутствовавшие свидетели господина астронома Майер, Литров-младший и другие

дали оценку, схожую с моей, о том, что телескоп Плессля с апертурой $36\frac{1}{2}$ линий (82,3) оправдал все ожидания, связанные с его первым телескопом с апертурой 26 (58,6) линий ³¹.

Приведенные строки Струве о тщательной проверке трех телескопов рефракторов-диалитов Плессля выявляют и тот факт, что в испытании принимали участие такие венские астрономы как Майер, Карл Людвиг Литтров (1811—1877) и другие. О своем заказе в мастерской Плессля рефрактора-диалита с апертурой 6—7 парижских дюймов (162,2—189,4) Струве писал:

Малый телескоп-рефрактор (линзовый телескоп) с апертурой 6 (162,4) дюймов я также мог заказать в Мюнхенском институте, к тому же там он был уже почти готов. Хотя совершенство этих инструментов не вызывает ни малейшего сомнения, я все-таки счел за благо поручить изготовление рефракторов-диалитов господину Плесслю в Вене. Мне кажется, что наука достойна того, чтобы этот мастер имел возможность, выполняя это поручение, развивать свой талант и точность, достигнутую им при изготовлении микроскопов и малых рефракторов-диалитов. Идея рефрактора-диалита одновременно появилась у Роджерса в Англии и Плессля в Вене, но только последний ее реализовал ³². И далее:

Плессль занялся изготовлением объективов большого диаметра и начал изготавливать их с апертурой $3\frac{1}{2}$ (94,7) и 4 (108,2) дюйма. Через них он хотел перейти постепенно к 5 (135,3) и 6 (162,4) дюймовым, и таким образом ему несомненно удастся изготовить телескоп с апертурой 7 (189,4) дюйма, который я не медлю у него заказать, основываясь на уже имеющемся опыте ³³.

Выдержки из документов, вышедших из-под пера Струве, наглядно показывают, насколько высоко он ставил искусство Плессля как замечательного мастера оптических инструментов, оцененное по достоинству и названными астрономами, а также то, что Струве стремился обеспечить Пулковскую обсерваторию, находившуюся под его руководством, лучшими инструментами своего времени.

Когда Струве вернулся в Дерпт из поездки за границу, он не прервал связи с Плесслем. Среди его бумаг находится переписка, связанная с взаимным обменом информацией о ходе выполнения заказа. Неизвестно, как часто они обменивались письмами. Среди бумаг Струве есть письмо от Плессля, отправленное из Вены в Дерпт 10 ноября 1835 г.; представляется, что оно до сих пор является единственным свидетельством этой переписки. Его содержание настолько интересно, что позволим себе привести его текст здесь полностью.

Ваше высокоблагородие!

Имею честь сообщить Вам, что во время Вашего пребывания в Вене его высокоблагородие господин адмирал кавалер Грейг взял на себя труд доставить предметы для российского императорского посольства, среди которых заказанный Вами телескоп и ручной микроскоп.

Микроскоп для Российской академии наук скоро будет отправлен.

С радостью сообщаю Вашему высокоблагородию, что мои жилищные условия не соответствовали потребностям производства больших инструментов, поэтому я купил новую мастерскую, где, для начала, должен был произвести ремонт. Большие рефракторы-диалиты действуют на тех же принципах, что и малые, но дают большее

увеличение; я сообщу Вашему высокоблагородию, когда будет выполнен заказ на инструменты.

В ящике находится переданное мне запечатанное письмо, которое, я полагаю, отправлю, когда представится удобный случай.

Храню надежду, что Ваше высокоблагородие эту пару строк получите в добром здравии и не поймете превратно мое промедление, вызванное переездом. За сим пребываю к Вам с высочайшим почтением, всегда Вашего высокоблагородия покорный слуга

С.Г. Плессль

Частный оптик

Альтен Виден, 25 Вена, 10 ноября 1835 г. ³⁴

В начале письма упомянут русский адмирал Алексей Самуилович Грейг (1775—1847) ³⁵; после того, как в 1816—1833 гг. он был главнокомандующим Черноморским флотом и портом, он был назначен председателем Комиссии по строительству Пулковской обсерватории. Его заказ, о котором Струве писал в своем письме, видимо был как раз тем заказом, который передал Струве во время своего пребывания в Вене.

Плессль упоминает в этом письме «желаемый телескоп» и два микроскопа, «ручной микроскоп» и «микроскоп для Императорской Российской академии наук».

Очевидно, что это письмо Плессля было отправлено Струве в Дерпт вместе с инструментами. Это дает возможность понять следующие слова в письме: «В шкафу находится переданное мне запечатанное письмо, которое, меня просили отправить, когда представится удобный случай». Весьма вероятно, что это был малый телескоп-рефрактор Плессля, о котором, также как и о «малом ахромате», шла речь в письме Струве от 10 октября 1834 г. из Вены в Петербург П.Н. Фуссу, равно как и о двухфутовом телескопе-диалитее Плессля; мы возвратимся к этому при описании инструментов из его мастерской, которые находились в Пулково после открытия там астрономической обсерватории.

Во второй половине 1838 г., когда завершалось изготовление большинства инструментов, заказанных за границей для Пулковской обсерватории, Струве еще раз отправился в названные города, чтобы на месте осмотреть и принять инструменты. После своего возвращения в Россию он писал по этому вопросу в своем докладе о поездке следующее:

Не было необходимости ехать в Вену, так как работы там еще были далеки от завершения. Но можно ожидать, как я могу с радостью сообщить, что Плессль также в этом году завершит изготовление линзового рефрактора-диалита с апертурой 7 дюймов.

Впоследствии В.Я. Струве докладывал, что перед отъездом за границу до него дошла крайне огорчительная весть из Вены — говорили о том, что Плессль болен и что заказанный у него телескоп не будет готов ни к оговоренному сроку, ни даже в ближайшие годы; однако последние новости оказались более благоприятными. Далее он писал следующее:

Здоровье Плессля снова восстановилось, и он со всем усердием работает над завершением телескопа-рефрактора; но заказанный кометоискатель будет готов в

феврале (1839 г. — *В.Л. Ченакал*). Поэтому я распорядился об отправке инструментов по изготовлению в Мюнхен.

Кометоискатель, который ждали от Плёссля в Пулково, был действительно сделан в феврале 1839 г. и отослан и Мюнхен, чтобы затем вместе с инструментами, заказанными в Мюнхенском оптическом институте, отправиться в Пулково. Что касается рефрактора-диалита, он был изготовлен еще позже. Кроме описанных выше инструментов Плёссля, в Ленинграде находятся всего два рефрактора-диалита из его мастерской; они хранятся в Музее М.В. Ломоносова. Их история не совсем ясна. Один из них в прошлом принадлежал Обсерватории Московского университета, что касается второго, то невозможно установить прежнего владельца. Ниже приводим краткое описание обоих телескопов-диалитов.

Первый из названных телескопов-диалитов Плёссля имеем следующие параметры: общая высота прибора 66,1 см, длина трубы 104 см, максимальный диаметр трубы 7,7 см, минимальный 2,5 см, длина противовеса 33,3 см, диаметр шестерни привода 8,8 см, число сменных деталей — 8³⁶. До того, как этот телескоп оказался в Музее М.В. Ломоносова, он находился в коллекции Соболя, собиравшейся до 1960 года.

Второй рефрактор-диалит Плёссля имеет следующие параметры: общая высота прибора 41,3 см, длина трубы 73,6 см, максимальный диаметр трубы 6,6 см, минимальный 2,6 см, число сменных деталей (сменных окуляров) — 3. До передачи в Музей М.В. Ломоносова он принадлежал Ченакалу.

Обсерватория в Пулково в первые годы своего существования была обеспечена инструментами такого высокого качества и в таком количестве, а также получила настолько квалифицированных специалистов, что заняла достойное место среди лучших обсерваторий мира.

Многие мастера различных стран каждый в свое время внесли свою лепту в изготовление инструментов для обсерватории. Среди них были и русские, хотя их вклад в оснащение этой обсерватории был небольшим. Такая система обеспечения некоторых обсерваторий научными инструментами существовала в России до 1917 г., и после Великой Октябрьской социалистической революции начался подлинный расцвет советской астрономии, и, кроме того, обсерватории стали оснащаться инструментами отечественного производства, так как оптическое приборостроение переживало быстрый подъем в первые годы советской власти.

Выдающийся мастер первой половины XIX в. Симон Плёссль принадлежал к числу поставщиков научных инструментов для Пулковской обсерватории, что способствовало ее мировому признанию в первые же годы работы.

Весь следующий год и до 1868 г. Плёссль работал в Вене над выполнением заказа Пулковской обсерватории. В дальнейшем он продолжал изготавливать различные научные инструменты и не снижал работоспособности до последних дней своей жизни.

Выражаю благодарность директору Новосибирского Детско-юношеского центра «Планетарий» С.Ю. Масликову за предоставленную консультацию по переводу технических характеристик приборов.

1. Указанная дата является условной. Главный педагогический институт был основан в 1816 г. в столице Российской империи городе Санкт-Петербурге на базе существовавшего с 1804 г. Петербургского педагогического института, который, в свою очередь, был преобразован из Учительской гимназии, основанной в 1803 г., и которая была создана на базе Учительской семинарии, учрежденной в 1786 г. для образования. В 1819 г., после реорганизации, Главный педагогический институт был преобразован в Санкт-Петербургский университет, а в 1828 г. был восстановлен и вновь принял студентов.
2. В первой половине XIX в. в России работали — в Санкт-Петербурге, Москве, Туле, Казани и других городах — многие мастера, изготавливавшие научные инструменты; наиболее видными из них были Василий Воробьев (1760—1819 гг.), Осип Иванович Шишорин (1758 — после 1811 г.), Василий Константинович Свешников (1756 или 1760 — 1830 гг.), Фёдор Григорьевич Григорьев (1777 — ум. ок. 1847 г.), Джованини Батиста Пиациоли (1777—1845 гг.), Фёдор Иванович Довид (ум. 1812 г.), Иоганн Готтлиб Фридрих Шрадер (1763 — ум. ок. 1816 г.), Андрей Васильевич Самойлов (1790—1859 гг.), Антон Распины, Томас Пристли, Павел Дмитриевич Захава (1779—1839 гг.), Корнелиус Христиан Рейссиг (1781—1860 гг.), Роберт Тангат, Семён Иванович Кони, Густав Бёлан (ум. 1856 г.), Абрам Сергеевич Трундин, Джон Антони Миллс, Теодор Кристоф Гиргенсон (1804—1849 гг.), Уно-Вильгельм Порт, Иоганн Фридрих Тейй (1795—1851 гг.), Карл-Адольф Албрехт (1810 — ум. ок. 1858 г.), Катл Вестберг, Август Шедель, Фёдор Борисович Швабе, Карл Роде и др. (здесь и далее при отсутствии иных комментариев — примечания автора).
3. В течение всего XVIII в. русские научные учреждения и учебные заведения также не довольствовались исключительно инструментами, изготавливавшимися внутри страны; зарубежные заказы выполнялись, главным образом, английскими мастерами, такими как Эдмонд Кальпеппер (1660—1738), Джонатан Сиссон (1690—1749), Джон Доллонд (1706—1761), Джон Кафф (1708—1782), Джон Бёрд (1709—1776), Джеймс Шорт (1710—1768), Эдмонд Нэёрн (1726—1806), Петр Долланд (1730—1820) Джесс Рамсден (1735—1800) и другие. Это далеко не полный список тех английских мастеров, которые поставляли в Россию научные инструменты. Когда в начале XIX в. центр изготовления инструментов переместился в континентальную Европу — в немецкие и итальянские земли, Францию, Австрию — русские научные учреждения, университеты и высшие школы стали чаще обращаться к ним.
4. Здесь и далее союз «и» указывает на то, что мастера были компаньонами.
5. АРИСТОВ Е.Ф. Критический разбор успехов новейшей микроскопической анатомии по части неврологии. — Журнал министерства народного просвещения. 1843, ч. XXXIX, отд. II, с. 5.
6. Коллекция микроскопов, собранная Соболев в период с 1938 по 1946 г., принадлежала биологическому отделению Академии наук СССР. На этой базе создавался кабинет для изучения истории развития микроскопа. В 1946 г. коллекция была передана в только что вновь открытый (после ликвидации в 1938 г. как «центр антисоветского заговора») Институт истории естествознания и техники АН СССР. В 1963 г. на базе коллекции открылся Музей истории микроскопии. Сегодня собрание содержит 500 микроскопов, 100 микротомов и других технических приспособлений для микроскопов, а также 1 500 микроскопических препаратов. Краткое сообщение о состоянии коллекции исторического кабинета и Музея микроскопии см.: СОБОЛЬ С.Л. Кабинет истории микроскопа Академии наук СССР. — Известия Академии наук СССР. 1968, № 6, с. 58—63; КОСОБУТСКИЙ В.И. Музей истории микроскопии. — Природа. 1966, № 8, с. 106—108.
7. KOSOBOTSKIJ V.I. A Brief Survey of the Exhibits of the Museum of History of Vicroscopy (Institute of the History of Science and Technology of the USSR Academy of Sciences). In: Proceedings of the Royal Microscopical Society. 1967, vol. 2, part 3, p. 356—361; КОСОБУТСКИЙ В.И. В Музее истории микроскопии. — Вопросы истории естествознания и техники. 1969, № 2 (27), с. 98—100.
8. По данным Л.Е. Майстрова в комплект входит три сменных объектива. См.: МАЙСТРОВ Л.Е. Приборы и инструменты исторического значения. М. 1974, с. 25, № 63.
9. При использовании солнечного микроскопа луч света, направляемый линзой, падал на микропрепарат, а затем с помощью зеркала отбрасывал его изображение на экран.

10. Номера микроскопов Плессля, хранящихся в Советском Союзе, следующие: 117, 118, 305, 503 и 292. (В.Л. Ченакал указывает здесь инвентарные номера Музея истории микроскопии; при передаче коллекции в Политехнический музей предметы получили другие номера — 007977, 007993, 008004, 007991, 008003, 008007, 007960, 007972. См.: МАЙСТРОВ Л.Е. Приборы и инструменты исторического значения. Микроскопы. М. 1974, с. 24—25.
11. Трудно сказать, когда был приобретен микроскоп Н.И. Пирогова.
12. HANNOVER A. Construction und the Use of the Microscope. Edinburg. 1853.
13. EJUSD. Das Mikroskop, seine Construction und sein Gebrauch. Leipzig. 1854.
14. ГАННОВЕР А. Микроскоп, его устройство и употребление. М. 1859.
15. FREY H. Das Microskop und die mikroskopische Technik. Leipzig. 1863.
16. ФРЕЙ Г. Микроскоп и микроскопическая техника. Руководство для врачей и студентов. СПб. 1865.
17. Там же, с. 49.
18. И.И. Мартенсон скончался в 1908 году.
19. МАРТЕНСОН И.И. Микроскопы Карла Цейса в Йене. Обзор 300-летней истории микроскопа. Доклад, читанный в декабре 1889 г. в Санкт-Петербургском фармацевтическом обществе. СПб. 1890.
20. В оригинале статьи на русском языке фамилии европейских мастеров даны без перевода на кириллицу.
21. Там же, с. 5—6. Сверено с: МАРТЕНСОН И.И. Микроскопы Карла Цейса в Йене. Обзор 300-летней истории микроскопа. — Фармацевтический журнал. 11. III. 1890, № 10, с. 149.
22. Городок недалеко от Гамбурга.
23. В том же году известный русский историк астрономии П.Г. Куликовский опубликовал письмо Струве П.Н. Фуссу от 29 (17) июня 1834 г. из Альтоны в Санкт-Петербург, в котором он рассказывает, как во время его заграничной поездки знакомил с проектом Пулковской обсерватории Фридриха Вильгельма Бесселя (1784—1846) в Кённигсберге, Иоганна-Франца Оёка (1791—1865) в Берлине, Генриха Христиана Шумахера (1780—1850) в Альтоне и во время пребывания в Гамбурге заказал у братьев Репзольдов меридианный круг и так далее. См.: Письмо В.Я. Струве С.С. Уварову и П.Н. Фуссу. Историко-астрономические исследования. Вып. 6. М. 1960, с. 409—411.
24. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛО ААН) (ныне Санкт-Петербургский филиал ААН), ф. 703, оп. 1 (до 1917 г.), д. 15, л. 24об. —25.
25. Речь идет о том, что у параллактической монтировки во время слежения за объектом, при его прохождении через меридиан, наступает такой момент, когда труба должна быть повернута на 180 градусов вокруг каждой из двух осей, чтобы продолжить слежение. При этом нужно, чтобы микрометрический винт не цеплялся за монтировку. (Прим. С.Ю. Масликова)
26. Чтобы иметь возможность во время работы часового механизма корректировать его движение, каким-то образом выводя из зацепления основной элемент часов — якорь. (Прим. С.Ю. Масликова)
27. ЛО ААН, ф. 703, оп. 1, д. 23, л. 57об.
28. Там же, л. 57об.
29. Там же, л. 58—58об.
30. Там же, д. 15, л. 1—5 (План Струве) (Доработанный чистовой вариант написан рукой В.Я. Струве). В такой краткой форме доклад был опубликован в 1835 г.: Auszug aus dem Berichte des Akademikers Struve an die Kommission der Sternwarte, über die auf einer Reise nach dem Auslande im Jahre 1834, für die Sternwarte zu Pulkova bestellen astronomischen Instrumente. Recueil des actes de la séance de l'Academie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, tenue le 29 Décembre, 1834. St.-Petersbourg. 1835, p. 148—200.
31. Ibid., p. 168—169.
32. Ibid., p. 168.
33. Ibid., p. 169—170.
34. ЛО АРАН, ф. 703, оп. 1 (до 1917 г.), д. 25.
35. А.С. Грейг умер 18 января 1845 года.
36. 5 сменных окуляров и 4 винта; оба телескопа Плессля хранятся в оригинальных футлярах и находятся на экспозиции «Первая астрономическая обсерватория Академии наук».

Верхние торговые ряды на Красной площади в Москве в XIX — начале XX в.

Г.Н. Ульянова

Аннотация. В статье представлена история Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве в XIX — начале XX в. как крупнейшей торговой зоны в центре города. Многообразная архивная и опубликованная источниковая база дает возможность ответить на важные вопросы, а именно: об эволюции городского пространства, о трансформации стихийного средневекового рынка в торговлю современного типа в XIX в., о смене форм торговли и взаимоотношений между покупателем и продавцом, о причинах рационализации торговли в пореформенный период, о возрастании регулирующей функции купеческого сообщества и роли местного самоуправления в решении городских проблем с увеличением влияния купечества в Городской думе и управе.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, история России в XIX в., имперская Россия.

Abstract. This essay includes the presentation of history of the Upper Rows of Stalls in the Red Square in Moscow in the 19th and early 20th centuries, which were the important retail space in the core of the city. It based on the rich archival and published historic sources and focuses on space structure and its evolution. The essay examines the transformation of urban space, the evolution of the medieval market to the modern department store in the nineteenth century, location of shops and their ownership, the changes of relationship between the sellers and consumers, and trade rationalization in the period of 1890s. It also investigates the relationship between retail development and the public sector, especially an increasing role of the merchant self-government and the Moscow municipal self-government in the regulation of trade spaces in the city.

Key words: Entrepreneurship, Merchants, 19th-Century Russian History, Imperial Russia.

Москва в XIX в. являлась всероссийским центром торговли, а Китай-город был ее сердцем — самым бойким и престижным торговым районом первопрестольной столицы. В Китай-городе совершались миллионные оптовые сделки, а покупатели могли найти все необходимое. О господствовавшей там атмосфере коммерции знаменитый писатель второй половины XIX в. П.Д. Боборыкин написал в романе

Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории РАН. E-mail: galina.ulianova@gmail.com.

Ulianova Galina N.— Dr. Habil, senior research fellow at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. E-mail:galina.ulianova@gmail.com.

«Китай-город»: «Деньги, векселя, ценные бумаги точно реют промежду товара в этом рыночном воздухе, где все жаждет наживы, где дня нельзя продышать без того, чтобы не продать и не купить»¹.

До сих пор изучение истории торговли в Москве, включая создание и функционирование торговых зон как коммерческого и социального пространства, описание феномена розничной торговли представлено лишь отдельными исследованиями, что связано с большой трудоемкостью выявления и интерпретации источников, прежде всего архивных. Наиболее содержательными работами являются глава «Торговля в Москве» (автор — К.В. Сивков) в академической шеститомной «Истории Москвы»², а для раннего периода — статья Н.А. Баклановой о постройке нового Гостиного двора в Москве в 1660—1665 годах³. Последние пятьдесят лет к истории Китай-города и отдельных торговых кварталов проявляли интерес историки архитектуры⁴. Что же касается истории собственно Верхних торговых рядов, то ей были посвящены лишь статья И.Н. Палтусовой и небольшой очерк А.В. Рогачёва в газете «Былое»⁵.

Современные подходы к изучению бизнеса в большом городе предполагают (как показывают исследования, проводимые в разных странах) выход на микроуровень в целях конструирования социально-экономической модели явления.

Работа с материалами по истории Китай-города как крупнейшей торговой зоны в центре города и конкретнее — по истории Верхних торговых рядов — дает возможность ответить на важные вопросы: о трансформации городского пространства, о превращении стихийного средневекового рынка в торговлю современного типа (которую историки экономики датируют 1850-ми гг., когда в Европе появились первые универсальные магазины, например, «Au Bon Marché» в Париже), о смене форм торговли и взаимоотношений между покупателем и продавцом, о причинах рационализации торговли в пореформенный период, о возрастании регулирующей функции купеческого самоуправления и роли местного самоуправления в решении городских проблем с увеличением влияния купечества в Городской думе и управе.

Изучая Верхние торговые ряды как коммерческое и социальное пространство, мы уделим основное внимание пространственной и содержательной структуре торговли, ее эволюции на протяжении XIX — начала XX в., возникавшим конфликтам и их решению.

В XVII в., когда сложилась структура городских Рядов, каждый ряд назывался по названию продаваемого товара. Иностранцы путешественники признавали удобным московский порядок устройства торговли, потому что покупатель «из множества однородных вещей, вместе расположенных, может выбрать самую лучшую». Приводя мнения иностранцев, видный экономист конца XIX — начала XX в. И.М. Кулишер писал: «По описи 1695 г. в Китай-городе насчитывалось 72 ряда... Были ряды кушачный, рукавичный, чулочный, башмачный, голенищный, подошвенный, пушной, бобровый, соболиный...»⁶.

Но со временем в связи с перепродажей лавок и отсутствием строгой регламентации относительно торговли однородными товарами в определенных рядах, этот порядок нарушился. В начале XIX в. продаваемый товар часто не совпадал с названием ряда. Находящийся в Историческом архиве Москвы «Именной список всем вообще лицам,

кои производят в Москве торговлю и промыслы» 1838 г. показывает, например, что купчихи Анна Бирюкова и Анна Суханова в Табачном ряду торговали галантереей, а купчиха Авдотья Соколова в Скобяном ряду — шелком. Агния Терехова в Холщовом ряду торговала «пуговошным товаром», а Анна Шепырина в Восковом ряду — «авошным товаром». Правда, примерно в половине случаев соответствие все же соблюдалось: Устинья Серебренникова торговала в Серебряном ряду серебром, Степанида Золотарёва в Игольном ряду — «игольным товаром»⁷.

В «Указателе церквей, казенных и частных домов, лавок разных рядов и Гостиного двора лавок и прочих заведений в Кремле и Китае городе... столичного города Москвы», составленном в 1846 г. городским землемером Михаилом Рудольфом, также зафиксировано это частичное несоответствие. Было сказано, что в Табачном и Ножевом рядах торгуют «писчей бумагой и разными мелочными товарами», в Колокольном ряду — «медною посудю в лавках», в Лапотном — «веревками, корзинами, ящиками», в Сундушном — наряду с сундуками «продают медовой и разный квас», в Затрапезном ряду торгуют «иконами, материями и бархатом»⁸. Словно улица в городе, каждый ряд, то есть продольный проход между двумя корпусами, имел свое название, а каждая лавка — свой номер. По названию и номеру лавки можно было найти любого торговца в Рядах.

Всего рядов с названиями было 27. Названия в течение времени менялись, и потому ряды могли носить двойное наименование. На 1875 г. числились такие ряды: Панской — 16 владельцев; Скорняжный — 12; Епанечный и Ситцевый — 21; Смоленский Суконный — 22; Железный — 27; Московский Суконный — 17; Крашенинный — 21; Шапочный — 24; Холщевый — 26; Колокольный — 23; Малый Золотокружевной — 25; Малой Ветошный — 23; Новый Щепетильный — 30; Табачный Ножевой — 29; Серебряный — 119; Верхний Овощной — 33; Шпажный Седельный — 16; Сапожный, он же позже Табачный — 14; Большой Золотокружевной — 22; Кафтанный — 20 владельцев; Лапотный — 18 владельцев; Большой Ветошный и Перинный — 56; Иконный — 16; Шелковый Кушачный, он же позже Бумажный и Шелковый ряд — 14; Затрапезный — 14; Нитяной, Чулочный и Крашенинный ряд — 17; Сундучный — 11 владельцев. Всего в этом списке 686 владельцев, совокупный чистый доход которых за год составил 479 618 руб. по официальной городской оценке⁹.

Вопрос о количестве лавок в Рядах в разные исторические периоды довольно запутан. Цифры показывают, что в течение XIX в. количество лавок сокращалось — в 1846 г., согласно списку Рудольфа, в Рядах насчитывалось 1857 лавок, а через 30 лет их количество уменьшилось в 2,5 раза. Ветшавшие лавки периодически перестраивались, и торговое пространство меняло конфигурацию. Скупая у прежних хозяев несколько маленьких лавочек в ряд, новый собственник объединял их, стремясь сделать посещение лавки более комфортным для покупателей.

В 1830-х — начале 1880-х гг. торговая территория представляла собой семь рядов корпусов, разделенных на четыре части тремя поперечными внутренними проходами от Красной площади к Ветошному ряду. К основному костяку из 28 корпусов (по четыре корпуса в ряду) с 1850-х гг. примыкали четыре небольших корпуса за Ветошным рядом. Таким образом, комплекс Верхних рядов состоял из 32 корпусов.

Даже в официальных документах за 1870—1875 гг., отсылающих к одной и той же муниципальной оценке недвижимости, количество лавок различается и имеет такие значения: 627 (1870 г.), 738 (1874 г.), 686 (1875 г.), 680 (1875 г.). В первом документе (из бумаг Московского Купеческого общества), датированном весной 1876 г. и опирающемся на данные 1869—1870 гг., говорится, что «всех владельцев лавок 444, имеющих все вместе 627 владений»¹⁰. Во втором документе — проекте Устава предполагаемого «Общества владельцев лавок в торговых рядах на Красной площади», изданном в 1875 г., — мы насчитали 738 лавок с фамилиями владельцев¹¹. Третья официальная цифра — 686 лавок (без владений, принадлежавших Городскому общественному управлению) — прозвучала в большом репортаже с заседания Московской городской думы, посвященного переустройству Рядов¹². Четвертый вариант содержался в докладе Комитета учредителей общества торговых рядов на Красной площади 23 июля 1888 г., с отсылкой к статистике 1875 г. — там говорилось о 680 лавках¹³.

Обобщая эти разноречивые данные, неопределенность которых была вызвана многократными разделами и слияниями владений даже в течение одного года, можно говорить о том, что число лавок в 1870-е — начале 1880-х гг. колебалось в пределах от 680 до 740. При этом «владельцев, торгующих в собственных лавках, к 1870 году было 92, а наемщиков 750. Всех же торгующих 842»¹⁴, то есть соотношение торгующих владельцев и арендаторов составляло 11% к 89%. Согласно нашим подсчетам, по разным спискам около 40% лавок находилось в собственности женщин.

Рассмотрение вопроса о собственниках лавок показывает, что среди владельцев торговых помещений задавали тон представители старомосковского купечества. К ним относились известные с начала XIX, а то и с XVIII в. семейства: Вишняковы, Алексеевы, Третьяковы, Москвины, Четвериковы, Савиновы, Булочкины, Прибыловы, Бубновы, Кукины, Лепёшкины. Они показаны в списке Рудольфа (1846) и списке Общества владельцев лавок (1875). Владение лавками, как правило, свидетельствовало о том, что купцы принадлежали к «старым деньгам», то есть были представителями второго-третьего поколения московских или первого переехавших в Москву нестоличных купеческих династий. Лавки были важным объектом получения доходов для купеческих семей, и их владельцы чаще всего относились к «элитной» части купеческой корпорации — особенность московской торговли, подмеченная А.И. Аксёновым при изучении генеалогии купечества XVIII века¹⁵.

Среди лавковладельцев были настоящие магнаты, например, семья Алексеевых — хозяев крупнейшей в России золотоканительной фабрики. С конца XVIII в. Алексеевы были связаны с торговой недвижимостью Китай-города, где входили в верхушку собственников. В 1846 г. им принадлежало 162 лавки в Городских (Верхних) торговых рядах, что составляло 9% от всего их количества. Из них 65 лавок находились в собственности жены Веры Михайловны, а 92 лавки, ранее числившиеся в собственности мужа, — коммерции советника Семёна Владимировича Алексеева — после его смерти с 1823 г. были в распоряжении наследников — В.М. Алексеевой и ее сыновей Вла-

димира и Петра. Наибольшее количество Алексеевских лавок — 34 — находилось в Большом Серебряном ряду. В Затрапезном ряду у Алексеевых было 23 лавки, в Малом Серебряном — 18, в Епанешном Ситцевом 17 и в Щепетильном 15¹⁶. После смерти в 1862 г. Владимира Семёновича его шести детям досталось 48 лавок. При дальнейшем дроблении имущества большая часть лавок отошла Сергею Владимировичу Алексееву, отцу будущего реформатора театра К.С. Алексева (Станиславского). В 1875 г. у С.В. Алексеева в Верхних рядах имелось 11 лавок общей площадью 316 кв. аршин (около 158 кв. м.). На наш взгляд, столь огромное влияние Алексеевых в Рядах в течение всего XIX в. во многом объясняет тот авторитарный напор, с которым внук Семёна и Веры Алексеевых, Николай Александрович Алексеев, в бытность свою городским головой Москвы, крушил старые Ряды ради постройки нового здания.

Далее представим сведения, извлеченные, главным образом, из двух источников — списка Общества владельцев лавок (1875) и Свода результатов общей оценки недвижимых имуществ в Городской части Москвы за 1875 год¹⁷. Ряд лавок принадлежал юридическим лицам — Городской думе (три лавки), Купеческому обществу (пять лавок), Императорскому Человеколюбивому обществу, Синодальной типографии. Торговые места также находились во владении церковных институций: трех подмосковных монастырей — Троицко-Одигитриевского (Зосимова), Перервинского и Свято-Екатерининского; девяти церквей — Гребневской Божией Матери на Лубянке (две лавки), Иоанна Богослова под Вязом, Иоанна Богослова в Бронной, Черниговских Чудотворцев под Бором, Троицы в Лужниках, Троице-Грузинской в Никитниках, Спиридония за Никитскими Воротами, Николая Чудотворца в Кузнецях, Введения в Бараших, а также часовни Иверской Божией Матери.

Как правило, «общественные» лавки были пожертвованы благочестивыми купцами на благотворительные нужды. Получаемый доход расходовался на поновление церквей, содержание причта, стипендии и пособия бедным согражданам. К примеру, от купчихи Матрёны Васильевны Набилковой Московскому попечительному о бедных комитету Человеколюбивого общества были переданы в 1834 г. две каменные лавки стоимостью 5 тыс. руб. серебром¹⁸. Лавки сдавались внаем, а деньги — 150 руб. в год (по данным 1860 г.) — шли на содержание детей, оставшихся сиротами после холерной эпидемии 1830 г. и проживавших в устроенном Матрёной (1781—1850) и ее супругом — купцом Фёдором Фёдоровичем (1775—1848) Набилковском «доме призрения сирот мужского пола» на Мещанской улице (дом сохранился, сейчас — проспект Мира, 50). В память о благотворительнице, умершей в 1850 г., на стене храма Воздвижения Креста в Алексеевском монастыре была помещена мраморная доска с надписью: «Блажен тот человек, который нищих призирет и, проживши полной век, никогда не умирает»¹⁹.

Лавки различались по размерам, поскольку владельцы и арендаторы обустроивали свои торговые помещения «кто во что горазд». Говорили, что множество крыш разной высоты, венчавших лавки, сверху напоминало лоскутное одеяло. В 1875 г., согласно списку Общества владельцев лавок, наибольшее помещение принадлежало куп-

цам 2-й гильдии Бубновым, торговавшим текстилем и имевшим знаменитый трактир на Ильинке (их было пятеро братьев — Семён, Фёдор, Ксенофонт, Сергей и Григорий Фёдоровичи). Оно было площадью 164 кв. м и состояло из пяти соединенных лавок в корпусе, тянувшемся вдоль Ветошного ряда. В «Бубновском подворье» велась оптовая торговля суконным товаром.

Второе по величине помещение площадью 163 кв. м, находилось во втором корпусе от Красной площади, выходявшем торцом на Никольскую. На протяжении десятилетий оно принадлежало Татьяне Александровне Куманиной (1798—1865), урожденной Москвиной, — супруге городского головы (в 1837—1839 гг.) В.А. Куманина. Возможно, лавки были приданы Москвиной, происходившей из именитой купеческой семьи. Ее прапрадед Иван Кириллов Мячкин начал коммерческое дело в Москве в 1714 г., а дед Осип Москвин — купец 1-й гильдии — владел крупной шелкоткацкой фабрикой в последней четверти XVIII века. Сама Москвина после выхода замуж за Куманина, чей отец получил дворянство, состояла в дворянском сословии ²⁰.

Были и крохотные лавочки, размером всего от 2 до 4 кв. метров. Например, площадь самой маленькой лавки Рядов, владельцем которой числился в 1875 г. купец П.И. Постников, составляла 1,7 кв. метра. И столь малое торговое помещение приносило доход, кормило как самого собственника, так и его арендатора. Такие лавки представляли собой «открытый прилавок, а сзади него высокий шкаф с полками», где стояли образцы товара. В «шкапчиках» торговали дешевыми кружевами, бахромой, пуговицами, иголками и тому подобной мелочью.

Описание торговых помещений дал в своей повести «Три года» А.П. Чехов, отец которого Павел Егорович Чехов в 1877—1891 гг. был на должности конторщика «с жалованием по тридцать рублей в месяц» в амбаре купца 1-й гильдии И.Е. Гаврилова, имевшего галантерейные лавки в Епанешном и Ветошном рядах и на Ножевой линии: «Главные торговые операции производились в городских рядах, в помещении, которое называлось амбаром. Вход в амбар был со двора, где всегда было сумрачно, пахло рогожами и стучали копытами по асфальту ломовые лошади. Дверь, очень скромная на вид, обитая железом, вела со двора в комнату с побуревшими от сырости, исписанными углем стенами и освещенную узким окном с железной решеткой, затем налево была другая комната, побольше и почище, с чугунной печью и двумя столами, но тоже с осторожным окном: это — контора, и уж отсюда узкая каменная лестница вела во второй этаж, где находилось главное помещение. Это была довольно большая комната, но, благодаря постоянным сумеркам, низкому потолку и тесноте от ящиков, тюков и спящих людей, она производила на свежего человека такое же невзрачное впечатление, как обе нижние. Наверху и также в конторе на полках лежал товар в кипах, пачках и бумажных коробках, в расположении его не было видно ни порядка, ни красоты, и если бы там и сям из бумажных свертков сквозь дыры не выглядывали то пунцовые нити, то кисть, то конец бахромы, то сразу нельзя было бы догадаться, чем здесь торгуют. И при взгляде на эти помятые бумажные свертки и коробки не верилось, что на таких пустяках

выручают миллионы и что тут в амбаре каждый день бывают заняты делом пятьдесят человек, не считая покупателей».

К концу 1860-х гг. Ряды стали рассадником антисанитарии в центре города. Мемуарист писал: «Владельцы их ремонтировали и перестраивали каждый по своему желанию и удобству, а потому можно себе представить, что изображала эта старая рухлядь, с бесконечными проходами, закоулками, подвалами, лесенками и ступеньками...»²¹

Когда в 1876 г. встал вопрос о перестройке рядов с последующим предоставлением владельцам примерно одинаковых по размерам лавок, то сами купцы в докладе Комиссии о перестройке рядов констатировали, что «из числа 627 владений, около одной трети имеют такие малые размеры, что удовлетворение их новыми лавками в таких же размерах или вовсе невозможно или, если и возможно в некоторых случаях, то таковые лавки не удовлетворяли бы ни потребностям торговли, ни другим условиям, как-то по удобству, красоте». Далее в докладе прозвучали идеи, что лавки должны удовлетворять «современным требованиям торговли, гигиеническим условиям и в архитектурном отношении изящному вкусу»²².

Социальный порядок в старых Рядах базировался на раздробленности мелких единиц собственности и децентрализации управления. Непосредственное взаимодействие продавцов и покупателей порождало атмосферу соседской доверительности. Однако эти привычные условия с годами уже не удовлетворяли и не способствовали повышению доходности. Тормозящий эффект ветхости, сырости и промозглости помещений, пребывавших частично в аварийном состоянии, отталкивал покупателей и делал условия работы самих торговцев, особенно в зимние морозы, плохо переносимыми. Поколебать этот распорядок было невозможно, потому что до 90% лавочников не являлись собственниками помещений и не обладали ни достаточной мотивацией, ни свободными средствами, чтобы существенно улучшить условия в своих лавках.

Один из советов начинающим купцам гласил: «Нанимайте помещение для торговли на возможно бойком месте, не жалея на это ни денег, ни удобств, ни ваших личных трудов. В малых помещениях на хорошем месте делают часто больше дел, чем в больших помещениях в отдаленных частях города»²³.

Вышедшим ныне из употребления словом «лавки» в старину называли торговые помещения, где продавались различные товары. Слово «магазин» стало входить в широкое употребление только с 1860-х гг. и применялось первоначально к роскошным магазинам на Тверской и Кузнецком мосту²⁴.

В Китай-городе цена лавок, как и другой недвижимости, была максимальной в Москве: десятина (около 1,1 га) земли со строениями здесь стоила в начале 1830-х гг. 706 тыс. руб. серебром, тогда как в следующей по ценности недвижимости Тверской части (где были богатые дворянские особняки) — в четыре раза меньше — 176 тыс. руб. серебром²⁵.

Архивные документы Крепостной экспедиции Московской палаты Гражданского суда, регистрировавшей сделки купли-продажи, дают информацию о размерах и стоимости лавок в Китай-городе в 1845 году. Цена лавки широко варьировалась в зависимости от раз-

мера, состояния, «бойкости» места, близости помещения к центральной в городе Красной площади и трем основным улицам Китай-города — Никольской, Ильинской и Варварской.

К примеру, в 1845 г. московская купчиха Клавдия Ивановна Гонешина приобрела пять каменных лавок. Три из них были куплены у коломенского купца Михайлы Егоровича Левина, в том числе, две лавки в Кушашном ряду (втором, считая от Красной площади) и третья — в Москательном ряду (шестом от Красной площади). Две лавки во втором ряду от Красной площади стоили 1285 руб. 72 коп. серебром за обе ²⁶. Первая лавка в переводе на современные меры длины была 3,1 м в длину и 3,1 м в ширину, вторая лавка — 3,1 м в длину и 2,2 м в ширину. За третью лавку Гонешина заплатила большие деньги — 1000 руб. серебром, хотя помещение было крохотным — 1 м 45 см в ширину и 90 см в глубину, то есть, площадью около 2 кв. метров. В купчей так и было сказано: «по длиннику один аршин четыре вершка, по поперечнику два аршина ... вершка». Столь высокую цену определило положение на «бойком месте». Преимуществом было и наличие погреба, где можно было хранить товар. Еще две каменные лавки в Кушашном ряду Гонешина купила у трех братьев-купцов Суловых за 1857 руб. 12 коп. серебром. Первая лавка была размером 3,4 м на 2,8 м и стоила 357 руб. 12 копеек. Вторая лавка была совсем узенькая и небольшая в глубину — 1х2 м, зато, как указано в купчей, выходила прямо «к Лобному месту» и потому оценена была в 1500 руб. серебром ²⁷.

Цена лавки возрастала, если она имела погреб — помещение на нижнем уровне, и палатку — помещение на верхнем уровне, типа легкой надстроенной антресоли, иногда с крышей из натянутой парусины. В палатке можно было общаться с покупателями в теплое время года, а когда холодно, хранить не боящийся мороза товар. Такие строительные «излишества» требовали от владельцев длительных согласований с учреждениями строительного надзора. Но если терпения хватало, то цена торгового помещения существенно возрастала, хотя на бумаге обозначены были все те же четыре или девять квадратных аршин.

По тем же критериям, что цена лавки для собственника, определялась цена аренды для нанимателей. Аренда лавок в Москве в 1830—1840-е гг. обходилась в сумму от 50 руб. до 1500 руб. серебром в год. Удобные лавки «с погребом и палатками» обычно были в долгосрочной аренде у постоянных клиентов. Например, купчиха Марфа Егоровна Дубровина в 1838 г. арендовала под торговлю три помещения у трех владельцев в Железном ряду. В маленькой лавке, арендованной у купца Волкова, по доверенности Дубровиной торговал скобяным товаром ее старший сын Иван. В другой лавке, арендованной у купца Емельянова, тоже по доверенности торговал «красным деревом» (то есть полированной мебелью из древесины высокого класса) второй сын Пётр. В крохотных лавках не было места для складирования товара, и специально для этих целей Дубровина нанимала «кладовку в вотчине купца Дегтярёва» ²⁸.

Бывший рядской приказчик Иван Слонов писал в мемуарах: «Лавки были все разные, одна больше, другая меньше, одна светлей, другая темней и т. д., но при этом старые лавки имели одно очень важ-

ное положительное качество — они были крайне дешевы»²⁹. Дешевизна аренды снижала цену товара, и отбою от покупателей не было. Вот пример Слонова, относящийся к 1870-м гг.: «Так, например, аренда каменной трехэтажной лавки мерою 10х8 аршин (7,1х5,6 м, чуть менее 40 кв. м. — Г.У.) стоила 800 рублей и не дороже 1000 рублей в год»³⁰. Под трехэтажной лавкой Слонов понимал, как было сказано выше, собственно лавку, погреб под ней и палатку сверху.

С постройкой в 1893 г. роскошного здания Верхних рядов тесные и хаотично громоздящиеся лавочки прежних Рядов ушли в прошлое. В новых Верхних Рядах цена аренды помещения выросла в пять-восемь раз на единицу площади по сравнению с ценами 1840-х — 1860-х гг. за счет предоставляемого комфортабельного торгового пространства, электрического освещения, отопления, удобства коммуникаций, надежной охраны. Даже с учетом вялотекущей инфляции, наблюдавшейся в течение всего XIX в., разница цен на аренду была разительной.

В 1860-е гг. стало очевидно, что Ряды обветшали, и вопрос их реконструкции следует решать радикальным способом. В лавках было холодно зимой, сыро летом, и всегда царил полумрак из-за тусклого освещения через верхние застекленные «фонари» (отверстия в крыше, пропускающие дневной свет). Бытописатель И.А. Слонов, чья торговая жизнь два десятилетия проходила в Рядах, отмечал: «Свет в Ряды проникал сквозь так называемые рядские фонари с низкими грязными рамами и с разбитыми стеклами, чрез которые сыпались на головы проходящих снег и дождь. Солнца совсем не было видно, вследствие этого в рядах всегда ощущалась пронизывающая сырость, от которой большинство торгующих страдали ревматизмом и другими простудными болезнями». В мемуарах упоминается, что по шесть-семь месяцев в году торговцы сидели, укутавшись в шубы, предпочитательно енотовые с толстым мехом. Или «в большие морозы для согревания торговцев по всем рядам протягивали толстые канаты, их тянули с криком множество людей и этим согревались. Затем еще играли в “ледки” — большой кусок льда гоняли ногами по рядам»³¹. В помещениях из боязни пожара не разрешалось зажигать огонь (даже курить), и потому в зимнее время лавки закрывались уже в три часа дня³².

Летом помещения не прогревались, а световые фонари во многих местах, как писал бесконечно ремонтировавший их архитектор А.С. Каминский, «грозили опасностью» — могли провалиться вниз вместе с куском крыши³³. Канавы посреди проходов, выводившие воду из водосточных труб, расточали сырость.

В 1869 г. московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков направил гневное предписание только что избранному московскому городскому голове князю В.А. Черкасскому. В письме говорилось, что по поручению Долгорукова чиновники — губернский инженер, статский советник Корицкий и штадт-физик, действительный статский советник Кетчер³⁴ — произвели тщательный осмотр зданий и удостоверили их бедственное состояние. Было установлено, что «некоторые внутренние стены имеют наклон и держатся только подпорками», «сделанные в... лавках кирпичные своды по причине осадки наружных стен угрожают падением», «потолки и полы во многих лавках находятся в самом ветхом состоянии, так что одна лавка в Ноже-

вой линии даже заперта по этому случаю», «верхние палатки с деревянными лестницами и деревянными полами в значительно ветхом состоянии», «крыши во многих местах проржавели, имеют сильную течь, кирпичные плитные полы в проходах по узеньким рядам в некоторых выкрошились, имеют такую неровную поверхность, что затрудняют ходьбу по ним»³⁵. Заключение Кетчера и Корицкого сводилось к следующему: Ряды «угрожают опасностью жизни находящимся там людям и в предупреждение несчастных случаев от могущих обрушиться стен, потолков... большая часть рядов требует совершенной перестройки».

Долгоруков дал городскому голове Черкасскому распоряжение обсудить проблему в Городской думе. Но устроенная в Москве только с 1862 г. Городская дума не имела ни денег (муниципальный бюджет вплоть до начала 1880-х гг. был с долгами), ни рычагов власти, чтобы самостоятельно заниматься строительством. По оценке Л.Ф. Писарьковой, до начала 1880-х гг. Москва «оставалась бедным, неблагоустроенным городом, с массой проблем, решение которых упиралось в отсутствие средств»³⁶. К тому же до выборов 1876 г. (когда большинство депутатов было избрано из купечества) в Городской думе преобладали выборные из дворянства и чиновничества, равнодушные к вопросам регуляции торговли.

Услышав о перспективах перестройки Рядов, оживились строительные подрядчики и состоятельные лавковладельцы, капиталы которых позволяли мечтать о сносе старых построек и возведении солидных капитальных помещений. Между ними развернулась борьба за право заняться перестройкой Рядов. Подрядчики — два богатых коммерсанта, отставных штабс-капитана — купец 2-й гильдии Пороховщиков и купец 1-й гильдии Азанчевский — 24 апреля 1869 г. подали заявление Черкасскому с предложением создать акционерное общество для перестройки Рядов, а 30 сентября представили в Думу проект устава «Общества Городских Рядов в Москве». Пороховщиков уже имел опыт постройки Теплых (отапливаемых) рядов на Ильинке (и позже, в начале 1870-х гг., построил торгово-гостиничный комплекс «Славянский базар» на Никольской). В пояснительной записке к проекту они красноречиво расписывали Ряды, называя их «облагодоброустроенными сараями» и «резервуаром миазмов» и приписывали спокойствие, с которым в прежнее время смотрели и торговцы и покупатели на возводимые для них темные и сырые помещения, «неизнеженности людей того времени, сносивших легко и холод и сырость»³⁷.

План Пороховщикова и Азанчевского сводился к тому, чтобы построить новые ряды за 4,5 года, для чего учредить общество с основным капиталом 8,5 млн рублей. Капитал набрать, выпустив акции на 4,5 млн руб. (36 000 акций по 125 руб.) и облигации на 4 млн рублей. Если вариант с облигациями не пройдет, то получить 4 млн через залог строящихся новых зданий в Московском городском кредитном обществе. Капитал 8,5 млн руб. предполагалось потратить на возведение лавок и на компенсацию прежним владельцам за отчуждение старых лавок. Из акционерного капитала в 4,5 млн руб. Пороховщиков и Азанчевский хотели оставить себе акции на 900 тыс. руб., а остальные, на 3,6 млн руб., распространить, в первую очередь, среди владельцев лавок, остаток — среди торгующих в лавках и затем,

если останутся свободные акции — среди «публики»³⁸. Планировалось, что через 85 лет после окончания постройки Верхние торговые ряды безвозмездно перейдут в собственность города Москвы.

Но когда Пороховщиков и Азанчевский стали напрямую общаться с лавковладельцами, то натолкнулись на упорное сопротивление. За выкуп торговых помещений они заломили несуразно высокую цену.

Получив, с одной стороны, предписание генерал-губернатора, а с другой, — проект Пороховщикова — Азанчевского, Городская дума поставила два вопроса: первый — Ряды ремонтировать или строить заново; второй — если все-таки строить заново, то как это исполнить. Для разработки вопросов избрали специальную думскую комиссию.

Но не успела комиссия приступить к работе, как в Городскую думу 30 октября 1869 г. обратились конкуренты Пороховщикова и Азанчевского — группа 60 лавковладельцев, желавшая перестраивать Ряды собственными силами. Князь Черкасский поддержал инициативу купцов. Вскоре, с разрешения генерал-губернатора, владельцы лавок дважды совещались в помещении Городской думы. Даже по первой прикидке получалось, что капитальный ремонт обойдется лишь немного дешевле, чем полная перестройка хаотического конгломерата Рядов. Было решено строить Ряды вновь в том же количестве (32 здания) и на тех же местах.

Старший архитектор Купеческого общества А.С. Каминский провел снятие планов Рядов. Обмер показал, что под Рядами находится 6192 кв. сажени земли (2,8 га), из которых 65% под лавками и 35% под проходами. Оказалось, что все 32 корпуса были разных размеров³⁹. При разработке вопроса о постройке новых Рядов возникла еще одна техническая проблема. Было ясно, что узкие проходы между корпусами не соответствуют требованиям современной торговли и их следует расширить до семи метров. В таком случае имелось два сценария: первый — ликвидировать шесть корпусов (и выбросить «на улицу» сотню торговцев), если оставаться в пределах имевшейся территории, и второй — сохранить 32 корпуса за счет прирезки земли со стороны Красной площади. Чтобы не останавливать торговлю, Комиссия лавковладельцев планировала строить ряд за рядом, начав с линии, ближней к Красной площади, для чего «приняла смелость» просить о прирезке до 800 кв. саженей (0,36 га) городской земли. Городская дума не была готова к такому повороту дела, и обсуждение вопроса о Рядах замерло на год. Наконец, 7 мая 1873 г. Городская дума единогласно постановила — не отказывать «безусловно», но получить техническое и юридическое обоснование, что уступка городской земли крайне необходима.

Лавковладельцами был создан комитет из восьми человек для подготовки документов. За этими хлопотами прошло три года. В марте 1876 г. выборные Московского купеческого общества собрались под председательством старшины Сергея Михайловича Третьякова (через год, в 1877 г., он будет на четыре года избран городским головой) и приняли решение обсудить проект устава будущего Общества с самими лавковладельцами. 27 апреля 1876 г. в зале Купеческой биржи на Ильинке под председательством Третьякова состоялось общее собрание 145 лавковладельцев. Собранием был одобрен и передан в Городскую думу для рассмотрения проект перестройки Рядов, выработанный

ный инициативным комитетом под руководством торговца мануфактурным товаром и гласного Городской думы С.П. Карцева. Проект устройства новых Рядов был отпечатан в типографии тиражом 8 тыс. экземпляров и роздан торговцам для ознакомления. Претензий с их стороны высказано не было.

До строительства новых рядов оставался буквально один шаг. Но это чисто московское дело неожиданно было остановлено мощным потоком больших исторических событий — началась Русско-турецкая война 1877—1879 годов. Когда же война завершилась, стал наблюдаться рост недоверия центральной власти к инициативе местных сил. Сменялись чиновники, и прежние договоренности переставали действовать. Каждый самостоятельный шаг Московской думы вызывал раздражение в Петербурге. В этом смысле годы правления Москвой С.М. Третьякова (1877—1881) и Б.Н. Чичерина (1881—1883), отмеченные принудительными отставками, были неблагоприятными для решения вопроса с Рядами. Центральной власти в Петербурге было не до больших хозяйственных проектов — в конце 1870-х — начале 1880-х гг. борьба с политической оппозицией отвлекала все внимание правительства.

Хотя Ряды не были построены, важным результатом дебатов среди купцов стало понимание необходимости рационализации торговли, прежде всего, создания удобных торговых помещений, о чем комиссия в своем обращении в Купеческую управу писала так: «Имея в виду, что из числа 627 владений, около одной трети имеют такие малые размеры, что удовлетворение их новыми лавками в таких же размерах или вовсе невозможно или, если и возможно в некоторых случаях, то таковые лавки не удовлетворяли бы ни потребностям торговли, ни другим условиям, как то по удобству, красоте... Дело заключалось в том, чтобы регулировать владения таким образом, чтобы вновь выстроенные лавки, даже имеющие наименьший размер, удовлетворили бы современным требованиям торговли»⁴⁰.

Анализ дискуссий о перестройке Рядов показывает, что любые попытки нововведений в течение десятилетий наталкивались на сопротивление консервативной части лавковладельцев и арендаторов, видевших угрозу традиционным ценностям мелкого бизнеса, таким, как независимость, сложившиеся коммуникации внутри сообщества, доверительные индивидуализированные отношения с поставщиками и покупателями, нередко финансово базировавшиеся на долгосрочном кредите. Но постепенно понимание того, что удобство торговых помещений ведет к повышению прибыли, возобладало.

12 февраля 1885 г. Городская дума приняла решение о том, что владения, собственники которых не пожелают войти в состав акционерного общества, будут отчуждаться в пользу города по закону для имуществ, отходящих из частного владения «по распоряжению Правительства», на основании статей 575—591 т. X Свода законов (Законы Гражданские)⁴¹. Согласно этим статьям, было возможно при издании Высочашего указа, отчуждать частное недвижимое владение на государственную или общественную пользу, в частности, «для возведения необходимых публичных зданий», при выплате компенсации — «сообразив сию цену с достоинством имущества»⁴².

10 декабря 1885 г. на должность московского городского головы был избран 33-летний Н.А. Алексеев — москвич в седьмом поколе-

нии, пришедший в общественную жизнь не за материальным эгоистическим интересом, а в стремлении преобразовать родной город в цивилизованную европейскую столицу. С 24-летнего возраста он показывал себя активным общественным деятелем, сначала в Российском обществе Красного Креста, затем (с 28 лет) в качестве гласного Городской думы. Чичерин характеризовал его так: «Очень умный, необыкновенно живой, даровитый, энергичный, неутомимый в работе... обладающим даром слова, он как будто создан был для того, чтобы командовать и распоряжаться. Всякому делу, за которое он принимался, он отдавался весь; оно у него кипело, и он упорно и настойчиво доводил его до конца»⁴³.

Новый городской голова был сторонником идеи возведения на месте устаревших лавок пассажа европейского типа, управляемого в форме акционерного общества. Общее собрание лавковладельцев с участием более 1000 человек прошло 26 января 1886 г. под руководством Алексеева, объявившего, что дальнейшее затягивание перестройки Рядов недопустимо. Лавковладельцы избрали Комитет по ведению дела переустройства городских рядов на Красной площади для выработки устава акционерного общества и подготовки финансового проекта перестройки Рядов, куда вошли десять человек, в том числе, А.Г. Кольчугин, П.М. Калашников, П.В. Шапов, И.С. Титов, С.П. Карцев, П.М. Третьяков и В.А. Бахрушин⁴⁴. Комитет оповестил владельцев лавок, что до 1 марта 1886 г. следует подать письменные заявления с нотариально заверенной подписью о вступлении в общество, а также представить квитанцию из Городской управы об уплате поземельного налога по 1885 г. включительно. Далее прошла регистрация и оценка всех лавок, чтобы по стоимости имущества владельцы могли получить пропорциональное количество акций.

В процессе, «кадастра», обнаружилось отсутствие документов на имущество у части лавковладельцев. Некоторые предъявили старые полуистлевшие «купчие», другие владели собственностью «по давности». Одна престарелая владелица сказала, что ей принадлежит только одна шестая часть, а живы ли остальные сонаследники, неизвестно. В другом случае лавка находилась во владении одной из московских церквей, и единственная запись в церковной кассовой книге, что после войны, в 1813 г., «с такой лавки поступило столько-то» послужила для юристов основанием для установления права собственности⁴⁵.

Но для многих лавковладельцев «экономическая терапия» оказалась шоковой. Больше всего бывших владельцев Рядов, привыкших иметь дело исключительно со «звонкой монетой», страшило то, что выданные им акции Верхних торговых рядов окажутся пустой бумагой, не имеющей денежного эквивалента.

Алексеев же не церемонился. В течение 1886 г. Городская дума несколько раз собиралась по вопросу перестройки Рядов, в частности 16 и 23 сентября, 20 и 31 октября. Были приняты решения, что акционерное общество образуется на 75 лет (со дня принятия устава), после чего вся земля под Рядами безвозмездно переходит в собственность города. В процессе строительства надлежало урегулировать границы участка. По плану, выработанному Городской управой, улицу Никольскую следовало расширить до 5,7 м на уровне Ветюшного проезда и до 7,3 м на уровне выхода к Красной площади, для чего от

старого участка Рядов отрезать 250 кв. м, улицу Ильинку расширить до 6,8 м, для чего от Рядов отрезать 173 кв. м, а Ветошный проезд расширить до 15 метров. Одновременно землю под «глаголями» (двумя нумерованными корпусами, выступающими по углам фасада на Красную площадь) площадью 920 кв. м передавали городу, а взамен к территории Рядов прирезалась со стороны Красной площади полоса площадью около 580 кв. метров. В результате, участок под Рядами был уменьшен на 1000 кв. метров ⁴⁶.

На Городскую думу и управу возлагался контроль над строительством с точки зрения прочности и годности материалов, а для акционерного общества был установлен четкий срок — произвести все постройки в течение шести лет, считая со дня утверждения Городской думой планов и фасадов. Для руководства перестройкой Верхних и Средних торговых рядов купцы избрали старшину Купеческого общества Кольчугина (позже, с 1887 г., председателя Комитета по перестройке городских рядов в Москве) ⁴⁷. На долю Кольчугина также выпала важнейшая миссия — представить точку зрения московского купечества на перестройку Рядов министру финансов И.А. Вышнеградскому, а также выступить на заседании Государственного совета, куда его пригласили для коллегиального обсуждения вопроса о постройке новых Верхних торговых рядов после того, как в 1888 г. был издан в виде закона подписанный императором Александром III устав Общества Верхних торговых рядов. Выступление купца в собрании высших царских сановников само по себе было уникальным фактом.

Несмотря на то, что дело шло полным ходом, к концу лета 1886 г. в опустевших Рядах оставалась сотня работавших вполсилы лавок. Чтобы парализовать их действия, Ряды по приказу Алексева оцепили нарядами полиции и торговцев не пустили к месту работы. Третьего октября 1886 г. газета «Московские ведомости» сообщала: «Сломка Верхних Рядов идет очень быстро. Ломается и уже наполовину разобрана одна половина от Ильинки до памятника Минину и Пожарскому... Принадлежности и части отделки здания поступили в продажу частным лицам».

А вскоре газеты сообщили о самоубийстве купца Солодовникова, не перенесшего потери имущества. Слонов в книге «Из жизни торговой Москвы» упоминает об этом так: «Некоторые купцы считали себя разоренными и сошли с ума. Один из них, некто Солодовников, зарезался в Архангельском соборе» ⁴⁸. По общему мнению, причиной трагедии стал нервный срыв у купца 2-й гильдии Солодовникова. Перед началом литургии он пришел в Архангельский собор Кремля и заказал на следующий день отслужить панихиду по тому, чье имя написано в метрике, отданной им причетнику. После богослужения бездыханное тело Солодовникова нашли в южном приделе собора рядом с гробницей Ивана Грозного. После опознания купцы подтвердили, что самоубийца торговал ножевым и галантерейным товаром в Ножевой линии и имел фирму «Московская ярмарка» ⁴⁹. Его единственным доходом была ежедневная выручка. После закрытия лавки в Верхних Торговых Рядах к Солодовникову явились кредиторы. Платить было нечем, и Солодовников впал в отчаяние. Когда в начале октября Ряды начали ломать, то Солодовников понял, что безвозвратно потерял свой бизнес, который старательно вел с 1861

года ⁵⁰. У купца-самоубийцы остались жена и трое детей, старшему из которых было 18 лет. Об этом вопиющем случае газета «Русские ведомости» в подробностях сообщала читателям 13 октября 1886 года ⁵¹.

После этой криминальной драмы городскому голове Алексееву и Комитету по перестройке городских рядов в Москве изрядно досталось от газетных репортеров, но вскоре о происшествии забыли. Недопущение коммерсантов к местам торговли накалило атмосферу в Городской думе. Так, 14 октября 1886 г. старшина мещанского сословия депутат И.И. Шестёркин заявил, что «многие торговцы и мелкие лавковладельцы остались без куска хлеба», и за их бедственное положение несет ответственность городская голова Алексеев, который обещал, что Ряды не будут закрыты раньше мая, а потом внезапно скомандовал о начале сломки Рядов. Шестёркин ехидно заметил, что «городской голова из своих средств должен покрыть все убытки торговцев, что ему как человеку богатому легко сделать» ⁵².

Как самоубийство Солодовникова, так и нападки Шестёркина на Алексеева свидетельствовали о конфликте интересов крупного и мелкого бизнеса. Мелкие лавочники с невысокими доходами не имели свободных средств для вложения в строительство новых помещений или хотя бы ремонт старых, они не могли ни на день прервать торговлю, ибо каждый недополученный рубль угрожал стабильности их дела.

Чтобы не сворачивать торговлю во время сломки Рядов, под кремлевской стеной поставили 14 временных деревянных корпусов, для тепла обитых войлоком и поверх еще «волнистым железом», куда и перекочевали купцы со своим товаром. Но покупатель в железные палатки шел неохотно. 15 октября 1886 г. в газете «Московские ведомости» появилось нелицеприятное мнение военных инженеров Григоровича и Ревенского, утверждавших, что временные деревянные корпуса поражают «дряблостью и несообразностью конструкции», и «напряжения, которые должны проявиться в фибрах железа при умеренном действии сил ветра и снега, превзойдут всякие пределы допускаемых напряжений» ⁵³. По их настоянию была создана строительная комиссия. После ревизии ею построек подрядчик Кнабе был устранен от строительства с удержанием в пользу города залога в 15 тыс. рублей ⁵⁴.

Чтобы форсировать устройство новых каменных Рядов, Городская дума постановила, что, если Устав не будет представлен в течение трех месяцев, то земля под Рядами отойдет городу Москве ⁵⁵. Устав Общества Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве был утвержден императором Александром III 10 мая 1888 года ⁵⁶. В нем были применены все целесообразные принципы, выработанные в ходе обсуждения вопроса в 1870-е — начале 1880-х годов. После этого генерал-губернатор издал 1 июня распоряжение о том, что, если владельцы участков не передадут их добровольно в пользу общества в обмен на акции, то участки будут отчуждены принудительно и по умолчанию, без компенсации ⁵⁷.

В Купеческой управе собственникам лавок были выданы отпечатанные типографским способом типовые бланки заявлений: «Я, нижеподписавшийся (Ф.И.О.), подтверждая сим согласие свое на добровольную уступку своего имущества, выраженное в заявлении, поданном в Комитет учредителей Высочайше утвержденного Общества Вер-

хних торговых рядов на Красной площади в Москве, на основании 2-го § Устава общества, настоящей подпиской передаю в собственность означенного общества по прилагаемому при сем и подписанному мною плану, в размерах, означенных в последнем, принадлежащей (название фирмы или имя владельца) лавке, состоящей (точное местонахождение и номер владения, например, «в Москве Городского участка, в Серебряном ряду, за номером 115»), с тем, чтобы получить мне за уступленные выше владения акции Общества в размере и порядке, указанном в 4 и 5 §§ Устава Общества. При этом прилагаю также городскую оценку уступленного владения по генеральной оценке 1874—1875 гг.».

Однако безмятежной передачи владений новому коллективному собственнику не вышло. Среди лавковладельцев образовалась группа «повстанцев», которые наотрез отказались менять лавки на акции. Они сопротивлялись три года, но ряды их постепенно редели. Смирившись с тем, что имущество уже не спасти, они стали требовать вместо акций денежной компенсации. К 18 декабря 1891 г., по сведениям директора Общества Верхних торговых рядов Калашникова, таких оставалось девять человек, владевших 19 лавками: татарин М.-Р.-А.К. Исаков, М.Г. Савинов, Л.А. Едрёнкина, Н.А. Лукошкин, братья С.К. и А.К. Лизгуновы, сестры А.И. Числова и Е.И. Просина и И.М. Утенин. Им причитались акции на немалую сумму 203 491 рублей ⁵⁸.

Владелец двух лавок, лично торговавший в них модным товаром Лукошкин вплоть до весны 1892 г. писал апелляции в Купеческое общество на имя старшины С.А. Протопопова: «Вступление в акционерное общество позволяю себе считать верхом беззакония». Позже он готов был «снизойти» до денежной компенсации, но в размере не менее 25 тыс. руб. серебром с процентами, хотя его лавки оценивались только в 12,2 тыс. рублей ⁵⁹.

Другой собственник — Михаил Савинов — которому Комитетом учредителей за две лавки была предложена компенсация акциями на солидную сумму 73 690 руб., в начале марта 1892 г. сообщал в заявлении на имя Протопопова, что будет упорствовать, пока ему не выплатят стоимость лавок наличными деньгами или в 5-процентных ценных бумагах. Он, конечно, «кусал локти», что не поступил в свое время, как его родной брат Фёдор Савинов, который в марте 1889 г. продал И.С. Титову двенадцать лавок за 40 тыс. рублей ⁶⁰.

Дело о сопротивлении вступлению в акционерное общество дошло до министра внутренних дел И.Н. Дурново, который был вынужден обсудить план действий с московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем. Дело спустили по инстанции, и вскоре из канцелярии московского вице-губернатора старшине Московского купеческого сословия пришло предписание, чтобы тот «вошел в личные переговоры с лавковладельцами Верхних торговых рядов..., не вступившими еще в состав Акционерного общества, не пожелают ли они добровольно войти в состав означенного... общества» ⁶¹.

15 апреля 1892 г. из Канцелярии московского губернатора запросили сведения о девяти лавковладельцах, отказавшихся вступить в акционерное общество, назначили совещание с ними и со старшиной Московского купеческого сословия на 7 мая. С момента закрытия

старых Рядов прошло пять с половиной лет, и три владельца лавок из девяти умерли (Исаков, Едрёнкина и Утенин), надо было разыскивать их наследников⁶². В конце концов, вопрос удалось уладить выплатой компенсации. Однако сами факты несогласия свидетельствовали о том, что лавочники пытались выразить постигшее их экономическое бедствие путем эмоционального выплеска в условиях агонии старого порядка торговли.

Тем временем, строительство нового здания шло полным ходом. 21 мая 1890 г. состоялась торжественная закладка Верхних торговых рядов. На церемонии присутствовали городские власти, представители купечества. Вначале прошел молебен, а затем преосвященный Виссарион и генерал-губернатор В.А. Долгоруков заложили камни, с которых должна была начаться стройка. Через три с половиной года, второго декабря 1893 г., на открытии Верхних торговых рядов присутствовал московский бомонд, в том числе вел. кн. Сергей Александрович с супругой Елисаветой Фёдоровной. После молебна, на который доставили главные московские чудотворные иконы, включая Иверскую, состоялся завтрак на 200 персон — главных акционеров. В студёный зимний день все пассажи были украшены гирляндами живых цветов, национальными флагами, играло несколько оркестров. Посмотреть на торжество пришли 60 тыс. покупателей⁶³.

Согласно Уставу управление делами Общества Верхних торговых рядов распределялось между Правлением, состоявшим из председателя, двух директоров и секретариата, Советом и общим собранием акционеров. Председатели правления избирались купеческим самоуправлением из числа состоятельных и опытных в общественных делах купцов. В 1889—1895 гг. председателем Правления был Александр Григорьевич Кольчугин, после его смерти — в 1895—1918 гг. — Сергей Александрович Булочкин. Директорами являлись торговец сукном Титов, торговец часами Калашников, позже Титова сменил А.С. Изергин. Председатель правления получал в 1898 г. вознаграждение за свою работу в размере 4 тыс. руб. в год, члены правления, то есть два директора, по 3 тыс. рублей.

Кольчугин и Булочкин были москвичами в четвертом поколении, принадлежали к старомосковскому купечеству. Кольчугин (1839—1899) происходил из семьи знаменитых книготорговцев, однако не стал продолжать семейную традицию, а в возрасте 21 года основал в 1871 г. латунный и меднопрокатный завод во Владимирской губ. (сейчас районный центр Кольчугино) и зарегистрировал торговый дом «Александр Кольчугин и Ко». В конце XIX в. кольчугинский завод производил 10—15% всего медного проката России⁶⁴. Цена деловую хватку и шепетильность Кольчугина в коммерческих делах, купцы выбрали 28-летнего коммерсанта гильдейским старостой Московской купеческой управы (1877). В 35 лет он был избран членом Московского отделения Совета торговли и мануфактур, пять лет (1884—1888) прослужив на должности, обычно отдаваемой почтенным и заслуженным купцам. Пятнадцать лет (1877—1892) был гласным Московской городской думы⁶⁵. Кольчугин хорошо владел пером и, например, после поездки в Баку опубликовал очерки «В царстве нефти» в трех номерах газеты «Московские ведомости», позже изданные отдельной книжицей. Там содержалась и такая фраза, родившаяся пос-

ле осмотра старого базара: «Если кто помнит наши московские прежние ряды, тот легко составит себе понятие о бакинских: те же мелкие лавки, те же кривые проходы»⁶⁶.

В 1884 г. в качестве старшины Купеческого общества Кольчугин был выбран председателем Комитета по перестройке городских рядов в Москве. Вместе с другими членами комитета он выработывал стратегию гигантской стройки, а затем в доступной форме излагал основные идеи Устава и строительного проекта на общих собраниях лавковладельцев и акционеров. Надо было убедить всех 686 собственников, торговавших в старых Рядах, в необходимости сноса старых обветшавших лавок. Осенью 1893 г., после семи лет строительного марафона, Верхние торговые ряды были построены. Труды Кольчугина были оценены орденом Св. Анны 2-й степени, полученным 18 мая 1895 г. «по представлению министра финансов о полезной деятельности по должности председателя Правления Общества Верхних Торговых Рядов в Москве». В том же году он ушел в отставку и через четыре года скончался. Надпись на памятнике на Ваганьковском кладбище, установленном сослуживцами, гласила: «От признательных обществ Верхних и Средних торговых рядов».

Сменивший Кольчугина на посту председателя Сергей Александрович Булочкин (1858 — после 1917), остававшийся на должности на протяжении двадцати лет, был профессиональным юристом, по мнению клиентов, грамотным и изощренным в распутывании сложных коммерческих ситуаций. Его семейство принадлежало к старожилам Китай-города — меняльные лавки Булочкиных были известны в Рядах с 1840-х годов. В 1875 г. торговому дому «Петр Булочкин с братьями», который возглавлял отец Булочкина, принадлежало пять лавок общей площадью 81 кв. метр. Стремясь к респектабельности, А.М. Булочкин направил сына учиться на юридическом факультете университета. Сергей, как сообщает формулярный список, «окончил курс наук в Императорском Московском университете со степенью кандидата прав». Высокий, худощавый, всегда в строгом костюме и пенсне Булочкин всем видом способствовал укреплению чувства респектабельности и стабильности у акционеров и арендаторов Общества Верхних торговых рядов. По организационно-коммерческим делам ему нередко приходилось ездить в Петербург, в Министерство финансов, и там обходительный купец-юрист умел на равных разговаривать с чиновниками. Булочкин был избран старшиной московского купеческого сословия (1891), являлся гласным Московской городской думы на протяжении 24 лет (1893—1917). 1 января 1909 г. за заслуги на предпринимательском поприще Булочкин получил звание коммерции советника, а в 1913 г. по результатам празднования 300-летия Дома Романовых он по представлению министра внутренних дел был пожалован чином действительного статского советника за «особые труды, понесенные им, Булочкиным, в связи с пребыванием Их Императорских Величеств в Москве»⁶⁷.

Новый комплекс зданий Верхних рядов был построен по проекту А.Н. Померанцева (1849—1918). Внешний «национально-романтический» вид Верхних торговых рядов с башнями центрального входа, повторявшими силуэты башен Исторического музея, сочетался с высокотехнологичной начинкой. Интерьеры стояли в одном ряду с круп-

нейшими парижскими и американскими универмагами. Померанцев придумал дуговую конфигурацию трех стеклянных крыш над каждой линией с куполом-ротондой в центре комплекса, чтобы снег сползал в боковые желоба. Вдоль здания на всем пространстве были устроены 16 четырехгранных воронок-колодцев размером примерно два на два метра, к которым направлялись все скаты крыши. Дождевая вода шла напрямиком в городскую канализацию, а снег попадал на снеготаялки, устроенные на дне колодцев при паровой трубе ⁶⁸.

Освещение гигантских подвалов (первый подземный этаж — склады и оптовые магазины, второй подземный этаж — собственная электростанция, водонасосная станция с собственной же артезианской скважиной на 100 метров вглубь и прочие технические новшества) обеспечивалось через круглые иллюминаторы из сверхпрочного стекла, располагавшиеся в полу первого этажа (сейчас закрыты более поздним покрытием).

В открытых в 1893 г. Верхних торговых рядах сдавалось в аренду более тысячи магазинов ⁶⁹. В 17 корпусах — 16 основных и одном в Ветошном переулке — было по 332 помещения на каждом из трех этажей и столько же в подвале. В Рядах можно было купить всевозможные товары — от крупнооптовой партии сукна или бархата до тесьмы и иголок, от кроватей и сундуков до 13-граммовой пачки чая (так называемые «три золотника»).

Согласно нашим подсчетам, сделанным по спискам арендаторов, в 1902 г. в Рядах был 331 арендатор, включая 312 арендаторов торговых помещений и 19 лиц, содержавших «шкапы» в проходах, где продавали шляпки, подарки и прочий мелочной товар. По видам товара арендаторы (фирмы и частные лица) распределялись так: 24% арендаторов продавали мануфактурный товар, 23% модно-галантерейный товар, 7% — золотые и серебряные вещи, 4% — иконы и церковные принадлежности, 4% — писчебумажный товар и письменные принадлежности. Также 9% помещений было занято различными конторами.

Мануфактурным товаром, то есть текстильной продукцией, торговали 80 фирм и частных лиц. В Верхних рядах можно было купить хлопчатобумажные ткани, шелк, сукно, мебельную материю, бархат, парчу. Среди арендаторов были известные фирмы: Прохоровская Трехгорная мануфактура, три Морозовских фирмы — Викулы Морозова, Никольская мануфактура и Тверская мануфактура, шелкоторговцы Сапожниковы, бумаготкацкая фабрика Шаповых, торговец сукном И.С. Титов, Жирардовская мануфактура, ситценабивная фабрика «Эмиль Циндель».

76 торговцев предлагали покупателям модно-галантерейный товар: одежду, белье, мужские и дамские шляпы, платки, ремни, зонтики, кружева, пуговицы, иголки, тесьму, бахрому, дамские рукоделия, шелковые ленты.

В Рядах находилось 23 магазина, где продавались серебряные и золотые вещи, жемчуг, бриллианты. Были представлены знаменитые производители — фирмы Немирова-Колодкина, Хлебникова, а также торговцы Ф. Бородачёв, А. Вишняк, М. Вшивиков, три фирмы Исаевых, «Братья Соловьёвы», «Степанов и Красильников», А. Федосеев, М. Шапошников, З. Шер.

В тринадцати магазинах предлагались иконы. Среди них был, как обозначалось в рекламе, «фабрикант икон, киот, лампад и фольги В.С. Крестьянинов с сыновьями», занимавший помещения в Рядах на протяжении 25 лет — с 1893 по 1918 год. Одиннадцать магазинов торговали писчебумажными товарами и три — письменными принадлежностями.

В десяти местах можно было купить еду: любую в пяти съестных лавках купца Максимова, молоко и масло у Ширяева, фрукты у Филиппова. В семи магазинах продавались обои — русские и привозные английские. Четыре парфюмерных магазина представляли всю гамму духов, пудры, кремов, помад — с российских фабрик Анри Брокера и Альфонса Ралле, от ведущих французских, английских и немецких парфюмерных производителей — парижских фирм Coty, Guerlain, Roger & Gallet, Houbigant, лондонских — Atkinson, Bailey, Crown Perfumery. Покупатели, устав от хождения по магазинам, могли пообедать или выпить чашку чая в кухмистерских Тихомирова и Трифоновой и в ресторане «Мартьяныч», занимавшем весь подвальный этаж корпуса на углу Красной площади и Ильинки.

Три магазина меховых товаров предлагали новейшие модели зимней одежды, в том числе, от фирмы поставщиков Императорского Двора Сорокоумовских и Рогаткина-Ёжикова. В Рядах было две аптеки, хозяевами которых являлись московские немцы Карл Феррейн (потом его сын Владимир) и Роман Келер, ранее начинавший фармацевтом у Феррейна.

Семь магазинов торговали коврами и популярными скатертями-клеенками. Среди них известные фирмы «Братья Белугины» и «Братья Мусорины». Столько же — игрушками. Четыре магазина предлагали самовары и подносы к ним. Среди них знаменитый торговый дом «Аленчиков и Зимин». Было в Рядах три магазина военно-офицерских вещей.

Попадался и редко требуемый товар: велосипеды, хрустальные люстры, картинные рамы, шкатулки. Например, имелся «Магазин уральских камней» А. Боровских, в рекламе заявлявший себя как «первая в Москве электро-гранильная мастерская сибирских камней». Здесь продавались готовые вещи из малахита и яшмы — шкатулки, пепельницы, вазы, а также минералы с уральских месторождений: изумруды, александриты, хризолиты, аметисты, сапфиры, рубины, аквамарины, бериллы. Камни можно было купить в необработанном виде для геологических коллекций (что было распространенным увлечением на рубеже XIX—XX вв.) или в шлифованном — для ювелирных украшений.

Помимо оптовой и розничной торговли в здании Рядов, главным образом на третьем этаже, снимали помещения под офисы более 30 фирм. Агенты и комиссионеры — представители русских и иностранных фабрик, торговых фирм, коммерческие посредники, а также консультанты по технологии из разных мест Российской Империи и европейских стран — заключали оптовые сделки на поставку товара, соединяли продавцов и покупателей, размещали заказы третьих лиц. Например, саксонский подданный А.Б. Вундерлих держал контору по продаже пряжи, а торговый дом «А. Праватинер» занимался оптовыми поставками галантерейного и чулочного товара. Один из ком-

мерсантов — «торговый агент» М. Фридендер — представлял в Москве игольную фабрику «Ликсна» — одну из крупнейших в Империи (120 млн иголок в год), принадлежавшую графу И.Г. Плятеру-Зиббергу и расположенную в имении Ликсна Динабургского уезда Витебской губернии (сейчас на территории Латвии). Офисы в Верхних рядах также занимали правление московского Бутырского чугунно-литейного механического завода и благотворительная организация Вспомогательное общество Мещанских училищ, где попечительствовали оба председателя правления Общества Верхних торговых рядов Кольчугин и Булочкин. К услугам клиентов были также парикмахерская А.Н. Слободчикова, зубоврачебный кабинет Е.П. Поповой и приемная терапевта А.З. Шера, четыре граверных и токарная мастерские, типография-скоропечатня, отделение Международного банка.

Самые успешные коммерсанты арендовали несколько помещений. Чемпионами в этом отношении были Сапожниковы, которые торговали шелковыми тканями в 33 помещениях, занимая практически целиком второй и третий этажи корпуса, стоявшего на углу Красной площади и Ильинки. За аренду они платили 23 тыс. рублей.

Вторым «по площадям» был торговый дом «Мюзер», специализировавшийся на модно-галантерейном товаре, — 31 помещение в 1893 и 20 в 1902 году. В 26 помещениях на трех этажах располагалась модно-галантерейная торговля «Орлов и Шешков». Владелец фирмы купец 2-й гильдии Акиндин Алексеевич Шешков с 1868 г. имел галантерейную торговлю в Старом Гостином дворе, а с 1893 г. и в Верхних торговых рядах. Торговый дом «Братья С. и Ф. Мусорины» вел продажу в 19 магазинах на всех этажах и в подвале, платя за аренду 16,5 тыс. рублей. Реклама Мусориных сообщала, что у них можно купить оптом и в розницу «ковры, дорожки, клеенки, чемоданы, щетки, войлоки, брезенты, тесьму, веревки, канаты и другие предметы для фабрик и железных дорог». Торговым домом 2-й гильдии «Андрея Захряпина сыновья» продажа недорогой медной церковной утвари осуществлялась в 14 помещениях на первом и втором этажах, склад находился в подвале. Захряпины платили 12 тыс. руб. в год.

Огромный магазин обуви «Иван Погребов и Егор Егоров» занимал 13 смежных помещений. Погребов, московский купец 1-й гильдии, постоянно проживал в г. Кашине Тверской губ., где с конца XVII в. существовал сапожный промысел и откуда и поступала на продажу отечественная кожаная обувь. Также Погребов импортировал сапожный товар из Германии и Англии, зная слепую веру русского покупателя в европейское качество. Реклама Погребова и Егорова сообщала: «Обувь русская и заграничная постоянно в большом выборе».

Новые Верхние ряды на Красной площади являлись акционерной компанией. По Уставу, утвержденному 10 мая 1888 г. «для выкупа имущества» у прежних владельцев был образован основной капитал 7 млн руб. посредством выпуска акций номиналом 100 руб. каждая. Ко времени открытия торговли в декабре 1893 г. основной капитал был увеличен до 9 401 500 руб. (94 015 акций по 100 рублей), с учетом стоимости земли, перешедшей акционерному обществу после выкупа владений у прежних лавковладельцев. При этом стоимость здания, возведенного по проекту Померанцева, в 1894 г. оценивалась в 6 024 087 рублей ⁷⁰.

Собственность от лавковладельцев приобреталась в обмен на акции в соответствии со стоимостью лавок по муниципальной оценке 1875 года. В ходе выкупа имуществ собственникам старых Рядов была выдана 61 тыс. акций на сумму 6,1 млн рублей. В открытую продажу поступили акции на сумму 3,3 млн рублей. В последующий период они могли переходить от первоначальных владельцев к новым держателям, но, согласно Уставу, только к бывшим лавковладельцам, их наследникам и нанимателям торговых помещений во вновь отстроенных рядах. Правило это было строгим, и любые сделки с акциями, совершенные с нарушением, признавались недействительными.

Акционеры участвовали в ежегодных общих собраниях лично или по доверенности посылали заседать своих представителей. Общество Верхних торговых рядов имело более тысячи держателей акций — как физических, так и юридических лиц. До нашего времени сохранилось два списка акционеров — 1904 и 1914 гг. — содержащих соответственно имена 1180 и 1094 держателей акций ⁷¹. Дальнейшие подсчеты были сделаны по этим спискам.

На акциях указывалось имя, фамилия и звание владельца (например: дворянин, купец 1-й гильдии, дочь купца, доктор философии). К каждой акции прилагался лист пронумерованных купонов для получения дивиденда в течение десяти лет. Каждые десять лет купонные листы перевыпускались. Передача акций от одного лица к другому фиксировалась передаточной записью на самих акциях и регистрацией в специальной книге, хранившейся в Правлении. По Уставу, акции могли передаваться исключительно «русским подданным, христианского от рождения исповедания». Это кажущееся строгим ограничение на самом деле давало достаточно широкие возможности. Например, акционерами могли быть иностранцы, перешедшие в российское подданство (таких было немало среди коммерсантов) или представители второго поколения крещеных евреев.

Например, в 1904 г. среди владельцев акций числились Эдуард Андреевич фон Беренс, Николай Теофилович Буше, Владимир и Георгий Эмильевичи фон Вейрих, Николай, Исаак и Иван Исааковичи Джамгаровы (известные московские банкиры-армяне), Александр Аветович Джаншиев, Исаковы (Мухаммад-Рахим-Абдулла, Абдулла-Мухаммад-Рахим и Мухаммад-Фашич Измайлович — семья московских купцов-татар, торговцев мануфактурным товаром), пять человек из семейства Катуар (крупные коммерсанты-французы), Фридрих-Вильгельм Клуге, Юлиан Юлианович Рафальский, Цецилия Израилевна Розенблюм (супруга присяжного поверенного, юрисконсульта правления Рядов Виктора Розенблюма), Степан Тэр Аришчевич Тер-Саргсянц и др. В 1914 г. количество лиц с немецкими, польскими, армянскими, еврейским корнями слегка увеличилось.

Акционерами были как физические лица (отдельные персоны и несколько представителей одной семьи, коллективно владевшие акциями), так и юридические лица. Круг юридических лиц был строго очерчен уставом. Среди них наибольшим влиянием обладали Городская дума и Купеческое общество, которым до перестройки Рядов принадлежали три и пять лавок соответственно. Во время первоначального распределения акций в 1888—1892 гг. Городской думе и Купеческому обществу как соучредителям акционерного обще-

ства достались солидные пакеты акций. Городской думе в 1893—1917 гг. принадлежала 1451 акция на сумму 145 100 руб., что обеспечивало 72 голоса на общем собрании акционеров. Купеческое общество владело 3892 акциями на сумму 382 900 руб. и имело 191 голос.

106 акций принадлежало благотворительной организации — Императорскому Человеколюбивому обществу (в лице его московского Попечительного о бедных комитета). Акции были получены в обмен на лавки, ранее пожертвованные благотворителями. 55 акций (1904 и 1914) имелось у Императорского православного Палестинского общества.

Согласно уставу, акции могли находиться во владении банковских учреждений. Среди акционеров было три банка. Московское купеческое общество взаимного кредита из года в год укрепляло свой пакет акций (1904 — 717 акций на сумму 71 700 руб. и 35 голосов, 1914 — 2915 акций на сумму 291 500 руб. и 145 голосов, то есть в четыре раза больше). Незначительное количество акций было у Купеческого банка (1904 — 125 акций, 1914 — 70 акций) и Торгового банка (1904 — нет, 1914 — 12 акций).

Устав Общества Верхних торговых рядов допускал владение акциями для православных монастырей и храмов, а также благотворительных учреждений, куда акционеры-благотворители могли жертвовать свои акции в качестве доходных бумаг. Во владении церковью и монастырями в 1904 г. было 78 акций, в 1914 г. — 75 акций.

К примеру, московский храм Николая Чудотворца в Кузнецях в 1875 г. имел лавку площадью 35 кв. м в Малом Ветошном ряду и получил за нее 97 акций на сумму 9700 руб. и четыре голоса на общем собрании акционеров. Доходы от акций, составлявшие 280—330 руб. в год, использовались на ремонт храма и помощь бедным прихожанам.

Акциями владели пять монастырей: Троицко-Одигитриевский (Зосимова пустынь), Перервинский, Свято-Екатерининский, Брянско-Белобережский, Спасо-Андрониевский. Держателями акций были приходские храмы: 9 в 1904 г., и 14 в 1914 г. (10 в Москве и 4 в Московской губ.), к примеру, церкви: Иоанна Богослова под Вязом, Иоанна Богослова в Бронной, Черниговских Чудотворцев под Бором, Троицы в Лужниках, Троице-Грузинская в Никитниках, Спиридония за Никитскими Воротами, Николая Чудотворца в Кузнецях, Введения в Барашах.

Иногда происходил переход акций от физических лиц к юридическим, например, в случае направления акций на филантропические цели. В 1914 г. держателем 110 акций на сумму 110 000 руб. был Киржачский детский приют имени Арсентьевых. Акции пожертвовал приюту его основатель, владелец шелкоткацкой фабрики из Киржача Владимирской губернии Г.Я. Арсентьев. Дивиденд, составлявший в год от 3 до 4%, мог вполне обеспечивать годичное питание 30 детей-сирот.

Среди физических лиц крупнейшими акционерами Верхних торговых рядов являлись потомки бывших лавковладельцев и лица, занимавшиеся учреждением акционерного общества. И те, и другие принадлежали к московской предпринимательской элите: Булочкины (1904 — 646 акций, 1914 — 553), Бахрушины (1904 — 665 акций, 1914 — 665), Вишняковы (1904 — 916 акций, 1914 — 370), Горожанкины (1904 — 647 акций, 1914 — 949), Джамгаровы (1904 — 947

акций, 1914 — 899), Зимины (1904 — 1097 акций, 1914 — 1318), Изергины (1904 — 675 акций, 1914 — 975), Катуары (1904 — 685 акций, 1914 — 685), Кукины (1904 — 1663 акции, 1914 — 1716), Лепёшкины (1904 — 2120 акций, 1914 — 2112), Морозовы (разным ветвям: 1904 — 1037 акций, 1914 — 833), Прибыловы (1904 — 1312 акций, 1914 — 927), Титовы (1904 — 6501 акций, 1914 — 8815), Свешниковы (1904 — 1009 акций, 1914 — 802), Щеклеевы (1904 — 1160 акций, 1914 — 0), Щербачёвы (1904 — 870 акций, 1914 — 670).

К примеру, владельцам текстильных фабрик Лепёшкиным в старых рядах принадлежало пять лавок площадью 149 кв. метров. Стоимость лавок была возмещена акциями, и Лепёшкины еще докупили акции на правах бывших лавковладельцев. В 1904 г. Лепёшкина владела 1000 акций (на 100 тыс. руб.) и имела 50 голосов на собрании акционеров. Племянник ее мужа Семён В. Лепёшкин владел 1120 акциями (на 112 тыс. руб.) и имел 56 голосов. К 1914 г. произошло перераспределение акций внутри семьи. А.Н. Лепёшкина подарила (или продала) 20 акций на сумму 2000 руб. своему сыну В.Д. Лепёшкину и его супруге, и еще 10 акций — сторонним лицам, а себе оставила 970 акций (на 97 тыс. рублей). У Семёна В. Лепёшкина количество акций увеличилось до 1122.

Крупными держателями акций были Кукины, принадлежавшие к старомосковскому купечеству. Кукины с конца XVIII в. владели крупнейшим салотопенным заводом в Хамовниках, приносящим высокие прибыли, потому что до 1860-х гг. освещение жилых и рабочих помещений осуществлялось сальными свечами, а не дорогими восковыми. Сало с кукинского завода продавалось в Москве и шло на экспорт в Европу. Кукины также торговали в Верхнем Овощном ряду «зеленым товаром». Кирилл Афанасьевич Кукин был московским городским головой в 1852—1855 годах. Он владел пятью лавками (60 кв. м) в Верхних рядах. В 1904 г. Константину Кирилловичу принадлежало 1613 акций на сумму 161 300 руб. (80 голосов), его супруга Наталья Николаевна владела 50 акциями на сумму 5000 рублей. В 1914 г. у Кукина было то же количество акций, у Кукиной — 100 акций.

Самыми влиятельными акционерами Верхних рядов были представители семьи Титовых. Крупный торговец сукном Иван Сергеевич Титов в 1888—1901 гг. являлся одним из двух директоров Правления Верхних торговых рядов. Его акции по наследству перешли вдове Ольге Антоновне, двум сыновьям, Владимиру Ивановичу и Дмитрию Ивановичу, и дочери Юлии. Им в 1904 г. принадлежала 6501 акция на сумму 650 100 руб. (соответственно 325 голосов), а в 1914 г. в совокупности 8815 акций на сумму 881 500 руб. (440 голосов).

Были среди акционеров и выдающиеся люди своей эпохи. Например, архитектору Верхних рядов А.Н. Померанцеву принадлежало 40 акций (2 голоса).

В XIX в. вытеснение старых форм торговли, сложившихся еще в феодальный период, было повсеместным в Европе (например, сломка лондонского мясного рынка Смитфилдс, сопровождавшаяся противостоянием городского управления и торговцев). Трансформация городского пространства, происходившая в процессе буржуазного развития, часто проходила болезненно и на социальном, и на экономическом уровне. Общественные дискуссии и контакты институтов му-

ниципального и купеческого самоуправления с государственной властью отразили сложности, возникавшие в модернизационном процессе. История функционирования и трансформации Верхних торговых рядов демонстрирует, что в предпринимательском сообществе Москвы в XIX в. важную роль играло купеческое самоуправление. Во взаимоотношениях с муниципальной и центральной властью оно отстаивало интересы купеческой элиты, представители которой являлись образованными прагматиками, стремившимися через рационализацию торговли и удовлетворение потребностей покупателей наращивать свою прибыль и преобразовывать городскую инфраструктуру.

Примечания

1. Цит. по: БОБОРЫКИН П.Д. Китай-город. М. 1985, с. 20.
2. [СИВКОВ К.В.] Торговля в Москве. В кн.: История Москвы. Т. III. М. 1954, с. 256—290.
3. БАКЛАНОВА Н.А. Постройка нового Гостиного двора в Москве 1660—1665 гг. В кн.: Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия. М. 1952, с. 190—199.
4. ЩЕНКОВА О.П. Китай-город — торговый центр Москвы в конце XVIII — первой половине XIX в. — Архитектурное наследство. № 33, 1985, с. 31—39; ШУМИЛКИН С.М. Торговые комплексы Европейской части России конца XVIII — начала XX вв. (типология, архитектурно-пространственное развитие) М. 1999; ПРОКОФЬЕВА И.П. Первые московские пассажи. — Архитектура и строительство Москвы. 1999, № 6, с. 34—36.
5. ПАЛТУСОВА И.Н. Крупнейший пассаж России. — Мир музея. 1993, № 6, с. 14—20; РОГАЧЁВ А.В. Ряды из ряда вон выходящие. — Былое. 1992, № 12.
6. Обзор мнений иностранцев цитируется по изданию: КУЛИШЕР И.М. История русского народного хозяйства. М. 2004, с. 584—585.
7. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы), ф. 14, оп. 9, д. 6675, л. 3об. — 18, 268об., 284.
8. РУДОЛЬФ М. Указатель церквей, казенных и частных домов, лавок разных рядов и Гостиного двора лавок и прочих заведений в Кремле и Китае городе, городской части столичного города Москвы. М. 1846, с. 52, 56, 62, 64, 71.
9. Московская городская дума (Вопрос о постройке Городских Рядов на Красной Площади). — Московские ведомости. 18. II. 1885.
10. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 1, д. 1089, л. 42. В документе «О перестройке городских рядов. Март-апрель 1876 год» уточнялось, что «владельцев торгующих в собственных лавках к 1870 г. было 92, а наемщиков 750. Всех же торгующих 842», а «вся площадь, занимаемая рядами, имеет 55 735 квадратных аршин или 6192 квадратных сажени. Из них 36 344 кв. ар. или 4038¹/₄ кв. с. находятся под лавками, остальные 19391 кв. ар. или 2154 кв. саж. под проходами». Там же, л. 43об. В 1870 г. доход со всех лавок, находящихся в торговых рядах, простирался приблизительно до 475 678 руб. серебром. Там же, л. 41об.
11. Проект Устава Общества владельцев лавок в торговых рядах на Красной площади. М. 1875, с. 23—43.
12. Московская городская дума (Вопрос о постройке Городских Рядов на Красной Площади). — Московские ведомости. 18. II. 1885.
13. Доклад комитета учредителей общества торговых рядов на Красной площади 23-го июля 1888 г. М. 1888, с. 6.
14. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 1, д. 1089, л. 42об.
15. Сдача лавок как важнейший источник дохода выявлен А.И. Аксёновым для Москвы XVIII века. Приводя многочисленные примеры сдачи в аренду торговых помещений в Китай-городе, Аксёнов отмечает: «Поразительно, но факт — весь состав купцов, сдавших свои торговые вотчины в наем в 1779 г., целиком совпадает

- (не хватает 5 имен) с группой из 37 фамилий первогильдейцев и именитых граждан конца XVIII в., чья устойчивость на протяжении наиболее возможной для купеческого рода длительности находилась в прямой связи с абсолютизмом и феодальной системой. И это совпадение не может свидетельствовать ни о чем другом, кроме того, что сдача в аренду торговых мест представляла собой одну из выгоднейших и существеннейших статей купеческого феодального дохода, находившуюся примерно на одном уровне с ростовщицеством». См.: АКСЁНОВ А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М. 1988, с. 136.
16. Посчитано по: РУДОЛЬФ М. Ук. соч., с. 47, 51—52, 55, 63, 65, 68—69, 71—73, 76, 79, 83, 104.
  17. Проект Устава Общества владельцев лавок, с. 23—43; Свод результатов общей оценки недвижимых имуществ в Москве. Список владений Городской части 2-го квартала. М. 1875, с. 1—61.
  18. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 768, оп. 2, д. 193, л. 5.
  19. Московский некрополь. Т. II. М. 1908, с. 306.
  20. ИВАСК У.Г. Родословная Москвиных. М. 1910, с. 2—5; АКСЁНОВ А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М. 1988, с. 65, 177.
  21. ВАРЕНЦОВ Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М. 1999, с. 358.
  22. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 1, д. 1089, л. 45об.—46.
  23. Необходимые правила для купцов, банкиров, комиссионеров и вообще для каждого человека, занимающегося каким-либо делом и анекдоты из купеческого быта. СПб. 1881, с. 9.
  24. АШУКИН Н.С., ОЖЕГОВ С.И., ФИЛИППОВ В.А. Словарь к пьесам А.Н.Островского. М. 1992, с. 101.
  25. АНДРОССОВ В. Статистическая записка о Москве. М. 1832, с. 39.
  26. Для понимания масштаба цен, стоит сказать о стоимости основных продуктов питания в Москве в начале 1850-х гг.: 9-пудовый куль муки (144 кг) стоил 2 руб. 60 коп. серебром, пара живых баранов — 5 руб., пуд (16 кг) свинины — 1 руб. 60 коп., свежая морковь — 12 коп. сотня, огурцы — 15 коп. сотня, соленые огурцы — 1,5 руб. за тысячу.
  27. ЦГА г. Москвы, ф. 50, оп. 14, д. 1164, л. 23—24, 86об.
  28. Там же, ф. 14, оп. 9, д. 6675, л. 195об.
  29. СЛОНОВ И.А. Из жизни торговой Москвы: (Полвека назад). М. 1914, с. 115.
  30. Там же.
  31. Там же, с. 135—138.
  32. Там же, с. 166.
  33. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 1, д. 1195, л. 8.
  34. Известный врач и переводчик Шекспира на русский язык.
  35. Здесь и далее ход событий изложен по документу «Доклад комиссии по перестройке рядов на Красной площади». ЦГА г. Москвы, ф. 179, оп. 23, д. 88, л. 9об.—17об.
  36. ПИСАРЬКОВА Л.Ф. Московская городская дума. 1863—1917. М. 1998, с. 167.
  37. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 1, д. 1089, л. 39.
  38. Там же, ф. 179, оп. 23, д. 88, л. 10.
  39. Там же, ф. 179, оп. 23, д. 88, л. 11об.—12.
  40. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 1089, л. 45об.
  41. Там же, д. 1807, л. 21об. Информация об этом содержится в уведомлении Московской городской управы Комитету, избранному 26 января 1886 г. Обществом лавковладельцев, для ведения дела о переустройстве Городских рядов. Объявление было трижды напечатано в газете «Московский листок» в начале февраля 1886 года.
  42. Свод законов Российской империи (по изд. 1857 г.). Т. X. СПб. 1857, ч. 1, ст. 575—578.
  43. ЧИЧЕРИН Б.Н. Воспоминания. Т. 4. М. 1934, с. 82.
  44. Совещательное собрание гг. лавковладельцев Верхних торговых рядов 29 декабря 1886 г. М. 1887.

45. РАЗМАДЗЕ А.С. Торговые Ряды на Красной площади в Москве. Киев. 1893, с. 41—42.
46. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 1, д. 1807, л. 21. Меры длины переведены из аршин в метры.
47. Московский листок. 31.VIII.1899.
48. СЛОНОВ И.А. Ук. соч., с. 121—122.
49. Русские ведомости. 14.X.1886.
50. Справочная книга о лицах, получивших на 1885 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве. М. 1885, с. 223.
51. Русские ведомости. 13.X.1886.
52. Там же, 15.X.1886.
53. Цит. по: Русские ведомости. 16.X.1886.
54. Там же. 26.X.1886.
55. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 1, д. 1807, л. 21.
56. ПСЗ III, т. VIII, № 5185.
57. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 1, д. 1807, л. 42—43.
58. Там же, л. 130—131.
59. Там же, д. 139, л. 135, 139.
60. Там же, ф. 173, оп. 1, д. 5, л. 3—4.
61. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 1807, л. 146.
62. Там же, л. 145.
63. Московский листок. 3.XII.1893.
64. ОРЛОВ П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб. 1887, с. 366.
65. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 3, д. 231, л. 1—6. Формулярный список А.Г. Кольчугина.
66. КОЛЬЧУГИН А.Г. В царстве нефти. М. 1894, с. 7.
67. ЦГА г. Москвы, ф. 3, оп. 3, д. 81, л. 1—7. Формулярный список С.А. Булочкина.
68. Верхние торговые ряды в Москве. — Всемирная иллюстрация. 1894, т. 52, № 8, с. 157.
69. Здесь и далее подсчеты сделаны по спискам арендаторов и планам Рядов: Отчет правления Общества высочайше утвержденных Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве за 1902 год. М. 1902. Далее использованы списки арендаторов из Отчетов 1894, 1896, 1898, 1909 гг. и архивных дел: ЦГА г. Москвы, ф. 173 (Верхние торговые ряды), оп. 1, д. 23 (реестр арендаторов на 1893 г.); ф. 179, оп. 62, л. 1893.
70. Отчет правления Общества высочайше утвержденных Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве за 1894 год. М. 1894, с. 31.
71. Список акционеров Общества Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве. На 14 февраля 1904 года. М. 1904; Список акционеров Общества Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве. На 5 февраля 1914 года. М. 1914.

Еврейский вопрос в британском парламенте в 1900—1917 гг.

М.С. Шаповалов

Аннотация. В статье рассматривается еврейский вопрос и его эволюция в британском парламенте в 1900—1917 годах. Автором предложена реконструкция понимания еврейского вопроса британскими парламентариями. Особое место в работе уделено проблеме антисемитизма.

Ключевые слова: Великобритания, еврейский вопрос, еврейская эмиграция, Декларация Бальфура.

Abstract. The article deals with the Jewish question and its evolution in the British Parliament in 1900—1917. The author proposes the reconstruction of the Jewish understanding of the issue by the British parliament. The special place is given to the problem of anti-Semitism.

Key words: United Kingdom, Jewish question, Jewish emigration, the Balfour Declaration.

В начале XX в. перед английским обществом встал целый ряд казалось совершенно не свойственных ему проблем, одной из которых был еврейский вопрос. Основные дебаты развернулись в британском парламенте. В обстановке активизации дипломатической деятельности сионистских организаций, погромов в России, Румынии, Австрии, резкого увеличения численности еврейской иммиграции в Британию депутаты Палаты общин и Палаты лордов были вынуждены вырабатывать единую позицию Великобритании в отношении происходивших событий, не оттолкнув при этом от себя союзников в будущей Великой войне и не нажив новых врагов.

Необходимо определить, что собственно представляло собой обсуждение еврейского вопроса в британском парламенте — связывался ли он с сугубо внутренними проблемами Англии или же с внешней политикой империи. Предпринимались ли попытки использо-

---

Шаповалов Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Омского института водного транспорта (филиал) Новосибирской государственной академии водного транспорта. E-mail: shapovalov_ms@mail.ru.

Shapovalov Mikhail S. — Ph.D. (History), associate professor of Omsk institute of Water Transport. E-mail: shapovalov_ms@mail.ru.

вать еврейский вопрос в англо-русском соперничестве на Среднем Востоке (как к примеру это делали США), и насколько значимое место он занимал в британском парламенте в 1900—1917 годах.

Стенограммы британских парламентских дебатов, состоявшихся в Палате лордов (House of Lords) и в Палате общин (House of Commons) с 1900 по 1917 г., содержат законодательные акты, резолюции палат и выступления законодателей. Парламентские документы являются одним из древнейших и во многом главным источником по истории Британии, сведения, почерпнутые из них, считаются надежными официальными источниками. В 1895—1916 гг. в Британии успели смениться четыре состава парламента и четыре кабинета: консерваторы во главе с Маркизом Солсбери (1895—1902) и Артуром Бальфуrom (1902—1905), либералы во главе с Генри Кэмпбелл-Баннерманом (1905—1908) и Гербертом Асквитом (1908—1916).

Различные аспекты обсуждения еврейского вопроса в британском парламенте в 1900—1917 гг. нашли отражение в сорока пяти стенограммах. Из них положению евреев в России, в том числе еврейским погромам и паспортному вопросу, посвящены семь стенограмм, семнадцать стенограмм затрагивают проблему еврейских беженцев из России и их положения в Великобритании в 1916—1917 годах. Три стенограммы рассказывают о преследовании евреев в Румынии. Такое же число документов затрагивает судьбу палестинских евреев и положение евреев в Палестине. В пяти обсуждают африканский проект переселения евреев. И десять раскрывают разные аспекты положения евреев в Британии.

Впервые после долгого затишья еврейский вопрос в британском парламенте был поднят в 1900 году. Парламентарий из Крикланда был обеспокоен наплывом румынских беженцев в Англию и просил правительство предпринять меры воздействия на Румынию, чтобы остановить их поток, используя обязательства, исходившие из положений Берлинского трактата¹. Дело в том, что Берлинский договор 1878 г. предоставил Румынии независимость при условии равноправия всех ее граждан независимо от религиозных различий. На практике же это условие румыны обошли, заявив, что все евреи, хотя на них и распространяется воинская повинность и прочие обязанности граждан, являются чужими в стране, сколько бы поколений их предков ни жило в ней. В Румынии сохранялись особые законы относительно евреев, лишавшие их равных возможностей и даже позволявшие применять к ним в некоторых случаях физическое насилие². Одним из таких румынских законов стал новый закон о торговле 1902 г., ограничивший промышленные и торговые права евреев. Британские парламентарии были обеспокоены тем, что обедневшее и теряющее возможность заниматься торговлей еврейское население Румынии захлестнет рынок рабочей силы Англии. Реальность этой опасности усиливали ограничения, вводимые США на въезд в страну. Великобритания, а именно ее порт Ливерпуль, был перевалочным пунктом для искателей новой счастливой жизни за океаном. На практике же по разным причинам многие евреи оставались в Англии.

Поэтому уже в 1902 г. британский парламент снова вернулся к еврейскому вопросу. Депутат Палаты общин сэр Г. Винсент обратился с вопросом о том, что делает Министерство торговли и британское

консульство в Румынии, чтобы не допустить «исход бедных евреев в Лондон» и в целом их попадание в Великобританию. В ответ министр торговли Джеральд Бальфур заверил, что в 1900—1901 гг. только 1% эмигрантов не был впущен в Соединенные Штаты, из которых только 180 чел. являлись подданными Великобритании и вернулись обратно³.

В мае 1917 г. британские парламентарии еще раз поинтересуются судьбой румынских евреев в обстановке Великой войны⁴. Однако вопрос с румынскими евреями не получит дальнейшего обсуждения ни в Палате общин, ни в Палате лордов. Опасность переселения в Британию потенциальных 200 тыс. румынских евреев меркла по сравнению с набравшей обороты русской волной еврейских переселенцев, потенциал которых мог составить пугающие 5 млн человек. С 1894 по 1898 г. число нуждавшихся еврейских семей в России возросло на 27%, а в 1897 г. около половины евреев в черте оседлости были безработными⁵. Уже в мае 1906 г. один из заголовков парламентской стенограммы Палаты общин будет звучать не иначе как «Угроза вторжения русских евреев»⁶.

Еврейский вопрос в России впервые открыто обсуждался в парламенте лишь после еврейского погрома в Кишиневе в 1903 году. Первоначально запросы парламентариев носили справочный и уточняющий характер. Так, депутат Палаты общин Стюарт Сэмюэль из Уайтчепела (район Лондона) просил дать ему любую информацию относительно «резни евреев в Кишиневе»⁷.

Первое же серьезное обсуждение антисемитизма в России произошло в апреле 1906 г., когда члены Палаты лордов выступили с критикой происходивших в России событий. Поднял тему лидер оппозиции, либерал Уолтер Генри Джеймс (второй барон Нортборн). Он в ярких красках описал гонения на еврейский народ и подвел лордов к теме возможного воздействия и давления на Россию. Барон Нортборн отметил, что не ожидает, что Британия окажет прямое давление на русское правительство, тем более, что, если дипломатическое давление и будет пущено в ход, то оно может иметь противоположный эффект. При всей осторожности и витиеватости речи барон шаг за шагом подводил лордов к мысли, что, несмотря на очевидные риски, английское общество не должно оставаться в стороне от бесчинств в отношении евреев, и предлагал использовать недипломатические, косвенные, общественные методы воздействия на русское правительство⁸.

Однако данное предложение было воспринято скептически как представителями правительства, так и лордами палаты. Архиепископ Кентерберийский предостерег, что «любое высказывание [по этому вопросу] может нанести вред вместо пользы», и далее подчеркнул: «Я ничего не знаю об искусстве и обычаях в мире дипломатии, но думаю, что все очень сильно изменились с тех времен, когда голос одной страны мог грубо и откровенно критиковать внутренние дела другого государства»⁹.

Генри Чарльз Кейт Петти-Фицморис (пятый маркиз Лансдаун) добавил: «Общественное и дипломатическое вмешательство во внутренние дела иностранной державы не следует предпринимать по легкомыслию, и я думаю... что вмешательство в этой ситуации не должно быть предпринято, если мы не готовы доводить дело до конца»¹⁰.

Наконец, зам. министра иностранных дел подчеркнул: «Ситуация [с возможным давлением] полностью меняется, когда вы имеете дело с чрезвычайно деликатным вопросом отношения двух или нескольких великих держав Европы, в отношении вопросов, которые, строго говоря, имеют внутренний характер, и могут ограничить юрисдикцию собственного правительства в вопросе его власти над собственными подданными, что не дает никакого права для вмешательств другой державы»¹¹. Представитель МИД дал ясно понять присутствовавшим, что Россия «это не Османская империя и не Македония», поэтому еврейский вопрос не тот вопрос, из-за которого стоило бы обострять с ней отношения. Интересно, что 5 июля 1906 г. Стюарт Сэмюэль предложит отменить визит английских кораблей в Кронштадт в знак протеста против угнетения евреев в России. Его предложение также будет отклонено¹².

Разыграть карту паспортного вопроса британские парламентарии попробовали в 1909—1915 годах. Эта проблема заключалась в уголовном преследовании евреев, эмигрировавших за границу, согласно законам Российской империи, а именно ст. 188 «Уголовного уложения» 1903 г., ст. 325 «Уложения о наказаниях» 1909 г. и § 17 «Правил для деятельности в России учрежденного в Англии еврейского колониационного общества» 1892 года. К этой же категории относились евреи, занимавшиеся революционной деятельностью и вынужденные по этой причине скрываться от преследования за границей¹³. Таким образом, российские евреи, принявшие британское подданство, также подвергались уголовному преследованию в случае их возвращения в Россию.

Наиболее резонансным в этой связи было дело бывшего российского еврея, а в 1906 г. — корреспондента «Daily News» М.Дж. Ланды. Депутаты спрашивали, возможно ли просить у российского правительства сделать исключение из закона или даже подписать особое соглашение с Россией по паспортному вопросу в отношении журналистов. На что министр иностранных дел Великобритании Э. Грей заметил, что вряд ли Россия изменит свое законодательство ради одного британского еврея¹⁴.

С 1909 по 1915 г. британские парламентарии пять раз поднимали паспортный вопрос в парламенте и каждый раз получали один и то же ответ от представителей своего правительства: «Паспортный вопрос — это внутренний вопрос России»¹⁵. Лондон не пошел на использование паспортного вопроса в своих непростых отношениях с Петербургом в 1909—1915 гг., как и не пошел на это в 1881 г., когда об этом просили США¹⁶. Еврейский вопрос не был использован в качестве рычага давления на Россию и в целом не был разыгран в дипломатической борьбе двух держав. Напротив российские еврей-эмигранты во многом реанимировали еврейский вопрос в самой Британии.

С 1880 по 1914 г. еврейское население Туманного Альбиона увеличилось с 65 тыс. до 300 тыс. чел., большая часть из которых осела в Лондоне (150 тыс.), Манчестере (25 тыс.), Ливерпуле, Глазго, Лидсе¹⁷. В Великобритании окрепли старые и появились новые еврейские общины. Однако некоторая часть населения Британии не была довольна таким положением дел¹⁸.

Уже в 1902 г. в Королевской речи прозвучал призыв ограничить эмиграцию в страну¹⁹. А в 1905 г. благодаря агитации недовольных

начались дебаты по закону об иностранцах в Палате общин. Не вдаваясь в риторику обсуждения законопроекта, заметим, что основные доводы «за» и «против» ограничений были очевидны. Сторонники введения ограничений делали акцент на опасности усиления безработицы и повышении уровня преступности. Противники ограничений сосредоточились на доказательстве выгод, которые могут принести европеизированные, культурные евреи, первой из которых был рост экономики и торговли²⁰. В результате деятельности русских беженцев мог быть дан значительный толчок производству в стране дешевой одежды, обуви, мебели.

Однако голоса противников ограничений утонули среди высказываний сторонников жестких мер. Забегая вперед, скажем, что закон об иностранцах если не остановил, то все же уменьшил приток еврейских беженцев. Такие же условия были введены за пределами метрополии — в Австралии, Южной Африке и особенно в Канаде, где большое число евреев нашло себе новый дом и внесло свежую струю в жизнь старых еврейских общин этих стран²¹.

Одним из возможных ответов на усиливавшуюся русскую эмиграцию стали африканские планы переселения евреев. Еще в августе 1903 г. британское правительство сделало официальное предложение президенту Всемирной сионистской организации Т. Герцелю о выделении специально оговоренной территории для еврейского поселения в Восточной Африке. Британские парламентарии без особого интереса следили за реализацией этого плана в 1903—1905 годах²². Из пяти стенограмм, затрагивавших африканский проект, три датируются 1905 г., когда стали известны результаты работы сионистской комиссии на границе с Угандой. Большинством голосов комиссия пришла к выводу, что территория не пригодна для расселения евреев, что собственно и сняло африканский проект с повестки дня.

Первая мировая война и вслед за ней нараставшая нестабильность усилили поток еврейских беженцев из России. К 1917 г. в полиции Лондона состояла на учете 31 тыс. выходцев из Российской империи, а на территории Уэльса — 14 тыс. беженцев²³. Соответственно усилилась и степень актуальности еврейского вопроса в Британии. Не случайно, что именно на 1916—1917 гг. приходится 22 стенограммы с обсуждением еврейского вопроса против 23 стенограмм за 1900—1915 годы.

Прибывавшие новые беженцы подтверждали опасения скептиков и противников еврейской эмиграции в Британию — рост безработицы и криминала на улицах. Споры вызвал вопрос о призыве переселенцев в ряды британской армии и отправки их на фронт²⁴. Этот способ пополнить ряды вооруженных сил за счет прибывавшего населения вызвал серьезное сопротивление со стороны представителей британской еврейской диаспоры, раввины которой даже подготовили соответствующую петицию британскому правительству²⁵. Приток беженцев ухудшал отношение британцев к местным евреям. Депутат Палаты общин, либерал Генри Дэлзель интересовался, «правильно ли он понимает, что теперь тысячи молодых людей евреев [непризванных в армию] за исключением беженцев, гуляют по улицам в ночное время?»²⁶

В этой связи парламентарии искали всяческие способы уменьшить поток еврейских переселенцев. Рассматривались различные ва-

рианты их депортации как обратно в Россию²⁷, так и во Францию и Бельгию, через которую они прибыли²⁸. Показательным стал вопрос депутата Палаты общин Кинга, который спрашивал, «существует ли запрос российского правительства о возвращении евреев обратно в Россию»²⁹.

Рассматривался вопрос необходимости перенаправить волны переселенцев в США³⁰. В июле 1916 г. тот же депутат Кинг озадачил министра иностранных дел вопросом о том, знает ли он, что французское правительство выразило свою готовность разрешить российским беженцем во Франции эмигрировать в Америку, и даст ли он аналогичное разрешение для российских переселенцев в Великобритании³¹.

Вопрос об эмиграции русских евреев для британских парламентариев оставался доминирующим при обсуждении любых проблем, связанных с положением евреев в Великобритании. С 1900 до 1917 г. парламентарии всего дважды обращались к собственно британским сюжетам.

Первый касался инцидента в городе Лимерик на западном побережье Ирландии. Депутат Палаты общин от Белфаста Слоан поднял тему притеснения евреев местными жителями, которое заключалось в отказе владельцев местных лавочек и магазинов продавать свои товары евреям. В ходе разбирательства в парламенте депутат от Лимерика Джойс прояснил ситуацию, рассказав, что местные еврей-ростовщики установили процент ссуды на уровне 200—300%, что возмутило местное население и заставило их принять ответные меры в виде бойкота³². Конфликт в Лимерике длился на протяжении 1904—1905 годов. Несмотря на попытки полиции наладить снабжение еврейской общины, ситуация не улучшилась³³. В результате к маю 1905 г. 37 еврейских семей покинули город, а из оставшихся около четверти находились в плачевном финансовом положении³⁴.

Второй сюжет был связан с единственными известными еврейскими погромами в Великобритании, которые начались 18 августа 1911 г. в горняцком городе Тредегар в Южном Уэльсе, где среди двадцатитысячного населения проживали тридцать еврейских семей. При этом семнадцать семей владели магазинами, одна занималась производством минеральной воды, в трех торговали вразнос, а еще один еврей был раввином. Лишь одна еврейская семья владела доходным домом, помещения в котором сдавались внаем. Но по городу прошел слух о том, что будто бы домовладельцы-евреи изгоняют те семьи горняков, которые не могут вовремя оплатить свои расходы, а сами при этом постоянно повышают квартплату. Этот слух быстро распространился среди шахтеров, и в течение трех дней на евреев Тредегара, их дома и лавки совершались нападения. Постепенно погромы распространились от Тредегара до Эббоу-Уэйл и далее — в небольшие города и поселки³⁵. Благодаря вмешательству полиции и армии беспорядки были быстро подавлены, и обошлись без человеческих жертв.

События в Южном Уэльсе, несмотря на их очевидный резонанс, были упомянуты в Палате общин лишь один раз — в октябре 1911 г. ирландский пэр Эдуард Тернур (пятый граф Уинтертон) поинтересовался «каковы причины нападения на членов еврейской общины в некоторых валлийских городах, по мнению местной полиции». На

это британский банкир и либерал, первый лорд Адмиралтейства Реджинальд МакКенна заметил, что главной причиной нападений стала непопулярность некоторых евреев, которая породила неприязнь ко всей еврейской общине и даже к некоторым неевреям ³⁶.

Стенограммы парламентских дебатов позволяют выделить несколько важных тенденций относительно еврейского вопроса в 1900—1917 годах.

Во-первых, социальная эмансипация и ассимиляция евреев в Великобритании была практически полной. Фактически евреи могли раствориться среди британцев, что зачастую и делали. Однако под воздействием эмиграции русских беженцев еврейский вопрос вновь поставил на повестку дня проблему самоидентификации, в том числе и еврейской эмансипированной элиты. Показательным в этой связи является и присутствие евреев в самом британском парламенте. Начиная с барона Лионеля де Ротшильда, евреи всегда имели в парламенте своих представителей. В 1858—1887 гг. в английском парламенте одновременно насчитывалось 9 евреев ³⁷. В парламентах 1900—1917 гг. их точную численность определить достаточно сложно, с уверенностью мы можем говорить лишь о четырех представителях: братья Герберт и Стюарт Сэмюэль, барон Нортборн и Гарри Лоусон (первый виконт Бурхам). При этом барон Нортборн и Гарри Лоусон самоидентифицировали себя с еврейским народом в процессе обсуждения еврейского вопроса в парламенте. Так, барон заявил: «Насколько я знаю, я тоже еврей» ³⁸.

При этом выделились депутаты и представители британских правящих кругов, напротив предпочитавшие скрывать свое происхождение и даже разорвать все связи с еврейской диаспорой. Они считали, что новая волна эмигрантов ставит под угрозу весь еврейский мир, создававшийся веками. В 1890 г. евреи в Британии, казалось, сравнялись в правах с британцами, но поток русских беженцев уже в 1902 г. поставил вопрос о новых ограничениях для эмигрантов.

К противникам актуализации еврейского вопроса относились известные британские евреи Люсье Вольф и Клод Моинтефиоре ³⁹. В будущем министр по делам Индии лорд Эдвин Монтэгю, выступая против поддержки еврейского очага в Палестине, заявил, что он вслед за незначительным меньшинством английских евреев считает еврейство религиозной общиной, а себя — англичанином еврейского происхождения ⁴⁰.

Интересен и тот факт, что главный еврей британского парламента и единственный будущий еврей в правительстве Д. Ллойд Джорджа Г. Сэмюэль в своих мемуарах, рассказывая о годах работы в парламенте, даже не упоминает о дебатах вокруг еврейского вопроса ⁴¹.

Во-вторых, вокруг обсуждения еврейского вопроса в Британии выросла группа британских политиков, прочно связанных с еврейским миром и получивших опыт нахождения с ними общего языка. Многие из этих политиков были фактически обязаны еврейским избирателям своей карьерой. К ним, прежде всего, относились депутаты от Манчестера, где была высока доля еврейского населения, А. Бальфур, У. Черчилль, Д. Ллойд Джордж.

Черчилль, нуждаясь в приобретении нового, либерально настроенного электората, принял предложение баллотироваться от северо-западного округа Манчестера, где треть избирателей составляли евреи. А одним из главных сторонников Черчилля в манчестерском

отделении либеральной партии был Натан Ласки, президент Старой еврейской конгрегации Манчестера и руководитель еврейской больницы Манчестера ⁴². Дэвид Ллойд-Джордж, возглавляя юридическую фирму «Ллойд-Джордж. Робертс и Ко», будет одним из тех, кто разработает формулу чартера в африканском плане Уганды ⁴³. Будет баллотироваться от Манчестера и активно обсуждать еврейский вопрос в парламенте и Уильям Роберт Пиль, план которого в 1937 г. предложит разделить мандатную Палестину на части.

Фактически к 1917 г. можно говорить о складывании еврейского лобби в британском парламенте и британских правящих кругах. Но это лобби было незначительным, состояло практически исключительно из либералов, которые фактически единственные поднимали снова и снова еврейский вопрос.

В-третьих, во внешней политике еврейский вопрос не использовался британцами ни при соперничестве с Россией на Среднем Востоке, ни при реализации планов усиления своего влияния в Африке. Последнее представлялось ими скорее как авантюра.

Еврейский вопрос для британцев рассматривался исключительно как вопрос внутренний, и события, связанные с ним, анализировались с точки зрения возможности увеличения потока евреев-беженцев. Соответственно поиск путей создания национального очага для еврейского народа был не чем иным как способом перенаправить этот поток беженцев на другую территорию, будь то Африка, Америка или Палестина.

С 1900 по 1917 г. сообщения о палестинских евреях промелькнули в стенограммах парламента три раза. В июне 1916 г. депутат Кинг поинтересовался об участии палестинского сионистского батальона в Египте в боевых действиях против турок ⁴⁴. 14 мая 1917 г. депутаты были обеспокоены слухами о возможности организации резни палестинских евреев турецким правительством ⁴⁵. А за пять дней до этого, 9 мая 1917 г., И. Веджвуд задал вопрос представителю правительства: «Были ли даны какие-либо обещания Франции или Италии, которые могли бы помешать созданию независимой еврейской Палестины под американским или британским покровительством?». На это министр блокады лорд Роберт Сесил невозмутимо ответил: «Боюсь, что я не могу ответить на вопросы о каких-либо обязательствах, которые могут или не могут быть даны союзникам об условиях мира» ⁴⁶.

Создание еврейского национального очага в Палестине больше в парламенте в 1917 г. не обсуждалось, как и не обсуждался текст Декларации Бальфура. Однако общая логика развития событий, связанная с увеличением потока еврейских переселенцев, толкала британских парламентариев, а вслед за ними и английское правительство, задуматься об организации такого очага. Какие бы не были внешнеполитические причины написания письма Бальфура Ротшильду, они меркли по сравнению с причинами внутренними. Можно с уверенностью говорить о том, что Декларация Бальфура и обещание создания еврейского очага в Палестине главной своей целью имело избавление Британии от нового потока еврейских переселенцев.

К 1917 г. у британцев уже было проеврейское лобби, был опыт обсуждения и решения еврейского вопроса, а главное была проблема беженцев, которую надо было решать, поскольку евреи не поехали, а побежали от революции, гражданской войны и большевиков.

Примечания

Статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ по программе поддержки молодых ученых 2013—2014 гг. № 13-31-01256 «Палестинский фактор внешней политики Британии в первой трети XX в.»

1. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. 1900. 30.VII.1900, col. 25—26.
2. POT С. История евреев с древнейших времен по Шестидневную войну. Иерусалим. 1967, с. 340.
3. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. House of Lords. Fourth series. Session 1902, vol. 109 (9 June 1902), col. 96.
4. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. 22.V.1917. L. 1917, col. 2086.
5. Электронная еврейская энциклопедия <http://www.eleven.co.il/article/15442>.
6. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. 1906, vol. 157 (17 May 1906), col. 648.
7. Parliamentary Debates. House of Commons. House of Lords. Fourth series. Session 1903, vol. 122 (19 May 1903), col. 1093.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. 1906, vol. 155 (3 April 1906), col. 309—310.
9. Ibid., col. 313.
10. Ibid., col. 315.
11. Ibid., col. 311.
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. House of Lords. Fourth series. Session 1905, vol. 160 (5 July 1906), col. 301.
13. ЭНЕГЕЛЬ В.В. Еврейский вопрос в русско-американских отношениях (на примере «паспортного вопроса» 1864—1913). М. 1998, с.44.
14. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. 1909, vol. 13 (25 November 1909), col. 349—350.
15. Ibid., col. 349—350; 1912, vol. 42 (17 October 1912), col. 1389; 1913, vol. 46 (7 January 1913), col. 975; 1913, vol. 48 (13 February 1913), col. 1153; 1915, vol. 69 (11 February 1915), col. 690—691.
16. ЭНЕГЕЛЬ В.В. Ук. соч.
17. Великобритания. Электронная еврейская энциклопедия <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=10872&query=%C2%C5%CB%C8%CA%CE%C1%D0%C8%D2%C0%CD%C8%DF>.
18. POT С. Ук. соч., с. 343.
19. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. House of Lords. Fourth series. Session 1902, vol. 101 (29 January 1902), col. 1276.
20. Ibid. Session 1905, vol. 145 (2 May 1905), col. 687—1062.
21. POT С. Ук. соч., с. 344.
22. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. House of Lords. Fourth series. Session 1903, vol. 119 (6 March 1903), col. 1; Session 1905, vol. 143 (28 March 1905), col. 1373; Session 1905, vol. 144 (4 April 1905), col. 310.
23. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. 16.VIII.1917. L. 1917, col. 1409.
24. Ibid. 13.VII.1916. L. 1916, col. 504; 2.VIII.1916. L. 1916, col. 306; 9.VIII.1916. L. 1916, col. 1026.
25. Ibid. 8.VIII.1916. L. 1916, col. 842; 16.VIII.1916. L. 1916, col. 1848; 19.III.1917. L. 1917, col. 1530.
26. Ibid. 26.X.1916. L. 1917, col. 1108.
27. Ibid. 22.XII.1916. L. 1916, col. 1812.
28. Ibid. 17.VIII.1916. L. 1916, col. 2052; 15.VIII.1917. L. 1917, col. 1176.
29. Ibid. 18.XII.1916. L. 1916, col. 1112.
30. Ibid. 8.VIII.1916. L. 1916, col. 838.
31. Ibid. 11.VII.1916. L. 1916, col. 174.

32. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. House of Lords. Fourth series. Session 1904, vol. 133 (14 April 1904). col. 202—203.
33. Ibid., vol. 133 (26 April 1904), col. 1186—1187.
34. Ibid., vol. 148 (4 July 1905), col. 984—985.
35. ГИЛБЕРТ М. Черчилль и евреи. М. Иерусалим. 2010, с.35—36.
36. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. 1911, vol. 30 (26 October 1911), col. 289.
37. CLARK M. Jewish identity in British politics: the case of the first Jewish MPs, 1858—1887. — Jewish Social Studies: History, Culture, Society n.s., 13 (Winter 2007), p. 124.
38. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords. 1906, vol. 155 (3 April 1906), col. 310.
39. МАОР И. Сионистское движение в России. Иерусалим. 1977, с. 340.
40. ЛЛОЙД ДЖОРДЖ Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. М. 1957, с. 297.
41. SAMUEL G. Memoirs. L. 1945, p. 22—138.
42. ГИЛБЕРТ М. Ук. соч., с. 20.
43. МАОР И. Ук. соч., с. 166.
44. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. 11.VII.1916. L. 1916, col. 174.
45. Ibid. 14.V.1917. L. 1917, col. 1330.
46. Ibid. 9.V.1917. L. 1917, col. 1040.

Административная система Русской Финляндии в 1760—1810-е гг.

К.Б. Назаренко

Аннотация. В результате Северной войны (1700—1721) и Русско-шведской войны 1741—1743 гг. в состав России вошла территория Выборгской губернии. Специфика ее положения заключалась в том, что на этой территории продолжали действовать шведские гражданские законы и шведские государственные учреждения. В ходе губернской реформы Екатерины II в Выборгской губернии ее государственный аппарат был полностью унифицирован с российским. В 1797 г. Павел I приказал восстановить прежние шведские учреждения на территории губернии. В 1812 г. губерния была передана в состав великого княжества Финляндского. На основании анализа содержания справочных изданий о местном чиновничестве (Адрес-календари и Месяцесловы) за 1765—1813 гг. в статье анализируется его состав и положение. Эти источники позволяют оценить численность, национальный состав чиновничества, степень его инкорпорированности в общеимперский государственный аппарат, процент чиновников, имевших чины и ордена.

Ключевые слова: чиновничество, Выборгская губерния, губернская реформа Екатерины II, Финляндия, Россия.

Abstract. As a result of the Northern War (1700-1721) and the Russian-Swedish War (1741—1743) territory of Russia included Vyborg province. The specifics of this situation was the fact that in this area Swedish civil laws and Swedish government offices continued to operate. As a result of the provincial reform of Catherine II in Vyborg province its state apparatus was fully unified with Russian. In 1797 Paul I ordered to reestablish old Swedish institutions on the territory of the province. In 1812 province was transferred to the Grand Duchy of Finland. The analysis of the content of reference books about the local bureaucracy (Adress-calendars and Menologies) for the 1765-1813 helps to analyze its composition and position. These sources make it possible to estimate the number, the national composition of the bureaucracy, its degree of incorporation into the Russian state apparatus, the percentage of officials who had ranks and decorations.

Key words: bureaucracy, Vyborg province, provincial reform of Catherine II, Finland, Russia.

В годы Северной войны произошло фактическое присоединение земель Карельского перешейка к России, что было окончательно закреплено Ништадтским мирным договором 1721 года.

Назаренко Кирилл Борисович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: k.nazarenko@spbu.ru.

Nazarenko Kirill B. — doctor of History, professor, Department of source study on history of Russia, St. Petersburg State University. E-mail: k.nazarenko@spbu.ru.

С 1719 г. шведские Выборгский и Кексгольмский лены были включены в состав Санкт-Петербургской губернии и находились под управлением выборгского обер-коменданта, составив Выборгскую провинцию из Выборгского, Кексгольмского и Нейшлотского уездов ¹. По Ништадтского мирному договору часть Нейшлотского уезда была возвращена Швеции, и в Выборгской провинции осталось два уезда — Выборгский и Кексгольмский. Напомним, что власть генерал-губернатора Санкт-Петербургской губернии распространялась лишь на собственно столицу, Кронштадт и Шлиссельбургский уезд, а прочие уезды губернии находились в прямом подчинении центру. В частности, Выборгская провинция подчинялась по исполнительной части — Сенату, по хозяйственной — Камер-конторе лифляндских, эстляндских и финляндских дел ². При сдаче Выборга русским войскам в 1710 г. Пётр Великий объявил о том, что законы, действующие в самом городе и на территории, к нему прилегающей, не будут изменены, а все привилегии жителей останутся в силе. Это обещание привело к тому, что система административно-территориального деления и местного управления Выборгской губернии отличалась сложностью, поскольку сочетала черты шведской и русской административно-территориальной систем.

После Русско-шведской войны 1741—1743 гг. по Абоскому мирному договору к России отошел ряд территорий (ныне входящих в состав Финляндии) с городами Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот. В январе 1744 г. была образована новая Выборгская губерния, состоявшая из трех провинций — Выборгской, Кексгольмской и Кюменегородской. В первые две были преобразованы Выборгский и Кексгольмский уезды, а во вторую объединены вновь завоеванные территории ³.

В этих провинциях действовали старые шведские законы, однако в двух разных редакциях. В Выборгской провинции применялось законодательство, существовавшее в Швеции на начало XVIII в., которое было представлено, прежде всего, «Процессным уставом» 1695 г., который русские чиновники называли «древним шведским уставом». Это был свод законов, впервые созданный еще в 1442 г., а в 1608 г. кодифицированный. В 1695 г. этот свод законов был переиздан и дополнен. В Кюменегородской провинции действовало законодательство, прошедшее серьезный пересмотр в 1734 г., при шведском короле Фредрике I Гессенском (1720—1751), так называемый «Фридрицианский кодекс» или «Общее уложение 1734 г.» («Sveriges rikes lag»). Заметим, что кодекс 1734 г. до сего дня считается основой права Швеции и Финляндии и продолжает действовать в той части, которая не отменена позднейшими законами.

Смешение шведских и русских управленческих традиций привело к созданию сложной и запутанной системы административных и судебных органов, в которых было непросто разобраться из столицы империи.

В 60-е гг. XVIII в. Выборгская губерния делилась на три провинции: Выборгскую, Кексгольмскую и Кюменегородскую. При этом две провинции — Выборгская и Кексгольмская — были соединены под управлением одного статгальтера. Поэтому и провинциальных канцелярий было две, по одной при каждом статгальтере. Провинциальные канцелярии отвечали за земскую полицию, «экзекуционные

дела», сбор податей, денежные отпуска, наблюдение за казенными селениями и лесами, решение споров о землях и границах коронных гейматов. Гейматом называлась единица землевладения и налогового учета в Швеции XVII—XIX вв., которая формально представляла собой казенный земельный участок, отданный в бессрочную или срочную аренду лицу, которое его обрабатывает и уплачивает казне оброк. Пользователь не имел права распоряжаться коронным гейматом, но, как правило, он переходил по наследству в семье пользователя.

Как отмечал современный исследователь, «в Выборге судебные дела решались сразу в двух учреждениях — магистрате и имперском суде, в Фридрихсгаме — в магистрате, а в Вильманстранде в так называемом кемнерском суде, апелляционной инстанцией которого был фридрихсгамский магистрат». При этом уездный суд решал как гражданские, так и уголовные дела, а губернский (лагманский) суд — лишь гражданские. Апелляции на решения уездного суда могли подаваться в лагманский суд, а на решения последнего — в Юстиц-коллегию⁴.

Статгальтерам в каждой из провинций подчинялись земские комиссары, а также рентмейстеры и провиантмейстеры (эти должности были совмещенными). Функции земских комиссаров соответствовали функциям нижних земских судов (учрежденных Екатериной II позднее), а кроме того они собирали подати и славали их в рентереи (казначейства). В этой последней функции им способствовали городские или уездные писари, приданные земским комиссарам «яко контролеры». Рентерей в губернии было три — в Выборге, Кексгольме и Вильманстранде, причем первые две из них находились «под надзором» Выборгской провинциальной канцелярии, а вильманстрандская — Кюменегородской провинциальной канцелярии. В провинциальных канцеляриях существовала должность камерира, который непосредственно надзирал за рентереями. На решения провинциальных канцелярий по вопросам земской полиции, «экзекуции» и коронных гейматов можно было апеллировать в губернскую канцелярию.

Уезды как таковые в Выборгской губернии отсутствовали, зато имелись четыре «юрисдикции» — судебных округа, два из которых совпадали с провинциями (Выборгская и Кексгольмская), а еще две располагались на территории Кюменегородской провинции (собственно Кюменегородская и Нейшлотская). Отсутствие уездов не должно удивлять в силу небольших (по российским меркам) размеров губернии. Впоследствии, когда уезды в губернии появились, бывшая Выборгская провинция стала одним уездом, Кексгольмская провинция была разделена на два уезда, а Кюменегородская — на три уезда. Таким образом, провинции были не намного больше обычных российских уездов.

Низшей административно-территориальной единицей был кирхшпиль — церковный приход, что было также унаследовано от шведских времен, тогда как в России роль низшей административно-территориальной единицы играло поместье или волость (у черносошных крестьян).

В 1783—1784 гг. происходила коренная реорганизация системы управления губернии. Она приводилась в соответствие с «Положением об управлении губерний Всероссийской империи».

Проводилось четкое деление на уезды, каждый из которых теперь имел типовой административный аппарат: уездное казначейство, нижний земский суд, нижняя расправа, уездные стряпчий, землемер и доктор. После учреждения наместничества наместническому правлению перешли: дела земской полиции и «экзекуционные», тяжбы о коронных гейматах — в Нижние расправы, а «камерные» (финансовые) дела — в Казенную палату.

Уездами наместничества являлись Выборгский, Кексгольмский южный (собственно Кексгольмский) и Кексгольмский северный (впоследствии переименованный в Сердобольский). Фридрихсгамский, Вильманstrandский и Нейшлотский

В губернии появились такие органы как Наместническое правление, палаты Уголовного суда, Гражданского суда и Казенная, Состный суд, Верхний земский суд, Губернский магистрат, Верхняя расправа, Приказ общественного призрения, губернский прокурор.

Одним из признаков унификации системы управления Выборгской губернии и остальной территории империи стало введение губернского мундира. Его должны были носить все чиновники, служившие в губернии. Могли его надевать и местные дворяне, если они не имели права на другой мундир.

В 1784 г. губернский мундир выглядел так: светлосиний кафтан с черным бархатным воротником, разрезные обшлага с двумя пуговицами, косые карманы. Пуговицы по обоим бортам позолоченные, поставленные гнездами, подбой кафтана, камзол и штаны палевые (светло-желтые) ⁵. Спустя 10 лет мундир оставался примерно таким же, было уточнено, что пуговиц на борту мундира должно быть восемь ⁶.

В 1797 г. новый император Павел I приказал восстановить те учреждения Выборгской губернии, которые существовали там до открытия наместничества. Это решение было частью политики Павла по частичному восстановлению автономии некоторых регионов Российской империи (прежде всего, литовско-белорусских и прибалтийских земель) с целью сделать местное дворянство своей более надежной опорой. Однако полного восстановления прежних учреждений в Выборгской губернии не произошло, а возникла новая структура управления, сочетавшая традиционные черты и элементы, привнесенные во время губернской реформы Екатерины II.

Наместничество было переименовано в губернию. Было восстановлено деление губернии на две провинции — Выборгско-Кексгольмскую и Кюменегородскую. Как и раньше, первая из них состояла из Выборгского, Южно-Кексгольмского (с центром в Кексгольме) и Северо-Кексгольмского (с центром в Сердоболе), а вторая — из Лапвесиского (в него вошла большая часть бывшего Вильманstrandского уезда), Кимменского (бывший Фридрихсгамский) и Якисского (бывший Нейшлотский) уездов. При этом Лапвесиский и Кимменский уезды были объединены единым герадским судом. Созданные Екатериной органы губернского управления упразднились, за исключением Казенной палаты и должности губернского прокурора. Вместе с тем, на губернию были распространены рекрутские наборы ⁷.

После вступления на престол Александра I губерния была переименована в Финляндскую ⁸. В целом, система управления ею, сложившаяся при Павле I, сохранилась и при новом императоре. Особая

комиссия под председательством сенатора И.А. Тейльса действовала до начала 1808 г. и разработала новую систему управления Русской Финляндией, но она не была реализована, поскольку после русско-шведской войны 1808—1809 гг. вся Финляндия была присоединена к России. В декабре 1811 г. Выборгская губерния присоединялась к Великому княжеству Финляндскому. В административном аппарате губернии вновь произошли значительные изменения. Из состава Выборгской губернии была выделена Кюменегородская. В обеих губерниях были введены те учреждения, которые существовали в остальной Финляндии.

Административные перемены интересно наполнить «человеческим фактором» — проанализировать состав чиновничества Выборгской губернии. Эта задача может быть решена на базе источников по истории личного состава администрации губернии — прежде всего, послужных списков. Первый подход к ее решению возможен на основе широко известного источника — «Адрес-календаря Российского...» на 1765 и 1766 гг. и «Месяцеслова с росписью чиновных особ...» на 1772—1773, 1775, 1777—1796 и 1802—1813 годы⁹.

Нами была создана реляционная база данных, содержащая свыше 700 записей. Каждая запись включает данные о должности, лице, занимавшем эту должность и годах, когда данное лицо отмечено, как занимавшее данную должность в «Месяцесловах...». В базу включены данные примерно 420 человек. Приблизительность цифры в данном случае связана с тем, что не всегда возможно точно установить идентичность двух лиц, занимавших разные должности в разное время, особенно учитывая, что не для всех были указаны отчества, а также вариативность написания фамилий и наличие случаев русификации имен и отчеств и изменения отчества. Последнее было связано с тем, что чиновники нерусского происхождения могли обращаться со своим отчеством достаточно вольно. Например, нейшлотский бургомистр в 1812—1813 гг. Баумгартен именуется то Фридрихом, то Иваном Фёдоровичем, земский комиссар Южно-Кексгольмского уезда в 1809 и 1812 гг. Андрей Руйн обозначен то как Иванович, то как Антипович. Варианты написания фамилий были многочисленны: Яныш — Яниш, Масалин — Маслен — Масален, Эрн — Эерн, Элефант — Елефант, Эвропеус — Европеус — Эвропиус, Прикциус — Фрикциус, Стральман — Стролман — Стралман, Сатлер — Затлер, Росениус — Розениус — Розиниус, Пахален — Пахалин — Пакален, Моллерус — Мольерус — Мольерус, Линбоум — Линбом — Лимбоум — Лимбом. и т.д.

Известную роль играло стремление нерусских по происхождению чиновников русифицировать свое имя. Так ратман Выборгского магистрата (1775—1780) Иоганн-Фридрих Лаубе писался Иоганном Лаубе занимая должность стряпчего уголовных дел Выборгского губернского магистрата (1785—1791), и, наконец, стал Иваном Юрьевичем Лаубе в должности секретаря Фридрихсгамского нижнего земского суда (1792—1796). После передачи губернии Великому княжеству Финляндскому начался процесс дерусификации. Так Фёдор Андреевич Дрейер, занимавший в 1802—1808 гг. должность земского исправника (земского комиссара) Южно-Кексгольмского уезда, значится Фридрихом Дрейером в 1813 г. в должности Кексгольмского бургомистра.

Следует отметить, что «Адрес-календарь» и «Месяцеслов» составлялись не по единому формуляру. Часто должности, присутствовавшие в одном выпуске издания, опускались в другом и вновь упоминались в третьем. Это может привести к неверному выводу об учреждении или отмене той или иной должности, тогда как она была всего лишь пропущена или впервые упомянута в данном издании. Например, должности уездных докторов упомянуты только в «Месяцеслове» на 1785 г., тогда как должность губернского архитектора появляется в 1785 г. и ежегодно упоминается до 1812 года.

В «Адрес-календаре» и «Месяцеслове» встречались опечатки (особенно в фамилиях) и ошибки — в частности, в чинах чиновников.

«Адрес-календарь» и «Месяцеслов» отражают номенклатуру административных должностей губернии и, в определенной степени, численность ее чиновничества. Так в 1766—1782 гг. число выборгских чиновников, данные о которых попали в «Адрес-календарь» и «Месяцеслов», колеблется от 18 до 51, составляя в среднем 45 человек. В 1785—1796 гг. численность чиновников резко повышается и колеблется от 133 до 152, в среднем 137. В 1802—1812 гг. численность чиновников уменьшается и колеблется от 61 до 88, в среднем 78. После передачи губернии в состав великого княжества Финляндского, «Месяцеслов» за 1813 г. фиксирует 22 чиновника в Выборгской и выделенной из нее Кюменегородской губерниях. Повторимся, что это грубый метод оценки, но он позволяет сделать вывод о резком увеличении численности провинциальной бюрократии в результате губернской реформы Екатерины II и о некотором ее сокращении в Выборгской губернии в результате ликвидации Павлом I большей части местных учреждений, созданных его матерью. Можно предположить, что новое сокращение чиновничьего аппарата губернии последовало после ее передачи в состав Финляндии.

В определенной степени можно проанализировать национальный состав администрации Выборгской губернии, отталкиваясь от звучания фамилий. Мы сознаем, насколько этот принцип может быть несовершенен, тем не менее, он позволяет наметить определенную тенденцию. До 1785 г. в администрации губернии практически не встречались русские фамилии, исключение составляли лишь губернатор (1762—1766) генерал-поручик А.С. Исаков и протопоп Рождественского собора (1772—1780) в Выборге И. Лукин. Начиная с 1785 г. количество русских фамилий в администрации резко возрастает.

Личный состав губернской администрации отличался стабильностью — он практически не менялся в 1765—1782 гг., что хорошо видно по месяцесловам. Так, например, на посту губернаментс-рата (советника губернатора) за 1765—1782 гг. сменилось всего два человека, на посту статгальтера Выборгской и Кексгольмской провинций — два человека, на посту пограничного комиссара весь период пробыл один чиновник и т.д.

В связи с губернской реформой, проведенной в Выборгской губернии в 1784 г., радикальных изменений личного состава чиновников не произошло. Из 43 чиновников, числившихся по губернии по «Месяцеслову» за 1782 г., в 1785 г. значатся 35, из которых 9 сохранили прежние должности, а 26 получили новые. При этом они получают новые должности в тех же городах, где служили и раньше, — в

губернской администрации или в своих уездах. Следует иметь в виду, что Северо-Кексгольмский уезд был переименован в Сердобольский, а Южно-Кексгольмский — в Кексгольмский и что органы управления Выборгской и Кексгольмской провинцией, а также Выборгским уездом располагались в Выборге. Заметно лишь сокращение должностей в Выборгской и Фридрихсгамской лютеранских консисториях — там из 12 чиновников осталось 8.

В середине 80-х гг. XVIII в. в губернию направлялись опытные чиновники из других регионов. Одним из них был И.П. Пырской. Учитывая, что он появился в губернии в чине надворного советника, это был чиновник со стажем. В губернии он дослужился до действительного статского советника (1805 г.) и получил орден Св. Владимира 4-ой степени (1808 г.). Последнее событие может указывать на начало службы Пырского около 1773 г., поскольку гражданские чиновники награждались этим орденом за 35 лет выслуги.

После обновления личного состава губернской администрации между 1783 и 1785 гг., он вновь стабилизировался. Рекордсменами по длительности пребывания на одном и том же посту являлись И.И. Грен и Пырской. Советник губернского (наместнического) правления Иван Иванович Грен, отмечен как занимающий эту должность с 1785 по 1812 г. (27 лет). В те же годы являлся председателем 2-го департамента Верхнего земского суда, а затем губернского лагмана Иван Прохорович Пырской. Служебный путь Пырского показывает, что упразднение некоторых учреждений при Павле I было скорее формальным актом, поскольку Пырской занимал одну из главных судебных должностей губернии как во время действия «Учреждения об управлении губерний...», так и после того, как его действие было частично отменено для Выборгской губернии. Немногим меньше занимал должность губернского архитектора Иван (Иоганн) Федорович Брокман — он значился в ней с 1787, по меньшей мере, до 1812 г. (25 лет).

После передачи Выборгской губернии в состав великого княжества Финляндского в 1812 г. произошла радикальная смена личного состава выборгского чиновничества. Свои посты сохранили лишь три чиновника, из отмеченных в «Месяцесловах» — нейшлотский бургомистр Ф.И. Баумгартен, сердобольский бургомистр П.П. Симберг и герадсгевдинг Кексгольмского уезда (юрисдикции) И.А. Гренквист. Выходцем из русского государственного аппарата был также Ф.А. Дрейер, занимавший в 1802—1808 гг. должность земского исправника (земского комиссара) Южно-Кексгольмского уезда и ставший в 1813 г. Кексгольмским бургомистром. Новое «лицо» выборгского чиновничества было, в основном, шведским. Характерно, что все четыре оставшихся на своих постах чиновника служили в восточной, наиболее русифицированной, части Выборгской губернии.

До губернской реформы Екатерины II степень инкорпорированности чиновников губернии в общероссийский чиновничий аппарат была слабой — всего 18% чиновников имели чины. В течение 1784—1787 гг. их количество резко увеличилось, достигнув 75%, а к 1796 г. — 88. После передачи Выборгской губернии в состав Финляндии связи местного чиновничества с общероссийским резко сократились, процент имевших русские чины упал до 36.

Примерно ту же картину позволяет нарисовать анализ количества чиновников, награжденных орденами. После губернской реформы процент награжденных русскими орденами значительно возрастает, а затем остается стабильным. В 1813 г. отмечено три чиновника, награжденных шведским орденом Меча, то есть выходцев из шведского государственного аппарата — майор К. Гриппенберг, назначенный рентмейстером, и К. Стиернваль, ставший ландгевдингом Выборгской губернии. Третий — Ф. Егерхорн — был назначен ландгевдингом Кюменегородской губернии, выделенной из Выборгской. В то же время три чиновника были кавалерами русских орденов — Егерхорн был награжден орденом Св. Анны 1-ой степени, герадсгевдинг Выборгской юрисдикции П. Крускоп и камерир Кюменегородской губернии К. Гиллинг — орденами Св. Владимира 4-ой степени. Вероятно, все три награждения русскими орденами были связаны не с длительной службой России, а с попытками Александра I привлечь к себе шведское дворянство Финляндии, поскольку Крускоп имел чин всего лишь титулярного советника, а Гиллинг вообще не имел чина.

Следует отметить, что высшие должности в губернии до 1813 г. всегда занимали представители столичного чиновничества, не связанные с местным дворянством, а напротив, связанные с высшей бюрократией и двором. Для Николая Николаевича Энгельгардта пост Выборгского губернатора (1766—1778), также как и производство из капитанов гвардии в бригадиры, а затем в генерал-майоры и генерал-поручики, было наградой за активное участие в перевороте, поставившем Екатерину II на престол. В 1782—1787 гг. Выборгской губернией управлял принц Карл-Фридрих-Вильгельм Вюртемберг-Штутгартский, будущий первый король Вюртемберга, брат жены цесаревича Павла Петровича Марии Фёдоровны. Во время русско-шведской войны пост главнокомандующего губернией занимал генерал-аншеф, граф Яков Александрович Брюс, член Совета ее императорского величества, генерал-адъютант, подполковник лейб-гвардии Семёновского полка, кавалер многих орденов. В первые годы XIX в. губернаторами были полные генералы и кавалеры многих орденов: Михаил Илларионович Кутузов, барон Казимир Иванович Мейендорф и Александр Васильевич Обресков.

Служебная деятельность чиновников среднего и низшего звена протекала в основном на территории Выборгской губернии. Например, Яков Иванович (Яковлевич) Европеус прослужил в губернии по меньшей мере с 1785 по 1812 г. (27 лет), занимая должности секретаря 1-го департамента Верхнего земского суда (1785—1788), секретаря 2-го департамента того же суда (1789—1796), ратмана Выборгского магистрата (1802), секретаря губернского правления (1803—1804) и бургомистра Выборгского магистрата (1805—1812), пройдя за это время путь от неклассного чиновника до коллежского асессора.

Среди чиновничества Выборгской губернии было представлено несколько местных дворянских родов. Так, нами были обнаружены 10 чиновников по фамилии Таваст, которые занимали разнообразные должности как в губернской администрации, так и в администрации уездов и провинций (Кюменегородская провинция, Выборгская и Кексгольмская провинция, Северо-Кексгольмский, Сердобольский, Нейшлотский уезды). Самый заслуженный из них достиг лишь чина

надворного советника, а в основном Тавасты служили в чинах от коллежского регистратора до титулярного советника. В то же время в губернии служили пятеро Гренов, по четыре Алопеуса, Гренквиста и Стральмана.

Временами можно проследить чиновничьи династии. Так Густав Бек упомянут в 1766 г. в должности секретаря Выборгской и Кексгольмской провинции. Его сын (?) Михаил Густавович Бек упоминался в 1772—1780 гг. в должности герадсгевдинга Нейшлотской юрисдикции, в 1782 г. — как председатель Выборгского уездного суда, а в 1785—1786 гг. — как председатель 2-го департамента Верхней расправы. В последней должности он получил чин коллежского асессора. Характерно, что в 1785 г. он указан как Михаил Густавович, тогда как ранее именовался просто Михаилом. Коллежский секретарь Антон Вейсман (Бейсман) был упомянут в 1782—1786 гг. в должности унтер-цолнера Выборгской портовой таможни. Его сын (?) коллежский асессор (позднее статский советник) Матвей Антонович Вейсман (Бейсман) упомянут в должности прокурора Выборгской Верхней расправы (1787—1796), а затем — советника Экономической экспедиции Казенной палаты Выборгской губернии (1802—1809). Андрей Вирениус, коллежский асессор, занимал должность герадсгевдинга Кексгольмской юрисдикции (1772—1778), герадсгевдинга Южно-Кексгольмского уезда (1779—1780), председателя (судьи) Кексгольмского уездного суда (1782—1786) и, наконец, судьи Выборгского уездного суда (1787). Его сын (?) Андрей Андреевич Вирениус (губернский секретарь, потом титулярный советник) числился земским комиссаром Лапвесиского уезда в 1802—1812 годах. В губернии в первое десятилетие XIX в. одновременно служили три брата Гренквисты — Фадей, Иван и Густав Андреевичи.

Карьера выборгских чиновников не изобиловала переменами. Всего 3 человека занимали за изучаемый период по 6 должностей (включая и случаи переименования одной и той же должности), 5 — по 5 должностей, 11 — по 4 должности, 40 — по 3 должности. В среднем выборгские чиновники находились в должности 6—7 лет (если не учитывать тех, кто упомянут, как занимающий должность, по одному разу).

Представляется, что при всех недостатках, «Адрес-календари» и «Месяцесловы» позволяют провести экспресс-анализ состава местного чиновничества. Несомненно, что для углубления этого анализа следует обратиться к делопроизводственным документам, прежде всего, к послужным спискам.

Анализ личного состава местной администрации способен привести к важным выводам об изменениях политики центра по отношению к окраинам. Если до губернской реформы Екатерины II Выборгская губерния была «заповедником» для шведского дворянства, которое практически монополизировало все чиновничьи должности, то в результате реформы в наместничество было влито значительное число русских чиновников. Это привело к сглаживанию национального своеобразия местного чиновничества. Формальный отказ от плодов губернской реформы на финской окраине при Павле I не привел к существенному изменению личного состава чиновничества — сменились лишь названия должностей. Передача же Выборгской губер-

нии в великое княжество Финляндское в 1812 г. вызвала радикальную смену местного чиновничества и вытеснение из администрации представителей общеимперского чиновничьего сообщества с заменой его финскими дворянами, шведами по национальности.

Примечания

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-21-18001.

1. Об устройстве губерний и об определении в оные правителей. № 3380. Мая 29 [1719 г.] Именной [указ] состоявшийся в Сенате. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), изд. 1, т. 5, с. 701—702.
2. ТИМЧЕНКО К.В. От Выборгской провинции до Финляндской губернии: первые шаги инкорпорации Финляндских земель в состав России. — Вестник Брянского государственного университета. 2015, № 1, с. 163—166.
3. Об учреждении губернии в новозавоеванной Финляндии, с присовокуплением к ней Выборгской и Кексгольмской провинций... № 8856. Января 14 [1744 г.]. Высочайше утвержденный доклад Сената. ПСЗ, изд. 1, т. 12, с. 5—6.
4. ТИМЧЕНКО К.В. Ук. соч.
5. Описание, в каком именно наместничестве положены мундиры и каких цветов. СПб. 1784, с. 1.
6. Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров. СПб. 1794, с. 1.
7. О восстановлении в Выборгской губернии присутственных мест по тамошним правам и привилегиям. № 17637. Декабря 12 [1796 г.] Именной [указ], данный Сенату. ПСЗ, изд. 1, т. 24, с. 232—233.
8. О переименовании Выборгской губернии в Финляндскую. № 20552. Декабря 13 [1802 г.] Именной [указ], данный Сенату. ПСЗ, изд. 1, т. 27, с. 397.
9. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова ... [1765—1766], показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб. Б.г.; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова ... [1772—1773, 1775, 1777—1796, 1802—1804]. СПб. Б.г.; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова ... [1805—1813]. СПб. 1805—1813.

Позиции стран Антигитлеровской коалиции по вопросу о бомбардировках Болгарии в 1943—1944 гг.

А.В. Збоев

Аннотация. В статье рассматривается проблема военных операций англо-американских ВВС в Болгарии, начавшихся с осени 1943 года. Анализируются позиции США, Великобритании и СССР по этому вопросу, различные оценки эффективности и последствий авианалетов, а также их отражение в средствах массовой информации. Подчеркивается политическое значение бомбардировок и их влияние на отношения между участниками Антигитлеровской коалиции.

Ключевые слова: вторая мировая война, Болгария, И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт, У. Черчилль, операции ВВС, стратегическая авиация, дипломатия, сферы влияния.

Abstract. The article is devoted to the problem of military operations of Anglo-American Air Force against Bulgaria since the autumn 1943. Analyzes such problems as approaches of the United States, Great Britain, the Soviet Union, various estimates of effectiveness and consequences of the air raids, and its reflection in mass media. It emphasized the political importance of the air bombing and their impact on the relations and mutual perceptions of the Allies of World War II.

Key words: the Second World War, Bulgaria, J.V. Stalin, F.D. Roosevelt, W. Churchill, Air Force operations, Strategic aviation, diplomacy, spheres of influence.

1943 г. стал годом Великого перелома во второй мировой войне. После перехода стратегической инициативы в руки стран Антигитлеровской коалиции капитуляция Германии и ее союзников стала вопросом времени. Лидерам стран «Оси» оставалось только надеяться на изменение обстановки на фронтах или на разлад в стане своих противников. В связи с этим осенние конференции 1943 г. в Москве и Тегеране приобрели большое политическое и идеологическое значение, показав всему миру прочность союза СССР, США и Великобритании.

Задача разгрома общего противника отодвигала на задний план внутренние противоречия между членами Антигитлеровской коалиции. Тем не менее, разногласия имели место на протяжении всей войны. Это проявлялось в определенной двойственности политики

Збоев Артём Вячеславович — аспирант Вятского государственного гуманитарного университета. Киров. E-mail: zboev.art@mail.ru.

Zboev Artem V. — postgraduate student of Vyatka state Humanities University. Киров. E-mail: zboev.art@mail.ru.

Москвы, Лондона и Вашингтона, в разной степени их вовлечения в общие мероприятия. В частности, это прослеживалось в отношениях с европейскими сателлитами «Оси», среди которых особое место занимала Болгария. США и Великобритания находились в состоянии войны с этой страной, тогда как СССР сохранял с ней дипломатические отношения. И, тем не менее, три державы должны были придерживаться единой согласованной политики, такой же, как и в отношении остальных союзников Германии.

В 1943 г. балканский вопрос стал особенно актуальным: продвижение войск западных союзников в Северной Африке создало перспективы открытия на Балканах нового фронта; освобождение Южной Италии обеспечило англо-американской авиации плацдарм для нанесения ударов по балканским городам и коммуникациям. С весны 1943 г. болгарская контрразведка регулярно перехватывала запросы британских и американских агентов к своим информаторам о характеристиках болгарской армии, политической обстановке в стране, народных настроениях и т. д.¹ В июле появились сообщения о том, что неопознанные самолеты сбросили над болгарской территорией листовки с обращенными к местному населению призывами к свержению прогерманского правительства и выдворению немцев из своей страны. В противном случае западные союзники грозились обрушить на Болгарию всю мощь своей авиации, чтобы выбить ее из гитлеровского блока².

Главным вдохновителем бомбардировок Болгарии был британский премьер-министр У. Черчилль³. Американский президент Ф. Рузвельт не имел возражений по этому вопросу. В то же время западные союзники не могли не согласовать свои планы с советским руководством, зная о его особых интересах в Болгарии. На Московской конференции октября 1943 г. И.В. Сталин с удивительной для Запада любезностью поддержал инициативу союзников⁴. С.В. Потрашков отмечает, что решение вопроса о бомбардировках болгарских городов стало первым примером согласованной политики держав коалиции в отношении Болгарии⁵. Кроме того, по мнению болгарского историка Н.Г. Котева, для Черчилля согласие Кремля имело принципиальное значение, поскольку оно должно было подчеркнуть бескомпромиссность и единство курса альянса, а также развеять бытовавшие среди болгар надежды на заступничество «братьев-славян», сделав Москву сопричастной к разрушительным действиям западной авиации⁶.

19 октября 1943 г. берлинское радио сообщило, что впервые за последние 2,5 года Болгария подверглась удару вражеской авиации⁷. С этого момента налеты с разной интенсивностью проводились вплоть до осени 1944 года⁸. От действий западной авиации Болгария понесла первые серьезные потери за все время участия в войне. Гибель нескольких тысяч мирных жителей и огромный материальный ущерб оказали глубокое влияние на все сферы жизни страны и особенно ее столицы⁹. София, на которую пришелся основной удар, по свидетельствам очевидцев, превратилась в «мертвый город», в «город-призрак»¹⁰.

После того, как на Тегеранской конференции проект развертывания второго фронта на Балканах был окончательно отвергнут, бомбардировки стали для западных держав практически единственным средством давления на Болгарию с целью вывода ее из состава «Оси» и принуждения к капитуляции.

Британские и американские представители на Балканах уделяли значительное место в своих донесениях эффекту, производимому налетами. Отдельно выделялись экономический, политический, военный, психологический (влияние на народные настроения) аспекты. Им посвящен ряд исследований болгарских историков; менее изученной стороной является влияние болгарских бомбардировок на самих членов Антигитлеровской коалиции. Отсюда, на наш взгляд, представляется важным обращение к этому вопросу в контексте эволюции политики и взаимоотношений между союзниками, их взаимовосприятия.

Как уже было сказано, главными инициаторами и наиболее последовательными приверженцами бомбардировок Болгарии выступили англичане. Болгарские города и транспортные узлы представлялись привлекательной мишенью, ударив по которым, можно было осложнить положение немцев на Балканах, затруднив транспортировку грузов и войск и подавить моральный дух самих болгар ¹¹.

В середине ноября 1943 г. газеты писали, что бомбардировка Софии открыла новый этап в наступлении союзников на средиземноморском театре военных действий ¹². Западная пресса подчеркивала важность авиаударов не только в военном отношении, но и в политическом: англо-американские ВВС впервые оказали прямую поддержку Советам, нарушив пути, связывавшие германские гарнизоны в Югославии с Одессой ¹³. Интересен еще один нюанс, который нашел отражение в комментарии корреспондента одного из западных изданий: «Болгарию, как и Югославию, обычно относят к советской послевоенной “сфере влияния”, и, потому, некоторые наблюдатели до настоящего времени считали, что конфликт между советскими и англо-американскими планами переустройства на Балканах был неизбежен. Налет на Софию показал, что подобным опасениям нет места в согласованных планах союзников по скорейшему освобождению Юго-Восточной Европы» ¹⁴.

Действия западных ВВС в Болгарии произвели впечатление на соседнюю с ней Турцию. Радио Анкары прокомментировало бомбардировку Софии как свидетельство того, что решения московской конференции уже заложены в основу боевых операций и союзники по Антигитлеровской коалиции развивают наступление, придерживаясь единой стратегии. Недвусмысленным предупреждением для прогерманских кругов в Турции звучали выводы о том, что «Россия не намерена быть терпимой по отношению к врагам Британии, так же, как и Британия не будет терпимой к врагам России» и «Болгария не может надеяться уйти от возмездия посредством договоренностей с Россией» ¹⁵.

С конца 1943 г. болгарские представители активно зондировали позицию Лондона и Вашингтона относительно их готовности к мирным переговорам с Софией. Один из них, Н. Балабанов, сообщал американцам о желании и готовности своего правительства предпринять шаги по прекращению сотрудничества с Германией и постепенному выходу из «Оси»; англичане и американцы, в свою очередь, должны были приостановить бомбардировки, чтобы дать Софии передышку для подготовки к переговорам ¹⁶. Британская сторона решительно возражала против каких бы то ни было поблажек. Черчилль по этому поводу 12 февраля заметил Рузвельту: «Если лекарство пошло им на пользу, пусть принимают еще» ¹⁷.

Администрация президента в целом была солидарна с жесткой британской политикой. Госсекретарь К. Хэлл 12 декабря 1943 г. заявил, что для гитлеровских сателлитов настало время расплаты за враждебные действия против сил Объединенных наций: «Два года прошло с того момента, как правительства Болгарии, Венгрии и Румынии, ставшие безвольными марионетками Гитлера, по велению своего хозяина объявили войну Соединенным Штатам. Мы не знаем, до каких пор они будут рассчитывать на наше великодушие и надеяться, что им удастся избежать последствий этого опрометчивого шага, обрекшего их на катастрофу...» Председатель внешнеполитического комитета Сената Т. Коннэлли также предупреждал, что правительства трех сателлитов должны немедленно разорвать отношения с «Осью» или «пойти на дно вместе с тонущим германским судном»¹⁸.

Агенты УСС¹⁹ сообщали, что налеты производят положительный эффект, подрывая позиции и авторитет прогерманского правительства Д. Божилова, что способствует нарастанию политического кризиса в Болгарии и приближает ее к капитуляции²⁰.

С другой стороны, в подходах британского и американского командования существовали определенные различия. Например, некоторые авторы приводят сведения о том, что ВВС США предпочитали дневные точечные удары по объектам инфраструктуры, тогда как англичане делали ставку на ночные ковровые бомбардировки²¹. Неудивительно, что у болгарского народа американцы пользовались большим доверием и уважением, чем англичане²², и с ними охотнее шли на контакт. В конечном итоге, именно Рузвельт в феврале 1944 г. настоял на том, чтобы прекратить на 40 дней бомбардировки Болгарии, предоставив ей время для отправки в Каир мирной делегации для ведения переговоров²³.

Американским президентом двигали не только гуманные соображения, но и политические мотивы. Обратной стороной бомбардировок стало проявление негативных для американцев тенденций, среди которых, например, усиление в Болгарии позиций коммунистов. Разруха в стране способствовала оттоку населения из городов в сельские окраины, где традиционно были сильны русофильские и просоветские настроения²⁴. Позиции же сторонников Англии и США, напротив, в свете действий западной авиации ослабли²⁵. Болгарский премьер Б. Филов старался убедить американцев, что бомбардировки «льют воду на мельницу коммунистов», и их следует прекратить²⁶.

В начале 1944 г. в Объединенном комитете начальников штабов обозначился раскол во мнениях по вопросу о продолжении бомбежек Софии (а также Будапешта, Бухареста и Вены): американцы возражали против их дальнейшего использования как средства давления; англичане, напротив, настаивали, что еще несколько ударов выведут Болгарию из войны²⁷. Однако болгарская сторона так и не заявила о готовности к мирным переговорам, и 16 марта после полуторамесячного перерыва София подверглась новым ударам²⁸.

При том, что, как мы выяснили, бомбардировки приносили определенную выгоду советскому руководству, в открытых на данный момент советских документах содержится крайне мало оценок и комментариев кремлевских руководителей по этому вопросу. Одно из редких упоминаний содержится в статье бывшего главы Коминтерна Г.М. Димитрова, опубликованной в «Правде» 27 декабря 1943 года. В

тексте бомбардировки упоминались как справедливое и неизбежное возмездие за то, что прогерманская болгарская верхушка в свое время пошла на поводу Гитлера, отказалась от пакта о взаимозащите с СССР и объявила войну Великобритании и США ²⁹.

Можно сказать, что авиаудары по Болгарии вполне устраивали Кремль как компромиссное решение вопроса об участии западных союзников в боевых действиях на Балканах. Во второй половине 1943 г. в отношениях лидеров стран Антигитлеровской коалиции все большее значение приобретали вопросы послевоенного переустройства. Формирование оккупационных зон во многом определяло границы будущих сфер влияния. К концу 1943 г. Красная армия продвигалась к довоенным советским границам и готовилась к походу в Восточную Европу и на Балканы; армии западных союзников в это время находились в Северной Африке и на Ближнем Востоке, готовые при необходимости высадиться на Балканах. Сталин и Молотов с подозрением относились к подобным намерениям союзников, угрожавшим советским планам по распространению влияния в Юго-Восточной Европе. Бомбардировки, не предполагавшие создания на полуострове англо-американского плацдарма, были более приемлемым вариантом. Помимо прочего, они давали возможность СССР усилить свои позиции в качестве посредника в переговорах между Болгарией и западными державами. Упоминания об обращениях представителей Софии к Москве с просьбами о мире встречаются в различных источниках уже начиная с конца 1943 года ³⁰.

Движение Сопротивления в Болгарии развивалось относительно слабо по сравнению с греческим и югославским. Советские победы под Сталинградом и Курском вкупе с воздушными ударами западных союзников в значительной степени способствовали его численному росту и активизации действий ³¹. Поскольку ведущую роль в болгарском Сопротивлении играли коммунисты, тесно связанные с Москвой, этот фактор в еще большей степени способствовал расширению возможностей политики Кремля на болгарском направлении. В феврале 1944 г. стамбульский корреспондент «Дэйли мэйл» сообщил о том, что в Болгарии была предотвращена попытка восстания, инспирированная якобы прибывшей недавно «русской миссией» ³². Не беремся судить, насколько достоверными были эти сведения, но очевидно, что расширение движения Сопротивления в Болгарии создавало все большие предпосылки для свержения прогерманского правительства и вступления в страну советских войск.

Извлекая пользу из действий союзников, Сталин, в свою очередь, не спешил оказывать им активную поддержку. В американских сообщениях часто высказывалось недовольство по поводу того, что информационная политика Москвы значительно ослабляет политический эффект от союзнических акций, не давая использовать их в полной мере. Руководитель Южного департамента Форин Офис О. Сарджент в конце 1943 г. сообщал сотруднику посольства США в Лондоне Х. Букнейлу, что необходима более тесная координация действий с СССР, поскольку «нежелание советской разведки передавать информацию о болгарских событиях... приводит к тому, что половина “психологического эффекта” действий американской стратегической авиации... была безвозвратно утеряна» ³³. На основе подобных заявлений можно было бы сделать вывод, что советское руководство

не слишком активно стремилось им помогать, опасаясь чрезмерных успехов союзников в своей «сфере влияния». Не исключено, что подобные мотивы действительно имели место в рассуждениях кремлевских стратегов, но было бы неверно списывать неудачи англичан и американцев на пассивность советской стороны. С конца 1943 г. Москва последовательно ужесточала свой курс в отношении Болгарии, добиваясь прекращения ее сотрудничества с Германией и оккупации болгарскими войсками югославских и греческих территорий³⁴. Существовал ряд причин, по которым Болгария, будучи самым слабым звеном «Оси» на Балканах, капитулировала не ранее того момента, как к ее границам подошла Красная армия. К ним можно отнести и опасения болгарских правителей настроить против себя руководство рейха и разделить судьбу насильно возвращенных им в лагерь «Оси» Италии и Венгрии, и претензии Софии на сохранение за собой оккупированных земель. Серьезным препятствием для мирных переговоров с Лондоном и Вашингтоном была их бескомпромиссная позиция и требование безусловной капитуляции.

Как показала практика, возможности стратегической авиации были сильно переоценены англо-американским командованием. Расчет союзников на капитуляцию Болгарии, которая должна была последовать сразу после первых бомбежек, не оправдался. Это, в свою очередь, порождало споры о целесообразности их продолжения и побуждало искать «виновных». Рост взаимного недоверия между СССР и западными союзниками, подозрения в ведении двойной политики и неравном вкладе в общие мероприятия не помешали Антигитлеровской коалиции победоносно завершить войну, однако одновременно закладывали основу новой конфронтации.

Примечания

1. България — своенравният съюзник на Третия райх. София. 1992, с. 138—150; КОТЕВ Н.Г. Шифровани информации на българските военни аташета в годините на Втората световна война. — ГУА. Известия на държавните архиви. Т. 93. 2007, с. 183.
2. Bulgaria Bombed. — Northern Star. 24.VII.1943, p. 1.
3. Как отбелязват, У. Черчилъ на заседание Имперского комитета 19 октомври 1943 г. заявил о намерении преподать болгарам за пособничество агресорам суровый урок. КОТЕВ Н., МИНЧЕВ Д. Някои военнополитически аспекти на англо-американските бомбардировки над България (октомври 1943 — януари 1944 г.). — Военноисторически сборник. 1982, кн. 6, с. 63.
4. КАЛИНОВА Е. Победителите и България (1939—1945). София. 2004, с. 25—26.
5. ПОТРАШКОВ С.В. Антигитлеровская коалиция и България 1941—1944 гг. Харьков. 2005, с. 155.
6. КОТЕВ Н.Г. Някои неизяснени моменти около англо-американската бомбардировка на офанзива срещу България (1943—1944 г.). — Известия на ИВИ-ГЩ и Военноисторическото научно дружество. Т. 48. 1989, с. 76—77.
7. Bulgaria Raided. — The West Australian. 20.X.1943, p. 6.
8. Бомбардировки осуществлялись силами 15-й воздушной армии США и 205-й авиагруппы британских ВВС, базировавшихся в Италии и насчитывавших около 1500 бомбардировщиков (американских В-17 «Летающая крепость», В-24 «Либейтор», В-25 «Митчелл», британских «Галифаксов» и легких бомбардировщиков «Веллингтон») и 600 истребителей.
9. В одной только Софии было убито около 2200 чел., разрушено, сожжено и повреждено 12 тыс. зданий, общий материальный ущерб составил 2,8 млрд левов. KOTEV N. The Allied Bombing of Bulgaria during World War II. ACTA. International

- Congress for the 50 years from the 1940—1941 eposée and the battle of the Crete. Greece. 1991, p. 148. Приведем для сравнения число погибших в результате крупнейших бомбардировок войны: Токио (10 марта 1945 г.) — 80—100 тыс. чел., Сталинград (23 августа 1942 г.) и Гамбург (25 июля — 3 августа 1943 г.) — свыше 40 тыс. чел., Дрезден (13—15 февраля 1945 г.) — около 25 тыс. человек. См.: 10 Most Devastating Bombing Campaigns of WWII. Online Military Education. URL: <http://www.onlinemilitaryeducation.org/posts/10-most-devastating-bombing-campaigns-of-wwii>.
10. GIGOVA I. Sofia Was Bombed? Bulgaria's Forgotten War with the Allies. — *History & Memory*. 2011, vol. 23, № 2, p. 137, 139.
  11. *Ibid.*, p. 136.
  12. Sofia Raid Aided Soviet. — *The Courier-Mail*. 17.XI.1943, p. 1.
  13. Sofia Raid New Phase in Air War. — *The Argus*. 17.XI.1943, p. 16.
  14. Sofia Raid Aided Soviet. — *The Courier-Mail*. 17.XI.1943, p. 1.
  15. Moscow Decisions in Operation. — *Northern Star*. 22.XI.1943, p. 5.
  16. FRANKLIN D. Roosevelt Presidential Library and Museum. URL: <http://docs.fdrlibrary.marist.edu/PSF/BOX4/A54J05.TXT>; см. также Foreign Relations of the United States diplomatic papers, 1944, vol. III, p. 318.
  17. ПОТРАШКОВ С.В. Ук. соч., с. 167.
  18. Mr. Hull warns Axis Satellites. — *The Argus*. 13.XII.1943, p. 12.
  19. УСС (Управление стратегических служб) — главное разведывательное ведомство США в годы войны.
  20. България — своенравният съюзник на Третия райх..., с. 206.
  21. ПОТРАШКОВ С.В. Ук. соч., с. 156.
  22. България — своенравният съюзник на Третия райх..., с. 157, 194.
  23. И.В. Сталин также высказался в пользу 40-дневного перерыва, но оставил окончательное решение вопроса за союзниками. См.: ПОТРАШКОВ С.В. Ук. соч., с. 167.
  24. Разузнавателно известие по въздушните нападения извършени на 10 януарий т. г. над гр. София (януари 1944 г.), л. 37. URL: http://anamnesis.info/documents/Razuzn_izv_po_bomb_Sofiq_10-1-44.pdf.
  25. Бывший директор Американского колледжа в Софии Ф. Блэк 28 октября в донесении генеральному консулу США в Стамбуле указал, что бомбардировки несут ненужные разрушения и не способствуют достижению ожидаемых результатов, но будут способствовать росту коммунизма. В качестве примера Блэк привел Италию. См.: България — своенравният съюзник на Третия райх..., с. 166.
  26. КОТЕВ Н., МИНЧЕВ Д. Ук. соч., с. 98.
  27. GIGOVA I. *Op. cit.*, p. 138.
  28. 30 марта 1944 г. состоялась крупнейшая бомбардировка Софии, в которой было задействовано 450 бомбардировщиков в сопровождении 150 истребителей. После 17 апреля («Черной Пасхи», когда София подверглась удару 350 американских бомбардировщиков) интенсивность налетов заметно сократилась.
  29. Выдержки из этой статьи не обнаруживают снисхождения со стороны Димитрова: «Теперь болгарские правители проливают крокодиловы слезы по поводу жертв их собственной преступной политики в связи с бомбардировками Софии союзной авиацией... Теперь они плачутся по поводу того, что Советский Союз-де не хочет защитить болгар от бомбардировок». См.: Кризис в Болгарии. В кн.: ДИМИТРОВ Г. Избранные произведения. Т. 2. М. 1983, с. 416.
  30. Bulgaria rebuffed by Allies. — *The Courier-Mail*. 16.XII.1943, p. 1; Bulgars Reported to Want Peace. — *The Sydney Morning Herald*. 16.XII.1943, p. 5; Bulgaria Seeks Peace. — *Army News*. 17.XII.1943, p. 1; Bulgaria and Hungary. Closely Watching Situation. Reported Sofia offer to Moscow. — *Kaloorlie Miner*. 7.III.1944, p. 3.
  31. В марте-апреле 1943 г. было проведено объединение партизанских и боевых групп в единую Народно-освободительную повстанческую армию; партизанские операции приобрели наступательный характер, стала нарастать их интенсивность. Подробнее см.: ВАЛЕВА Е.Л. Движение Сопротивления в Болгарии: национальная специфика. В кн.: Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. М. 2011, с. 381—382.
  32. В заметке особо было отмечено, что численность подполья стала «быстро расти из-за бомбардировок Софии», чем и воспользовались советские агенты. *Bulgarian Revolt Frustrated*. — *Army News*. 6.II.1944, p. 3.
  33. КОТЕВ Н.Г. Някои неизяснени моменти..., с. 85.
  34. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 1. М. 1976, с. 591—599.

Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии

А.Н. Нестеренко

Аннотация. В работе разбираются основные мифологемы, связанные с именем Александра Невского. Автор доказывает, что вопреки распространенным в отечественной историографии гипотезам, Мстислав Удалой не мог быть дедом Александра Ярославича; ярл Биргер не был ранен в Невской битве; Тевтонский орден не принимал участия в Ледовом побоище; Житие Александра Невского написано после открытия мощей князя и принятия решения о его канонизации не ранее 1380 г., а не в XIII в.; мощи Александра Невского не сохранились, так как погибли при пожаре во Владимире в XV веке.

Ключевые слова: нарратив, Александр Невский, Невская битва, Ледовое побоище, Житие Александра Невского, ярл Биргер, канонизация святых в русской православной церкви, Мстислав Удалой, Тевтонский орден.

Abstract. In the article understand basic myths associated with the name of Alexander Nevsky. Author argues that, contrary to common hypotheses in the national historiography, Mstislav the Bold could be the grandfather of Alexander Yaroslavich; Birger Jarl was not wounded in the Battle of the Neva; Teutonic Order did not participate in the Battle on the Ice; The Life of Alexander Nevsky is written after the discovery of the relics of the prince and the decision on his canonization not before 1380, and not in the XIII century; relics of Alexander Nevsky were not preserved because were killed in a fire in Vladimir XV and others.

Key words: the narrative, Alexander Nevsky Battle of the Neva, Battle on the Ice, The Life of Alexander Nevsky, Birger Jarl, the canonization of saints in the Russian Orthodox Church, Mstislav the Bold, the Teutonic Order.

Над отечественной историографией довлеет многовековой государственный и церковный культ святого благоверного князя Александра Невского, увенчавшийся реинкарнацией его в качестве «Имени России»¹. Подобное идеологическое давление негативно влияет на научную дискуссию вокруг личности Александра Ярославича. Примером догматического подхода может служить статья В.В. Долгова

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ). E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical science, associate professor of Bauman Moscow State Technical University (BMSTU). E-mail: rockwool@list.ru.

«Александр Невский» в журнале «Вопросы истории» №10 за 2015 г., в которой воспроизводятся основные мифологемы этого метафизического нарратива.

Одна из таких распространенных мифологем — не подтвержденное фактами и источниками утверждение о том, что матерью Александра Ярославича была дочь князя Мстислава Удалого. Доктор исторических наук Долгов, говоря о втором браке Ярослава Всеволодовича с дочерью Мстислава Удалого утверждает, что «дата заключения брака в летописи не упомянута. О ней можно судить лишь косвенно»². На самом деле это не так. «Летописец Переяславля Суздальского» сообщает, что брак Ярослава с дочерью Мстислава был заключен в 1213 году. Там же названо имя княгини — Ростислава³. Согласно Жития, мать Александра зовут не Ростислава, а Феодосия⁴. Казалось бы, это однозначно означает, что речь идет о разных людях. Но в отечественной историографии это противоречие объясняют тем, что Феодосия — это крестильное имя Ростиславы, не пытаясь обосновать, почему только ей одной выпала честь быть названной в Житии под крестильным именем. Впрочем, и эта умозрительная сентенция не подтверждается фактически: крестильное имя Феодосии — Ефросинья, под которым она, по сообщению новгородского летописца, и была похоронена в Свято-Юрьевом монастыре Новгорода⁵.

Исходя из ложной посылки о том, что дата заключения брака не известна, Долгов пишет, что матерью Александра была дочь Мстислава Удалого. То, что Ярослав вынужден был вернуть жену тестю, автор обосновывает тем, что «невеста была передана жениху незадолго до Липицкой битвы, и брак не был заключен положенным образом. Иначе, возвращение Мстиславу дочери вряд ли было возможно»⁶. Видимо автор предполагает, экстраполируя реалии сегодняшнего дня на средневековье, возможным то, что супруги могли жить «во грехе», без обряда венчания. Но и эта посылка ложна: Татищев сообщает о том, что этот брак был освящен Церковью, то есть заключен должным образом⁷.

Все эти схоластические рассуждения призваны доказать, что именно дочь Мстислава была матерью Александра и объяснить, почему у супругов не было детей до расторжения брака после Липицкой битвы (1216 г.). Мог ли Мстислав Удалой вернуть дочь Ярославу Всеволодовичу через какое-то время после Липицкой битвы, как это предполагает Долгов? С уверенностью можно сказать, что нет, и вот почему: Мстислав по своей инициативе расторг брак своей дочери с Ярославом Всеволодовичем, инкриминировав ему то, что он обращался с ней не как с княжной, а как с рабой, а не по причине «политических противоречий», как полагает Долгов⁸. При таких обстоятельствах даже не испытывающий особой любви к своей дочери отец вряд ли счел бы возможным вернуть ее в рабство, а Мстислав, судя по его заботе о дочери, был отцом, горячо ее любящим. Более того, источники не сообщают о каких-либо признаках налаживания отношений зятя с бывшим тестем, которые косвенно могли бы свидетельствовать о том, что Мстислав вернул свою дочь Ярославу. Об отсутствии такого примирения свидетельствует и то, что Ярослав не откликнулся на призыв бывшего зятя принять участие в походе против татар в 1223 году.

Надо отметить, что еще в царской России было установлено, что матерью детей Ярослава Всеволодовича была его третья жена, кото-

рая, возможно, являлась рязанской княжной⁹. Но этот факт по каким-то иррациональным причинам советских и российских историков не устраивает. Так, Долгов ссылается на статью В.А. Кучкина, в которой версия Н.А. Баумгартена «была подвергнута основательной критике»¹⁰. Критика Кучкина, на наш взгляд, безусловно, представляет собой новое слово в научной методологии. Поэтому остановимся на его аргументах в пользу того, что Феодосия была не рязанской княжной, а дочерью Мстислава. Главный его довод заключается в том, что княгиня «никакого интереса к Рязани... не проявляла», что, в свою очередь, обосновывается тем, что она подолгу жила в Новгороде и даже была там похоронена. «Полное равнодушие матери Александра Невского к Рязани», считает Кучкин, и «говорит, что она не была рязанской княжной, а была дочерью князя Мстислава Мстиславича»¹¹.

Применение методики Кучкина позволяет совсем по-другому посмотреть на обстоятельства отцовства Ярослава Всеволодовича. То, что два первых брака Ярослава были бездетными, указывает на то, что князь испытывал проблемы с продолжением рода. То, что в третьем (или даже четвертом, по версии Татищева) его браке дети стали появляться с завидной регулярностью, заставляет задаться вопросом о том, был ли Ярослав биологическим отцом своих детей?¹² О том, что он им не был, может свидетельствовать то обстоятельство, что Ярослав не испытывал к ним ни малейшей любви. Разве любящий отец стал бы посылать малолетних сыновей в такое беспокойное место как Новгород, из которого они неоднократно вынуждены были, натерпевшись страха, в тайне ото всех, ночью бежать? Разве любящий отец своего первенца, которому по определению, как наследнику, достается большая толика отцовской любви, похоронил бы его вдалеке от дома, в Новгороде, а не в Переславле?¹³

И в заключении, чтобы восстановить историческую справедливость в вопросе о том, могла ли быть Ростислава Мстиславовна матерью детей Ярослава Всеволодовича, отметим следующее важное обстоятельство. Как пишет Долгов «издревле церковные правители запрещали браки до шестой степени включительно»¹⁴. В 1250 г. брат Александра Андрей Ярославович женился на дочери Даниила Галицкого¹⁵. А Даниил был женат на дочери Мстислава Удалого Анне¹⁶. Следовательно, женой Андрея стала внучка Мстислава Удалого. Но если мать Андрея — дочка Мстислава Удалого, то брак Андрея и Анны (внука Мстислава на его внучке) не разрешила бы Церковь, так как между ними была четвертая степень родства. Если брак Андрея на дочери Даниила Галицкого состоялся, то из этого следует, что Андрей, как и Александр и другие дети Ярослава Всеволодовича не были внуками Мстислава Удалого.

Остается загадкой, почему советские и вслед за ними российские историки с таким упорством отстаивают умозрительную гипотезу о том, что матерью Александра была дочка Мстислава¹⁷. Можно подумать, что это родство — основная причина приписываемых Александру многочисленных достоинств и заслуг и, если бы он не был внуком Мстислава, то не смог бы выполнить приписываемую ему грандиозную историческую миссию¹⁸. В результате складывается впечатление, что для обоснования мифа об Александре Невском настолько не хватает фактического материала, что его апологетам при-

ходится брать на вооружение даже столь неубедительные, с точки зрения академической науки, доводы.

Далее Долгов переходит к описанию Невской битвы. По его мнению, «... непосредственным повествованием о Невской битве является сообщение Новгородской Первой летописи старшего извода, составленное современником по горячим следам»¹⁹. Долгов предполагает, что убедительным доказательством этого тезиса является то, что летописец «приукрашивает» описываемые события²⁰. В действительности, это говорит об обратном. Как новгородские, так и владимирские летописи отличаются крайней лаконичностью и скупостью в описании батальных событий, ограничиваясь использованием стандартных формулировок и не позволяя себе литературных отступлений, выходящих за рамки фактических обстоятельств дела. Можно привести тому многочисленные примеры, но ограничимся одним: описанием Ледового побоища в Лаврентьевской летописи. «Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помочь Александру на немцев и победив их за Псковом на озере и в плен многих взяв возвратился Андрей к отцу своему с честью»²¹. Почему же именно в случае с Невской битвой у летописца вдруг возникает «наивное стремление приукрасить битву»? Не потому ли, что это описание есть не что иное, как литературный вымысел, написанный почти через столетие после событий 1240 года?²² Одна из особенностей рассказа летописца о Невской битве — большое число фактических ошибок. Д.Г. Линд полагает, что это обусловлено тем, что данное сообщение дошло до нас в редакции 1320—1330 гг., когда многие факты были забыты, а реалии изменились. К примеру, Швеция и Норвегия находились под управлением одного короля. Поэтому летописец и включил в состав шведского войска норвежцев²³.

Некритическое отношение Долгова к описываемым событиям приводит его к парадоксальному утверждению о том, что «в значении» Невской битвы «для древнерусского общества», не может быть сомнения, что отражается «в создании огромного количества текстов» об этой битве²⁴. Как огромное количество текстов про Александра Ярославича вообще и Невскую битву в частности, которые стали появляться в отечественной историографии начиная с XIX в., могут свидетельствовать о значении этой битвы для древнерусского общества, Долгов не поясняет. Для ее современников, учитывая тот факт, что рассказ о Невской битве в НПЛ датируется первой половиной XIV в., она осталась незамеченной. Придворная владимирская летопись в погодной записи про события 1240 г. о победе сына владимирского князя на Неве не сообщает, отмечая только два значимых для древнерусского общества события: взятие татарами Киева и рождение у Ярослава дочери Марьи²⁵. Даже два века спустя после Невской битвы новгородский летописец не называет Александра Ярославича «Невским». Для составителя родословной великих князей Руси, помещенной в НПЛ младшего извода, Александр известен не как Невский, а как Храбрый²⁶. Это свидетельство того, что Невская битва не рассматривалась современниками и ближайшими потомками как важное событие даже в биографии самого Александра, не говоря уже о «древнерусском обществе».

Еще один миф, воспроизводимый Долговым, повествует о том, что шведами на р. Неве руководил сам ярл Биргер, который постра-

дал в поединке от богатырской руки Александра, получив ранение в голову. При этом ни в летописи, ни в Житии об участии Биргера в сражении не говорится²⁷. Долгов в подтверждение тезиса о том, что Биргер участвовал в Невской битве, ссылается на некие исследования останков ярла, проведенные неназванными авторами в 2002 году. Согласно им, «его [Бирегра] череп нес следы ранения: надбровная дуга над правой глазницей рассечена». Такая локализация раны «прямо соответствует тексту “Жития” о ранении Александром вражеского предводителя»²⁸. Данную сентенцию Долгов почти дословно заимствует из такого «авторитетного научного источника» как русскоязычная «Википедия»²⁹. Для сравнения, в шведской «Википедии» нет упоминания ни об исследовании останков ярла в 2002 г., ни о его ранении, ни о поединке с Александром, ни о Невской битве³⁰.

Научному сообществу указанные результаты исследования останков Биргера не известны. В 2010 г. реконструкцию по черепу Биргера, используя методы криминалистики и компьютерную графику, сделал шведский художник и скульптор Оскар Нильссон (Oscar Nilsson)³¹. Никаких дефектов черепа Биргера он не обнаружил. Зато установил, что у ярла был изношен позвоночник, что обусловлено тем, что ему приходилось много времени проводить в седле³².

Следующий миф, который ретранслирует Долгов, — утверждение о том, что Житие «было составлено (и это важно помнить) современником событий»³³. Данное утверждение автор даже не пытается хоть как-то обосновать. Откуда известно о времени написания Жития, и почему его, не утруждаясь поиском доказательств, приписывают «современнику событий»? То, что Житие написано современником событий, — главная аксиома в нарративе Александр Невский. Именно на этом фундаменте строится демифологизация агиографического текста Жития, который, с точки зрения науки, не может выступать источником фактической информации, но, за неимением летописных источников, используется именно в этом качестве. Однако анализ позволяет установить, что Житие создано намного позднее, чем это принято утверждать в отечественной историографии. Апология того, что автор Жития является свидетелем описываемых событий, основывается на его утверждении, что он «самовидец возраста» Александра. Но, почему-то, при этом упускают из вида, что он в той же фразе пишет, что его рассказ основывается на воспоминаниях старшего поколения: «слышал от отцов»³⁴. Можно ли понимать буквально утверждение автора Жития о том, что он очевидец описываемых событий? Согласно канону, Житие святого не может быть написано до того, как герой Жития был официально признан святым. Александр Невский был канонизирован в качестве местночтимого святого после 1380 г., когда были открыты его чудотворные мощи, что является необходимым условием для канонизации³⁵. Из этого следует, что Житие написано в конце XIV в., более чем столетие спустя после смерти Александра Ярославича, когда ни одного из очевидцев событий середины XIII в. давно уже не было в живых. Первая известная редакция Жития содержится в Лаврентьевской летописи, созданной как раз в эти годы.

О том, что Житие писал человек из другой эпохи, свидетельствует большое количество содержащихся в нем ошибок, которые мно-

жаты от редакции к редакции. Уже первая редакция Жития сообщает о всемирной известности Александра, который превосходил своими выдающимися достоинствами всех известных земных владык, уже до Невской битвы³⁶. Однако в придворной владимирской летописи до 1242 г. Александр упоминается всего один раз³⁷. НПЛ упоминает Александра до событий 1240 г. только трижды. В первый раз под 1228 г., когда Ярослав, оставив сыновей Федора и Александра в Новгороде под присмотром бояр, удалился с женой в Переславль. Под 1236 г. сообщается о том, что Ярослав из Новгорода ушел на киевский престол, оставив на княжении Александра. И третье упоминание повествует о женитьбе Александра в 1239 году³⁸. Можно ли на основании этих летописных свидетельств говорить о широкой известности Александра даже в пределах Владимиро-Суздальской Земли?

О том, что автор Жития — книжник, живший намного позже описываемых событий, свидетельствует сравнение синодального списка Новгородской первой летописи с текстом Жития: летописцу детали Жития неизвестны, а автор Жития знаком с летописным свидетельством. В.О. Ключевский отмечает, что все подробности Невской битвы и Ледового побоища «заимствованы почти дословно» автором Жития из летописи³⁹. В описании Ледового побоища Житие добавляет несущественные детали к свидетельству НПЛ. В описании Невской битвы автор Жития исправляет неточности летописного свидетельства. Так Спиридон, названный летописцем шведским воеводой, становится в Житии Новгородским архиепископом, а о планах захватчиков, которые по летописи странным образом стали известны в Новгороде, по Житию, сообщают сразу два источника: шведские послы и ижорская стража. Таким образом, если НПЛ послужила основой для Жития, то, учитывая тот факт, что часть этой летописи после 1234 г. написана почерком первой половины XIV в., Житие не могло быть написано ранее середины XIV века. Следовательно, все гипотезы, относящие время написания Жития к более раннему времени, не подтверждаются фактически.

Еще один аргумент, говорящий о достоверности повествования Жития, по мнению Долгова, заключается в том, что в его сюжете «нет ничего невероятного или даже экстраординарного»⁴⁰. Так ли это? Ограничимся только примерами из описания Невской битвы в первой редакции Жития по Лаврентьевской летописи. Действительно, что может быть экстраординарного в том, вражеский предводитель вел себя неадекватно («шатаясь безумьем»). Объявив противнику о своих намерениях напасть на него, шведы вместо того, чтобы приступить к исполнению своего замысла, встают лагерем за пару сотен километров от цели своего похода и ничего не делают. Они не предпринимают никаких мер защиты от возможного нападения ими же предупрежденного врага. По всей видимости, «захватчики» даже не преступили границ Господина Великого Новгорода⁴¹.

Конечно же, нет ничего экстраординарного и в том, что Александр, для которого эта битва была, по словам Долгова, «боевым крещением», побеждает в поединке опытного вражеского полководца и силами одной «малой дружины», не дожидаясь помощи ни от новгородцев, ни от отца, наносит сокрушительное поражение значительно превосходящему по численности («силе великой») войску скандина-

вов. Нет ничего невероятного и в том, что сброшенный при попытке верхом захватить на шведский шнек в воду Гаврила Олексич не был придавлен лошадью, не утонул под тяжестью доспехов и не был убит врагами, которые должны были воспользоваться его беспомощностью в этот момент. Гаврила не только благополучно выбрался на берег, но и неуязвимым прошел сквозь ряды врагов, чтобы продолжить битву в самом центре сражения, где, не успев даже обсохнуть, в сапогах полных воды, вступил в схватку с вражеским воеводой. Ну и уж совсем нет ничего экстраординарного в том, что после сражения на другом берегу реки Ижоры было найдено «многое множество избитенных ангелом Господнем» врагов ⁴².

Одним из открытий Долгова является утверждение о том, что «обнаружение десанта, судя по всему, было делом счастливого случая» ⁴³. Однако Житие сообщает о шведском посольстве, прибывшем в Новгород с целью передать вызов Александру ⁴⁴. О каком же тогда «счастливом случае» говорит автор, если шведы сами все рассказали Александру о своих планах и о том, что они уже преступили к их реализации?

Описывая другой важнейший миф о Ледовом побоище, Долгов, следуя сложившемуся в отечественной историографии ошибочному утверждению о существовании «Ливонского ордена», повторяет мифологему о том, что этот Орден составлял «костяк сил», которые сражались с русским войском в битве на льду озера ⁴⁵. Описывая события войны 1240—1242 гг., он постулирует ложный и ничем не обоснованный вывод о том, что «Знакомая со школьных уроков истории схема без особого труда выдерживает деконструкцию нарратива» ⁴⁶. Однако историки не считают необходимым деконструировать этот нарратив в силу его очевидного несоответствия фактам.

Ссылаясь на Ливонскую рифмованную хронику (ЛРХ), Долгов пишет: «Понимая, что своими силами ему не справиться, епископ Дерптский обратился за помощью к рыцарям Ливонского ордена» ⁴⁷.

На самом деле ЛРХ описывает данные события ровно наоборот: «суздальский князь Александр» с «русскими из Суздаля» нападает на земли Тевтонского Ордена. Узнав об этом Дерптский епископ «велит мужам епископства» поспешить на помощь Ордену ⁴⁸. Большое количество фактических неточностей, допущенных автором хроники, служит одним из подтверждений того, что Орден не участвовал в отражении нападения на Дерптское епископство в 1242 году. Для зарубежной историографии, которая в изучении истории Тевтонского Ордена опирается на «Хронику Пруссии» Петра Дусбургского, в которой «события в Лифляндии не были удостоены упоминания даже в примечании, где были отмечены всеобщие мировые события», это является доказанным фактом ⁴⁹. Следуя данной традиции, в зарубежной историографии, посвященной Тевтонскому Ордену, события в Ливонии не рассматриваются ⁵⁰. Таким образом, если Тевтонский Орден и участвовал в Ледовом побоище, то это участие сводилось к тому, что «какое-то число тевтонских рыцарей присоединилось к преследованию отступающих войск Александра» ⁵¹.

«Немцы начали битву таранным ударом свиньей» — еще одно расхожее заблуждение ⁵². То, что глубокий строй всадников, «свинья», действует на поле боя как таран, — не более чем фантазия. В

действительности при таком построении в бою могут принимать участие только те всадники, которые находятся в переднем ряду, то есть абсолютное меньшинство. Стоящие за ними воины не только не способны оказать помощь тем, кто впереди, а наоборот, мешают маневру и создают давку. Более того, глубокое построение кавалерии невозможно по определению, так как в ходе атаки лошади задних шеренг не станут давить на передних лошадей, а если всадники попытаются их заставить, то это приведет к полному хаосу в рядах атакующей кавалерии, и она сама станет легкой добычей противника. Чтобы этого не произошло, «клин» при приближении к противнику должен был развернуться в линию. Только так максимальное количество тяжеловооруженных всадников могло одновременно вступить в бой и нанести наибольший урон противнику, в то же время лишая его возможности ударить по флангам атакующих. Поэтому построение «клином» необходимо только для сближения с противником. С его помощью достигается массированность и одновременность удара к тому моменту, когда, приблизившись на минимальное расстояние к вражеским боевым порядкам «клин» разворачивается в атакующую конную лаву. Если бы атака рыцарской конницы начиналась сразу развернутой линией, то вместо организованного удара рыцари рассеялись бы по всему полю боя. В результате тяжеловооруженные всадники, хаотично и беспорядочно перемещающиеся по полю, из грозного противника превращались бы в легкую добычу для простых крестьян, вооруженных дальнобойными луками, и терпели бы поражение за поражением от пешего городского ополчения, встречающего закованных в броню всадников в плотном строю, ошетилившихся длинными копьями. Или становились бы добычей легкой кавалерии, атакующей одинокого всадника со всех сторон, расстреливая его издали из луков.

У «клина» было и еще одно очень важное достоинство: узкий фронт. Ведь, когда отряд рыцарей медленно, «шаг за шагом», приближался к врагу, он становился великолепной мишенью для лучников. А при построении «клином» целью вражеских стрелков оказывалось только несколько всадников в самом надежном защитном снаряжении. Остальных можно было поразить только малоэффективным неприцельным навесным огнем.

Таким образом, рыцарский клин, «кабанья голова», предназначался только для сближения с противником, а никак не для атаки и тем более не для «таранных ударов», как это полагает Долгов.

Анализируя вопрос отношений русских князей с папским престолом, Долгов пишет о том, что в отличие от Даниила Галицкого, «пустота обещаний папы стала понятна Александру на более раннем этапе. Это уберегло его от напрасных надежд и попыток получить военную помощь в обмен на религиозную зависимость»⁵³. Оставим в стороне вопрос о том, чем зависимость Русской Церкви от Византийского патриарха была предпочтительнее зависимости от римского понтифика. Представление о том, что Даниил вел переговоры с Римом о получении королевского сана в надежде на военную помощь против Орды, демонстрирует полное непонимание некоторыми историками политологических оснований политики русских князей в первые годы после нашествия Батыя. Ни Даниил, ни Александр не искали в переговорах с Римом помощи против Орды, потому что призна-

ние вассальной зависимости от Орды давало им значительные преимущества и поэтому было выгодно. Они не только не были противниками Орды, но использовали ее в своих корыстных политических интересах, направленных на укрепление личной власти. обстоятельный анализ подлинных мотивов ордынской политики русских князей на примере Даниила Галицкого дал Н.И. Костомаров. «Подчинение хану, хотя, с одной стороны, унижало князей, но зато, с другой, укрепляло их власть. Хан отдавал Данилу, как и другим князьям, земли его в вотчину. Прежде Данило, как и прочие князья, называл свои земли отчинами, но это слово имело другое значение, чем впоследствии слово вотчина. Прежде оно означало не более, как нравственное право князя править и княжить там, где княжили его прародители. Но это право зависело еще от разных условий: от воли бояр и народа, от удачи соперников, в которых не было недостатка, от иноплеменного соседства и от всяких случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь князь, поклонившись хану, передавал ему свое княжение в собственность как завоевателю и получал его обратно как наследственное владение, он имел право на покровительство и защиту со стороны того, кто дал ему владение. Никто не мог отнять у него княжения, кроме того, от кого он получил его. Соседний князь не отваживался уже так смело, как прежде, выгонять другого князя, потому что последний мог искать защиты в сильной Орде. Князья становились государями»⁵⁴.

Номинальное признание власти не только Орды, но и Ватикана было для Даниила важно именно для укрепления своей личной власти, так как в Галицко-Волынской Руси ориентированное на Польшу и Венгрию боярство имело большой политический вес. С самого младенчества Даниил был вынужден вести непрерывную борьбу с могущественным боярством за право утвердиться в качестве наследника Романа Мстиславовича. Перед Александром такой проблемы не стояло, поскольку ориентированного на Запад боярства в Залесской Руси не было, а власти князя угрожали только другие князья, претендовавшие на его место. Поэтому признание папской власти для Александра не несло никакой выгоды. Наоборот, оно было вредно, так как могло привести князя к конфликту с православной церковью. Другие гипотезы, объясняющие мотивы отказа Александра от союза с Римом, — не более чем литературные фантазии, не имеющие ничего общего с реальной политикой, главной задачей которой является удержание власти любыми средствами.

Небезынтересны рассуждения Долгова о мощах князя. О гибели мошей («и тело князя великого Александра Невского згоре»), по мнению Долгова, сообщает Никоновская летопись⁵⁵. В действительности это делает не только Никоновская летопись (а, если быть до конца точным, ее шесть списков: Акад. 14, Обол., Акад. 15, Арх. 2, Пуб. (Строг.) и Троицк.), но и Воскресенская (Пражский и Карамзинский списки): Софийская I; Львовская; Ермолинская; Типографская⁵⁶. С одной стороны, Долгов считает, что сообщения о том, что мощи уцелели, являются «поздней вставкой»⁵⁷, с другой, — утверждает, что «его [Александра] мощи сохранились»⁵⁸.

При этом Долгов высказывает сожаление, что внешность князя не была восстановлена по методике М.М. Герасимова, потому что

это «проблематично»⁵⁹. В чем же заключается проблема, и почему Герасимов не потрудился восстановить внешность одного из главных персонажей отечественного исторического пантеона, Долгов умалчивает. На самом деле, если даже согласиться с тем, что чудесным образом открытые накануне Куликовской битвы в Рождественском монастыре г. Владимира нетленные мощи князя действительно существовали в природе, то сейчас их нет. И это научный факт, установленный в результате вскрытия раки с мощами Александра Невского в 1919 году. В ней было обнаружено «12 небольших костей разного цвета (то есть от разных мощей — А.Н.) и конверт с пеплом»⁶⁰. Именно поэтому внешность Александра Ярославича восстановить невозможно.

Можно было бы отметить еще много характерных для отечественной историографии ложных нарративов, но позволим себе подвести итог.

Жрецы исторической памяти с упорством, достойным лучшего применения, пытаются превратить заурядного представителя своей эпохи князя Александра Ярославича в сакрального носителя «цивилизационного кода», поступают вопреки императиву, высказанному их кумиром: «Не в силе Бог, а в правде»⁶¹. Видимо, в данном случае, прагматика личных интересов диктует необходимость принять альтернативную парадигму: сладкая ложь лучше горькой правды.

Примечания

1. URL.: <http://www.nameofrussia.ru>.
2. ДОЛГОВ В.В. Александр Невский. — Вопросы истории. 2015, №10, с. 18.
3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 45. М. 1995, л. 539.
4. Лаврентьевская летопись (ПСРЛ). Т. I. Л. 1926—1928, л. 168.
5. «Преставилась княгиня Ярославля в монастыре святого Георгия принявши монашій чин и положена была возле сына своего Фёдора ... и наречено было имя ей Ефросинья». ПСРЛ. Т. III. М.-Л. 1950, л.167об.—168.
6. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 18.
7. «Но о княгине своей Ярослав просил Мстислава и всех князей, чтоб от него ее не брать. Но Мстислав никак на то склонен быть не хотел, а усиленно требовал дочери, сказав Ярославу: «Не по достоинству будет тебе княжескую дочь женою иметь, поскольку ты, забыв к ней в церкви данное при браке обещание, имел ее не как жену, но как рабу, и из-за наложниц она унижена. И раз ты мне и ей своей данной клятвы не сохранил, того ради она уже от клятвы своей свободна». «И так принужден был Ярослав жену отдать тестю со всем ее имением». ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. М. 1995, с. 351.
8. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 18.
9. БАУМГАРТЕН Н.А. К родословию великих князей Владимирских, Мать Александра Невского. В кн.: Летопись Историко-родословного общества в Москве. М. 1908, вып. 4 (16), с. 21—23.
10. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 35.
11. «Известно также, что жена Ярослава Всеволодовича, мать его сыновей, охотно гостила вместе с мужем в Новгороде, подолгу жила там одна, постриглась в Юрьеве монастыре, там скончалась и там была похоронена. Никакого интереса к Рязани она не проявляла». КУЧКИН В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. В кн.: Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. Новгород. 1996, с. 7—8.
12. Татищев предполагает, что дочь Мстислава была третьей женой Ярослава. Первой была дочь князя Бориса полоцкого, а второй — княжна половецкая. ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4. М. 1995, прим. 434, с. 458.

13. «В том же году представился еще молоды князь Фёдор, сын Ярослава... и положен был в монастыре святого Георгия». НПЛ, л. 117.
14. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 17.
15. Лаврентьевская летопись, л. 166.
16. Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. СПб. 1908, стб. 732.
17. Необходимо отметить, что некоторые авторитетные советские историки придерживались гипотезы Баумгартена. Например, В.П. Пашуто: «...Ярослав вновь женился. Его женой стала Феодосия Игоревна — внучка вероломного князя Глеба Владимировича». ПАШУТО В.П. Александр Невский. М. 1974, с. 10.
18. По словам митрополита Кирилла, Александр Невский «...боролся за национальную идентичность, за национальное самопонимание. Без него бы не было России, не было русских, не было нашего цивилизационного кода». URL.: <http://www.nameofrussia.ru/video.html?id=3125>.
19. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 21.
20. «Но само это наивное стремление самыми простыми средствами приукрасить битву является свидетельством близости автора сообщения к произошедшим событиям». Там же, с. 21.
21. Лаврентьевская летопись, л. 164об.—165.
22. А.Н. Насонов установил, что в НПЛ события после 1234 г. написаны почерком первой половины XIV века. НАСОНОВ А.Н. Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1956, с. 5.
23. ЛИНД Д.Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб. 1995, с. 48.
24. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 22.
25. «Родилась у Ярослава дочь и была названа в святом крещении Марья. Того же лета татары взяли Киев и Святую Софию разграбили и все монастыри, а людей от мало до велика убили мечем». Лаврентьевская летопись, л. 164об.
26. В родословных великих князей Руси, помещенных в комиссионном списке НПЛ младшего извода (приложение два), середины XV в. Александр называется Храбрым четыре раза: л. 7, 11об., 15—15об., а Невским — всего один раз и то не в качестве самостоятельного прозвища, а вместе с эпитетами «великий» и «храбрый» (л. 11об.). ПСРЛ, т. III.
27. НПЛ называет по имени павшего в бою шведского воеводу Спиридона. Житие никаких имен не называет, говоря об участии в битве некоего «короля части Римской полунощной стороны» и «королевича». НПЛ, л. 126об. Лаврентьевская летопись, л. 168—169об.
28. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 22.
29. URL.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Биргер>.
30. URL.: https://sv.wikipedia.org/wiki/Birger_jarl.
31. URL.: <http://www.medeltidsmuseet.stockholm.se/utställningar/Museet/birger-jarls-ansikte>.
32. URL.: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=3616756>.
33. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 23.
34. Лаврентьевская летопись, л. 168.
35. По сложившейся в православной церкви традиции, Житие пишется только после обретения нетленных чудотворных мощей и принятия решения о канонизации. Такая последовательность документально прослеживается в случае с канонизацией Анны Кашинской (ум. 1368 г.). Ее нетленные мощи были обретены в 1649 году. Основанием для официального освидетельствования ее мощей стало то, что у гроба княгини произошло 8 чудес исцелений. В 1650 г. Анна Кашинская была официально канонизирована. Тогда же был создан первый вариант Жития Анны Кашинской.
36. Житие сообщает, что «один из именитых людей Западной страны, желая видеть Александра как царица Савская царя Соломона», сообщает что «пройдя страны и народы не видел подобного Александру царя среди царей ни князя среди князей». Лаврентьевская летопись, л. 168об.
37. Там же, л. 164.
38. НПЛ, л. 105об., 120, 126.

39. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Русская история. Т. 4. М. 2001, с. 528.
40. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 23.
41. Ближайший к месту шведского стояния на р. Неве новгородский форпост на о. Ореховый был основана только через восемьдесят три года — в 1323 году. В том же году был заключен первый договор, официально устанавливающий границу между новгородскими и шведскими владениями, по которому устье реки Невы стало принадлежать Новгороду.
42. Лаврентьевская летопись, л. 169об.
43. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 24.
44. «И приидя в реку Неву, шатаясь как безумный, послал послов, загордясь, к князю Александру в Новгород, рече: “Если можешь противиться мне, то я здесь, уже пленю твою [землю]”». Лаврентьевская летопись, л. 168.
45. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 25—26.
46. Там же, с. 28.
47. Там же, с. 26.
48. Ливонская рифмованная хроника. *Atskanu hronika*. Riga. 1997, стихи 02204—02235.
49. ХЕШ Э. Восточная политика немецкого ордена в XIII веке. В кн.: Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб. 1995, с. 71.
50. В качестве примера можно упомянуть работы D. Nicolle, G. Stair Sainty, X. Бокмана, Э. Машке, Э. Лависса.
51. УРБАН В. Тевтонский орден. М. 2007, с. 65.
52. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 26.
53. Там же, с. 30.
54. КОСТОМАРОВ Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах. Книга 1. М. 1995, с. 117—118.
55. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 34.
56. ПСРЛ. Т. X. М. 2000, с. 229. Т. VIII. М. 2001, с. 221. Т. VI. Вып. 2. М. 2000, стб. 330. Т. XX. М. 2005, с. 356. Т. XXIII. М. 2004, с. 188. Т. XXIV. М. 2000, с. 208.
57. ДОЛГОВ В.В. Ук. соч., с. 34.
58. Там же, с. 20.
59. Там же, с. 20.
60. Деяния II Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви». М. 1923, с. 10.
61. Лаврентьевская летопись, л. 168об.

Алексей Алексеевич Брусилов и его учеба в Пажеском корпусе в 1867—1872 гг.

И.В. Объедков

Аннотация. В статье рассказывается о годах учебы известного русского полководца периода первой мировой войны А.А.Брусилова в Пажеском корпусе с 1867 по 1872 гг.

Пажеский корпус являлся привилегированным военно-учебным заведением, готовившим сыновей заслуженных родителей к офицерской службе, преимущественно в гвардии. В 1860-х гг., во время реформирования системы военного образования в России, корпус состоял из пяти общих классов, с учебной программой, соответствовавшей курсу обучения в военных гимназиях, а также — двух специальных классов, занимавшихся по программе военных училищ.

Недостаточно успешные результаты учебы в младшем специальном классе не позволили Брусилову перейти в старший специальный класс. В 1872 г. он был выпущен прапорщиком в 15-й Тверской драгунский полк.

Ключевые слова: генерал А.А. Брусилов, Пажеский корпус, учеба, преподаватели, одноклассники.

Abstract. Aleksei Alekseevich Brusilov was a well-known Russian general in World War I. The article is devoted to his school years. In 1867 A.A.Brusilov joined the imperial Corps of Pages in Saint-Petersberg. Page Corps was a military school in Imperial Russia, which prepared sons of the nobility and of the senior officers for military service. During the period of reforms of military schools in the 1860-s, the Page Corps was turned into a seven grade establishment. The first five grades being similar to military gymnasiums, and the other two being modelled after military colleges.

In 1872 on completion of the Corps programme, Brusilov sought admission to the advanced class for top ranking students, but unsuccessful, and instead was posted as ensign to the 15-th Tver Dragoon Regiment.

Key words: general A.A. Brusilov, Corps of Pages, study, tutors, classmates.

Жизнь и деятельность А.А. Брусилова неоднократно становились предметом изучения историков¹. Тем не менее, в биографии генерала продолжают оставаться белые пятна. Период учебы полководца в Пажеском корпусе освещен весьма скупо и только в его собственных воспоминаниях. Предлагаемая статья преследует цель восполнить этот пробел в биографии известного русского военачальника.

Объедков Иван Валентинович — кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: ksumballon@mail.ru.

Obiedkov Ivan V. — candidate of history, associate professor of Moscow City Teachers training University. E-mail: ksumballon@mail.ru.

При написании данной работы автор опирался преимущественно на документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), до настоящего времени не вводившиеся в научный оборот. Это приказы по военно-учебным заведениям, Пажескому корпусу, переписка директора корпуса с Главным управлением военно-учебных заведений (ГУВУЗ), классные журналы, аттестационные тетради, списки пажей, воспитателей и преподавателей, личная и семейная переписка, послужные списки отца, братьев и племянников Брусилова. Они сохранились в личном фонде Брусилова (ф. 162), в фонде Пажеского корпуса (ф. 318), Инспекторского департамента Военного министерства (ф. 395), и в фонде ГУВУЗ (ф. 725). В отдельных случаях привлекались документы из коллекции послужных списков (ф. 409), фондов Штаба Верховного Главнокомандующего (ф. 2003), и штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (ф. 2067).

Учеба Брусилова в Пажеском корпусе планировалась заранее. Еще в 1790—1796 гг. там обучался двоюродный брат его отца, известный писатель и журналист, а впоследствии — вологодский гражданский губернатор Н.П. Брусилов. Любопытно, что Николай Петрович учился там вместе с фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем, сумевшим приобрести личную дружбу императора Николая I. В петербургском шахматном собрании, располагавшемся в доме сенатора Д.О. Баранова, Н.П. Брусилов общался с влиятельными сановниками империи². За шахматной доской он наверняка встречался с врачом Александром Бланком — крестником хозяина дома и дедом В.И. Ленина по матери³. Отец будущего полководца Алексей Николаевич Брусилов, ветеран наполеоновских войн и Кавказской войны, имел право на зачисление сыновей в самое привилегированное военно-учебное заведение Российской империи⁴.

Прежде чем попасть в корпус, каждый юный дворянин должен был удостоиться зачисления в пажи императорского двора⁵. Скорее всего, эта сословная преграда была преодолена при помощи крестного отца Алексея — генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского, еще с 1830-х гг. входившего в ближайшее окружение Александра II⁶. 27 июля 1857 г. в приказе по военно-учебным заведениям № 2422 было объявлено распоряжение императора: «сыновей председателя полевого аудиториата Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанта Брусилова — Алексея и Бориса Брусиловых зачислить в пажи к высочайшему двору с внесением в список общих кандидатов Пажеского его императорского величества корпуса»⁷. С этого дня четырехлетний Алексей стал ожидать своей очереди на прием в корпус. Она продвигалась ежегодно по мере выпуска пажей в офицеры, и подошла только в 1867 г., за год до достижения Алексеем предельного для кандидатов 15-летнего возраста. К этому времени, оставшись круглым сиротой, он имел преимущество перед конкурентами⁸.

В мае 1867 г. Алексей вместе с дядей, Карлом Максимовичем Гагемейстером, приехал в Петербург. Он хорошо сдал экзамен по Закону Божьему и по иностранным языкам, однако по остальным предметам получил лишь удовлетворительные оценки. Его выручил средний балл по всем экзаменам, оказавшийся проходным. Приказ по корпусу № 159 от 7 июля 1867 г. объявил о повелении Александра II

зачислить Алексея на одну из августовских вакансий⁹. В послужном списке прапорщика Брусилова датой его зачисления в корпус отмечено 27 июля 1867 года¹⁰. На самом деле он был принят туда значительно позже. Учебный год начался 17 августа, но только 1 ноября 1867 г. директор Пажеского корпуса Д.Х. Бушен получил уведомление от генерал-майора Н.В. Корсакова: «Главный начальник военно-учебных заведений разрешил пажа Алексея Брусилова принять в 3-й класс вверенного Вашему превосходительству заведения»¹¹.

В 1860-х гг. Пажеский корпус наряду с сухопутными кадетскими корпусами, преобразованными в военные гимназии, подвергся реформированию. В 1868 г. новое Положение о корпусе нацелило его на подготовку «детей заслуженных родителей» к службе преимущественно в войсках гвардии¹². Полный курс обучения был рассчитан на 6 лет. Пажеский корпус состоял из четырех общих классов, «однородных по курсу с четырьмя высшими классами военных гимназий», и двух специальных, младшего и старшего, «однородных по курсу с таковыми же классами военных училищ»¹³. В 1867—1868 учебном году 2-го класса еще не было, и самым младшим классом корпуса был 3-й, куда и зачислили юного Брусилова¹⁴.

Осенью 1867 г. в общих классах корпуса насчитывалось 123 пажа, а в специальных — 34¹⁵. Пажи общих классов подразделялись на два возраста — младший и старший, а оба специальных класса считались ротой. В каждом классе, в зависимости от количества воспитанников, насчитывалось от одного до двух классных отделений. Ими руководили воспитатели, подчиненные директору корпуса. Они наблюдали за пажами, руководили их учебными занятиями во внеклассное время, заботились о снабжении своих воспитанников одеждой и классными принадлежностями, вели письменную отчетность о поведении и успеваемости пажей, сообщая обо всем их родственникам¹⁶.

Пажи имели право становиться офицерами, ограничивая свое образование младшим специальным классом, поэтому в нем было сосредоточено преподавание наиболее важных военных предметов. Его программа включала статистику, топографию, черчение, а также тактику, военную администрацию, артиллерию и фортификацию. В старшем специальном классе пажи изучали законоведение и приступали к практическим занятиям по химии, артиллерии и фортификации¹⁷.

Знания пажей оценивались по 12-балльной системе. По правилам, принятым в 1869 г., низшей удовлетворительной оценкой считалась «шестерка», однако для перевода в следующий класс требовалось иметь средний балл по всем предметам не ниже «семерки». При переводе в младший специальный класс допускалось получение неудовлетворительных «пятерок» по двум предметам за год, или даже «четверки» по одному, но при общем среднем балле не ниже восьми¹⁸.

Успехи в учебе определяли дальнейшую судьбу выпускников. После старшего специального класса они, распределенные по двум разрядам, выходили в гвардию или в армию. Пажи младшего специального класса, чьи успехи не давали им права перейти в старший класс, имели право на выпуск только в армию¹⁹.

2 ноября 1867 г. Алексей Брусиллов явился в корпус, и у него началась непривычная жизнь вдали от дома и родных, подчиненная строгому распорядку²⁰. В 6 час. утра он поднимался, в 6.45 пил ут-

ренный чай и повторял пройденное накануне. С 8 час. утра и до начала третьего пополудни шли занятия в классах, прерываемые завтраком в половине двенадцатого. В 15.45, после прогулки, подавался обед. Время с 16.30 до 18.45 посвящалось приготовлению уроков. С 19.00 до 21.00 Алексей имел возможность заниматься гимнастикой, танцами, строевой подготовкой или так называемыми «работами мастерства». В 21.30, после вечернего чая, он укладывался спать ²¹.

Ежегодно, в последних числах апреля, освоение учебной программы заканчивалось, и до конца мая пажи занимались повторением пройденного ²².

В младшем специальном классе можно было подниматься на 45 минут позже. После молитвы и утреннего чая Алексей прослушивал три часовые лекции с пятиминутными перерывами. В половине двенадцатого, позавтракав, он отправлялся на две последние лекции. Затем два часа в день отводились «фронтным учениям» и спортивным занятиям — гимнастикой (военной и шведской), фехтованием, и верховой ездой ²³. «Фронтные учения» включали изучение уставов — строевых, дисциплинарного и устава гарнизонной службы. Фехтовать Алексею удавалось только по средам и всего по одному часу, поскольку в Пажеском корпусе не было штатного учителя фехтования. Обучение пажей верховой езде также было сопряжено с неудобствами. В 1871—1872 учебном году корпус еще не имел ни своего манежа, ни лошадей. По расписанию пажи младшего специального класса должны были ездить верхом по одному часу три раза в неделю. Для этого, как вспоминал Брусиллов, ему вместе с одноклассниками приходилось посещать придворный манеж и пользоваться лошадьми императорской свиты ²⁴. Вечером, около половины пятого, пажи младшего класса обедали, а затем до 21.00 совершали прогулку и готовили домашние задания. В половине десятого пили чай, а в 22.00 ложились спать. Желавшие могли заниматься до 23.00 ²⁵.

Переступив порог Пажеского корпуса, Алексей впервые окунулся в военную среду, в ее повседневный быт. И хотя жизнь младших классов была еще мало похожа на армейские будни, ожидавшие его впереди, она все же была далека от той, к которой он привык в доме дяди и тетки в Кутаисе. Здесь он впервые надел военную форму, а 1 марта 1868 г. директор корпуса Д.Х. Бушен приказал нашить на куртку пажа Алексея Брусиллова первые в его жизни погоны ²⁶. Князь П.А. Кропоткин, учившийся в Пажеском корпусе десятью годами ранее, вспоминал, что погоны давались не сразу, а лишь «после того, как новичок получит некоторое представление о фронтной службе» ²⁷. Поступив в младший специальный класс, Брусиллов получил право носить холодное оружие, «чем мы, мальчишки, — вспоминал он, — несколько гордились» ²⁸.

Пажеский корпус представлял собой закрытое учебное заведение. Воспитанники учились и жили в его стенах, и лишь немногие экстерны приходили туда только на занятия ²⁹.

Для обслуживания пажей в корпусе состояло 14 лакеев. Они круглосуточно дежурили в жилых помещениях, застилали и убирали постели воспитанников, прислуживали им в столовой, занимались уборкой и мелким ремонтом одежды. Лакеи подчинялись дежурным унтер-офицерам (дядькам) — помощникам офицеров-воспитателей.

Унтер-офицеры следили за порядком во время классных занятий и приготовления уроков, за сохранностью вещей, водили пажей на прогулки³⁰.

Пажи младших классов могли покидать корпус как правило на выходной день до воскресного вечера и только в сопровождении взрослых. Пажи 5-го и 6-го классов увольнялись в отпуск без провожатых, но лишь к родным или к тем лицам, о которых корпусному начальству было известно от родителей или опекунов воспитанников³¹. Пажи специальных классов, в зависимости от оценки их поведения, могли увольняться в отпуск до четырех раз в неделю³². Кроме того, пажи увольнялись из корпуса на рождественские, пасхальные и летние каникулы. В отпуск Брусилов ходил к двоюродному брату К.М. Гагемейстера — директору департамента уделов графу Юлию Ивановичу Стембоку. Алексею посчастливилось увидеть заходивших туда по воскресеньям писателей Д.В. Григоровича и Ф.М. Достоевского³³.

Для пажей устраивались познавательные экскурсии. В начале марта 1868 г. пажи третьего класса, в котором учился Брусилов, посетили Публичную библиотеку, Монетный двор и музей Академии Наук³⁴.

Зачастую в Пажеском корпусе учились сразу несколько представителей одной семьи. Многие пажи доводились друг другу двоюродными и троюродными братьями. Пажи 5 — 6 классов могли общаться со своими братьями, зачисленными в младшие классы, каждый вечер с 20.00 до 20.30 в течение первого месяца. По его истечении встречи ограничивались средами и пятницами, но в экстренных случаях можно было получить разрешение на короткую встречу у дежурного по роте или у воспитателя³⁵. В приказе по корпусу № 165 от 15 июля 1869 г. говорится о распоряжении императора «зачислить на открывшиеся вакансии в Пажеский корпус... Бориса и Льва Брусиловых»³⁶. Борис был переведен в корпус 19 августа 1869 г. из 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. С 21 августа 1869 г. приказом по корпусу № 183 Алексею предписывалось именоваться Брусиловым 1-м, а Борису — Брусиловым 2-м³⁷.

Образование Бориса Алексеевича в Пажеском корпусе ограничилось учебой в общих классах. В 1874 г. он был уволен из корпуса и поступил на службу унтер-офицером. В 1876 г. он окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, а в 1888 г. — курс отдела верховой езды и выездки Офицерской кавалерийской школы с отличием. После участия в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и в Закаспийской экспедиции 1880—1881 гг. генерала М.Д. Скобелева он в 1889 г. оставил военную службу. Своего сына Алексея Борисовича он назвал в честь старшего брата. 29 июня 1904 г. генерал-майор А.А. Брусилов приехал в Звенигородский уезд Московской губернии, где в Христорождественской церкви села Филатово стал крестным отцом новорожденного племянника. После начала первой мировой войны Алексей Алексеевич попросил оставшегося в тылу брата стать своим душеприказчиком. Борис Алексеевич с готовностью согласился. «Иди спокойно на борьбу с нашим исконным врагом» — написал он 25 июля 1914 года³⁸.

Лев Брусилов не прибыл на учебу ни в 1869, ни в 1870 году. Он числился пажом императорского двора и кандидатом на зачисление в Пажеский корпус вплоть до конца декабря 1871 г., а возможно и дольше. В 1875 г. он начал службу на Черноморском флоте. Лев Алексеевич участвовал в Русско-японской войне, командуя крейсером

«Громобой». В 1906—1908 гг. он возглавлял Морской Генеральный Штаб ³⁹. Адмирал А.В. Колчак считал этот период единственным в истории русского флота, когда МГШ работал совместно и согласованно с сухопутным ⁴⁰. Сын вице-адмирала Л.А. Брусилова Георгий стал известным полярным исследователем. Именно он послужил писателю В. Каверину прототипом капитана Татарина в романе «Два капитана». Последнее плавание лейтенанта Г.Л. Брусилова на шхуне «Святая Анна» было связано с делами его дяди Бориса Алексеевича. «Наше коммерческое предприятие, — писал тот А.А. Брусилову в действующую армию 21 сентября 1915 г., — конечно не удалось, но сам Юра с остатком экипажа, быть может, вернется и в его лице фамилия наша прибавит лишний лавровый венок» ⁴¹.

Почти одновременно с братьями Брусиловыми в Петербурге, в Смольном институте воспитывались их племянницы, дочери их старшего сводного брата, командира 84-го пехотного Ширванского полка Николая Алексеевича Брусилова ⁴². Наталия Николаевна, родившаяся в 1857 г., окончила курс в 1873 году. Варвара Николаевна была на два года моложе сестры и окончила институт позже. В декабре 1914 г. ее сын, Николай Шинкаренко, воевавший в Карпатах, написал Алексею Алексеевичу: «Я... хотел бы, чтобы война длилась еще хоть десять лет... По-моему, на войне так много хорошего, что теневые ее стороны искупаются с избытком» ⁴³. Своего племянника генерал-майора Бориса Николаевича Брусилова зимой 1915 г. Алексей Алексеевич устроил на службу в Петроградскую военно-цензурную комиссию ⁴⁴.

Материальное положение Алексея Брусилова и его братьев было достаточно обеспеченным. До смерти отца семья жила на его генеральское жалование, составлявшее 4092 руб. серебром в год. Недвижимости или владений, унаследованных, либо приобретенных самостоятельно у А.Н. Брусилова не было. По выслуге лет он имел право на ежегодную пенсию в размере 1145 руб. серебром, которая и была предоставлена его вдове Марии-Луизе Антоновне и троим сыновьям. В обход законодательства, сославшись на имевшие место прецеденты, крестный отец юного Алексея — главнокомандующий Кавказской армией генерал-фельдмаршал князь Барятинский добился увеличения этой суммы до двух тысяч рублей. Ее выплата предусматривалась вплоть до зачисления мальчиков на казенное содержание в военно-учебные заведения или до достижения ими совершеннолетия ⁴⁵.

Безвременная смерть Марии-Луизы Антоновны в марте 1860 г. повлекла за собой сокращение пенсии, причитавшейся сиротам, до одной тысячи рублей. Усыновившая племянников ее сестра Генриэтта Антоновна безрезультатно пыталась добиться сохранения выплаты мальчикам двух тысяч. Поступление Алексея в Пажеский корпус грозило урезать получаемую пенсию до 666 руб. 66 копеек. В связи с этим 15 января 1867 г. Генриэтта Антоновна обратилась за помощью к наместнику Кавказскому и командующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу, поддержавшему ее ходатайство. В феврале 1868 г. Александр II разрешил сохранить выплату младшим братьям тысячи рублей без вычета доли Алексея, принятого на казенное содержание в Пажеский корпус ⁴⁶. Хотя содержание каждого пажа ежегодно стоило казне одну тысячу рублей ⁴⁷, в мае

1868 г. Александр II разрешил продолжение выплаты Борису и Льву Брусиловым по 500 руб. до их поступления на учебу. В сентябре 1868 г. Борис Брусилов был зачислен на казенный счет во 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию и потерял право на свою долю отцовской пенсии ⁴⁸.

Усыновившие троих племянников инженер-подполковник Корпуса путей сообщения Карл Максимович Гагемейстер и его жена Генриэтта Антоновна были состоятельными людьми. Алексей Алексеевич вспоминал, как они жили на широкую ногу в Кутаисе, славясь своим гостеприимством ⁴⁹. Архивные документы свидетельствуют о наличии в 1907 г. в совместном владении троих братьев Брусиловых родового имения размером в 500 десятин земли в Сухумском уезде Кутаисской губернии, несомненно, унаследованного от дяди и тетки ⁵⁰.

Отзывы воспитателей сохранили для потомков образ юного Алексея Брусилова. «Характера резвого и даже шаловливого, но добр, прямодушен и чистосердечен. Никогда не скрывает своих дурных сторон и не хвалится хорошими, как к своей, так и к чужой собственности имеет полное уважение, к одежде всегда опрятен и бережлив. В разговорах несколько грубоват и резок, развит хорошо». Таким увидел своего воспитанника штабс-капитан С.В. Песков в 1867—1868 учебном году ⁵¹.

К 15 годам, перейдя в 4-й класс, Алексей «несколько сдержаннее стал в разговорах» ⁵², но затем начались проблемы переходного возраста. Сменивший Пескова в октябре 1868 г. майор Н.С. Покровский отмечал, что мальчик стал «болезненно вял» и «беспричинно скучает». Тем не менее, и он отмечал хорошие свойства натуры Брусилова: «в поступках прям и верен самому себе, благоразумен и потому сговорчив, когда говоришь с ним о его заблуждениях — его трудно заставить, но легко убедить. Добр — простит обиду и поможет». Единственным недостатком, носившим временный характер, майор Покровский считал наличие у своего подопечного «ложных представлений об отношениях с товарищами». В начале 1870 г. Алексей начал курить «и вошел в товарищеский кружок шалунов». Отношения с воспитателем стали менее доверительными: «откровенность стал употреблять как средство выиграть прощение после проступка» ⁵³.

Будущий полководец в отрочестве не отличался крепким здоровьем. Покровский был недоволен частым пребыванием Алексея Брусилова в лазарете. Вероятно, после детства, проведенного на Кавказе, акклиматизация в Петербурге далась ему непросто. Едва успев приступить к занятиям в Пажеском корпусе 13 ноября 1867 г. Алексей на девять дней отправился в корпусной лазарет. В течение своего первого учебного года Брусилов провел там 51 день, причем особенно долго, почти весь апрель, он болел весной 1868 года. В следующем учебном году он уже провел в лазарете всего несколько дней но, перейдя в 5-й класс, опять зачастил туда. В младший специальный класс 18-летний Алексей поступил уже окрепшим, и за всю осень 1871 г. не посетил лазарет ни разу ⁵⁴. Газовое освещение, применявшееся в Пажеском корпусе, портило зрение воспитанникам. То один, то другой паж получал разрешение носить очки. Не избежал этого и Алексей. 3 марта 1869 г. приказом по корпусу № 62 было разрешено «вследствие отзыва старшего врача... пажу Брусилову 1-му по слабос-

ти зрения носить консервы во время классных занятий»⁵⁵. Учился Брусилов, по его собственному признанию, неровно: «те науки, которые мне нравились, я усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только слегка подучивал, чтобы перейти в следующий класс: самолюбие не позволяло застрять на второй год»⁵⁶.

За период с ноября 1867 по май 1868 г. воспитатель Брусилова штабс-капитан Песков отметил в его аттестационной тетради: «Способности... хорошие, но любит лениться, а потому успех только что порядочный». Майор Покровский по итогам следующего учебного года также охарактеризовал Алексея как пажа «хорошо развитых способностей», заметив при этом: «успевает едва удовлетворительно, потому что не приохочен к труду». В ноябре 1869 г., когда Брусилов начал свой третий учебный год в Пажеском корпусе, Покровский записал в аттестационной тетради, что он «занимается очень слабо». Вторая половина учебного года в 5-м классе не принесла изменений к лучшему. К неудовольствию воспитателя, Алексей с января по апрель 1870 г. оказывался «очень часто в лазарете и потому значительно отстал, да притом, — сетовал Покровский, — и продолжает лениться»⁵⁷.

Успехи Алексея и в самом деле выглядели не блестяще. В 4-й класс он был переведен позже остальных пажей своего отделения, только 21 августа 1868 г., после переэкзаменовки, в начале нового учебного года. Точно так же сложились обстоятельства перевода будущего полковника в 5-й класс в 1869 году⁵⁸. Перейти в 6-й класс Брусилову не удалось. Согласно версии, изложенной в его воспоминаниях, не выдержав экзамена и не захотев оставаться на второй год, он взял годичный отпуск и уехал к родным на Кавказ. Через год он вернулся и, минуя 6-й класс, сдал вступительные экзамены прямо в младший специальный⁵⁹.

Действительно, Алексей Брусилов не упомянут в приказе по корпусу № 183 от 18 августа 1870 г. ни среди пажей, сдававших экзамены повторно, ни среди пажей, оставленных на второй год⁶⁰.

Законодательство позволяло пажам брать годичные отпуска для излечения хронических заболеваний. После выздоровления они могли вернуться в корпус и, не сдавая экзаменов, возобновить учебу в том же классе, из которого были отчислены⁶¹. 20 августа 1870 г. приказом № 185 Алексею Брусилову был разрешен «для излечения болезни отпуск сроком на один год»⁶².

Обстоятельства возвращения Брусилова в корпус не соответствуют версии, изложенной в его мемуарах. На обороте «Списка VI общего класса I отделения Пажеского е.и.в. корпуса с баллами за месяцы октябрь, ноябрь и по 22 декабря курса 1870-71 учебного года» сделана карандашная помета, подтверждавшая его пребывание в годовом отпуске. Однако в приказе по корпусу № 169 от 15 августа 1871 г. Брусилов не назван среди пажей, выдержавших экзамен для перевода из 6-го класса в младший специальный. Приказ № 173 от 19 августа 1871 г. свидетельствует о переходе в младший специальный класс после переэкзаменовки только одного пажа, но отнюдь не Брусилова⁶³. В «Таблице № 1» к «Отчету по учебной части за 1871/72 учебный год» отмечена успешная сдача вступительных экзаменов в этот класс еще

одним претендентом, но опять не Брусилowym. Таким образом, принятый в этот класс Брусилow не сдавал никаких экзаменов. Тем не менее, в «Алфавитном списке камер-пажам и пажам специальных классов Пажеского корпуса» указана дата зачисления туда Алексея — 16 августа 1871 года ⁶⁴. К занятиям он приступил 1 сентября. В более позднем Алфавитном списке без комментариев зафиксировано, что Брусилow в 1870 г. был уволен из корпуса, пропустил следующий учебный год и в 1871 г. был принят сразу в младший специальный класс ⁶⁵.

Слабая мотивация к учебе была распространенным явлением среди его одноклассников. Переэкзаменовки при переходе из класса в класс, оставление на второй год, зачисление в разряд «неудовлетворительных» или даже «дурных» по поведению, были частым явлением. Многие выпускники общих классов в 1860-х гг. теряли интерес к военной службе и не стремились учиться дальше. Вследствие этого ГУВУЗ облегчило молодым дворянам поступление в специальные классы корпуса ⁶⁶. Решение о продолжении учебы воспитанниками принимал Педагогический комитет Пажеского корпуса на основании правил оценки ответов и перевода пажей общих классов в специальные классы, объявленных приказом № 223 от 30 сентября 1869 года. При отсутствии неудовлетворительных оценок и получении среднего балла не ниже шести, комитет, с согласия директора, мог зачесть Брусилowу перевод в 6-й класс. Еще более щадящими стали условия перевода в младший специальный класс, допускавшие наличие даже одной, а при высоком среднем балле и двух неудовлетворительных оценок ⁶⁷. Однако отсутствие в приказах по корпусу сведений о сдаче Брусилowym экзаменов по учебной программе 6-го класса заставляет предположить вмешательство в судьбу молодого человека влиятельных покровителей. Он и на этот раз мог рассчитывать на содействие главного начальника военно-учебных заведений великого князя Михаила Николаевича ⁶⁸.

Результаты учебы Алексея в младшем специальном классе оказались недостаточно успешными. Он сумел получить 9 баллов по некоторым основным предметам — тактике, военной администрации и законоведению, но по математике у него было только 7 баллов, по артиллерии и фортификации — всего по 6, а по топографии и вовсе 5 баллов. 12 баллов по иностранному языку и 10 по русскому спасти положения не могли ⁶⁹. Единственная неудовлетворительная оценка по топографии не позволяла Брусилowу перейти в старший специальный класс. В связи с этим встал вопрос о выпуске молодого человека в офицеры.

Падение интереса дворянской молодежи к профессии офицера побудило ГУВУЗ облегчить пажам получение офицерского чина. В марте 1866 г. Александр II утвердил правило, разрешавшее выпуск в офицеры пажей младшего специального класса, не выдерживавших переводные экзамены в старший. В приказе по корпусу № 229 от 2 октября 1868 г. указано, что Педагогический комитет сопоставил программы младшего специального класса и старшего класса юнкерских училищ и нашел их в основном идентичными. В связи с этим, комитет постановил объявить пажам, не намеренным учиться в старшем специальном классе, условия их выпуска в офицеры. От пажей требовалось иметь общий средний балл по всем предметам не ниже

семи. При этом по каждому специальному предмету (тактике, военной администрации, артиллерии, фортификации, топографии и математике) нужно было получить оценку не ниже шести. Среди оценок по остальным предметам допускалось получение одной неудовлетворительной ⁷⁰.

30 июня 1872 г. помощник главного начальника военно-учебных заведений генерал-лейтенант Н.В. Корсаков написал заведывавшему Пажеским корпусом П.И. Мезенцову: «Из числа пажей, выпускаемых в офицеры из младшего специального класса, у Брусилова 5 баллов по топографии и съемке... По закону, не удостоенным перевода в старший специальный класс предоставляется держать экзамен из военных наук по программе старшего класса юнкерских училищ, по выдержании которого они производятся в офицеры армии» ⁷¹. Однако, как указывал Корсаков, «по правилам, существующим для юнкерских училищ, выдержавшими экзамен считаются получившие в среднем выводе не меньше 7 баллов, особо по общим и особо по специальным предметам, не менее 7 баллов из тактики, уставов, начальной военной администрации и русского языка... и не менее 5 баллов только в двух других предметах». Хотя важнейшим предметом для кавалерийских офицеров Корсаков назвал иппологию, ее преподавание в старшем специальном классе планировалось ввести только в 1872—1873 учебном году ⁷². Очевидно Брусилову, получившему средний балл по главным предметам — 7,3 и средний балл по всем предметам — 8,1, никаких дополнительных экзаменов сдавать не пришлось ⁷³.

10 июня 1872 г. Алексей Брусилов был включен в список пажей, представленных к производству в офицеры ⁷⁴. Воспоминания Алексея Алексеевича о нехватке материальных средств, необходимых для службы в гвардейских полках, вводят читателей в заблуждение. Результаты учебы оставляли ему возможность выпуска только по 2-му разряду со старшинством в чине, ставившим молодого прапорщика позади выпускников любых провинциальных юнкерских училищ. Это закрывало ему доступ в гвардию, но сохраняло за новоиспеченным офицером право самостоятельного выбора полка, а значит и местности, где он хотел служить ⁷⁵. По совету дяди и тетки, Алексей выбрал 15-й драгунский Тверской, его императорского высочества великого князя Николая Николаевича старшего полк, квартировавший неподалеку от Кутаиса в Тифлисской губернии, в урочище Царские колодцы ⁷⁶. 17 июля 1872 г. на военном поле в Красном Селе, у Царского валика, где во время маневров обычно ставился императорский шатер, Александр II поздравил Брусилова и его товарищей с производством в офицеры ⁷⁷. С 25 июля Брусилов, как и все остальные, получил 28-дневный отпуск, после которого молодой прапорщик должен был явиться в свой полк. Взяв причитающиеся ему после выпуска 225 руб. и подорожную, Алексей отбыл на Кавказ ⁷⁸.

Качество образования воспитанников Пажеского корпуса обеспечивалось его преподавательским составом. Он состоял из двух групп — штатных и частных, то есть совместителей или почасовиков, приглашенных из других учебных заведений. Из 34 преподавателей, работавших в Пажеском корпусе в 1871—1872 учебном году, последнем в пажеской жизни Брусилова, лишь трое военных и семеро штатских числились в его штате. Таким образом, штатные сотрудники составляли менее трети всего педагогического коллектива.

Уровень их компетентности был неодинаковым. Самым низким был уровень штатных преподавателей — офицеров. Из трех человек высшее образование имел лишь один ⁷⁹.

Наиболее компетентными были штатные преподаватели в гражданских чинах. Почти все они имели высшее образование, и около половины из них обладали учеными степенями. Среди них были выпускники Петербургского университета, Одесского Ришельевского лицея, Нежинского лицея князя Безбородко и других высших или приравненных к ним учебных заведений. Преподаватель французского языка статский советник А.И. Флинт получил образование в Коллеж де Франс в Париже. В декабре 1868 г. в Пажеском корпусе начал преподавать историю выпускник Петербургского университета коллежский ассессор Рудольф Игнатъевич Менжинский ⁸⁰. В 1926 г., после смерти Брусилова, его сын Вячеслав занял пост председателя ОГПУ ⁸¹. Вероятно, именно это помогло вдове Брусилова Н.В. Желиховской получить разрешение на выезд в Чехословакию в конце 1920-х годов.

Большинство штатных преподавателей Пажеского корпуса имели дополнительный заработок на стороне. Офицеры преподавали точные науки в Николаевском кавалерийском училище и в институте Корпуса инженеров путей сообщения. Штатские вели занятия по гуманитарным предметам в Николаевской академии Генерального штаба, в Академии Художеств и в других учебных заведениях ⁸².

Среди частных преподавателей высшее образование имели только две трети педагогов.

Это были офицеры в основном с высшим военным или университетским образованием. Они приезжали в Пажеский корпус из академии Генерального Штаба, Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной академий, а также из Николаевского кавалерийского и Павловского военного училищ. Среди них были и практикующие профессионалы. Один из преподавателей тактики полковник К.В. Левицкий служил начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, которой Брусилову предстояло командовать в будущем. При всей своей занятости Левицкий успевал преподавать и в Академии Генерального штаба, где служил правителем дел его коллега — преподаватель статистики полковник Н.П. Глиноецкий ⁸³.

Частные преподаватели в штатских чинах приглашались в Пажеский корпус из разных учебных заведений. Одни приезжали из престижных петербургских военных училищ — Николаевского кавалерийского, Павловского, Константиновского артиллерийского и даже из Морского корпуса. Другие — из Императорского Александровского лицея, Александровского женского училища при Смольном монастыре, института Корпуса инженеров путей сообщения, военных и гражданских гимназий ⁸⁴. Многие преподавали одновременно в двух, трех, и даже четырех учебных заведениях, что было в Петербурге обычным делом.

2 апреля 1916 г. Брусилову, назначенному главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, послал пасхальное поздравление «чуть ли не единственный оставшийся в живых воспитатель Пажеского корпуса», известный педагог А.Н. Острогорский, служивший в классе, где тот учился. Если бы преподаватели и воспитатели корпуса

были живы, писал Острогорский, они называли бы генерала «нашим Брусиловым» и гордились его делами в Карпатах. Растроганный Брусилов сделал на письме помету: «Ответить!»⁸⁵

Объективную оценку преподавательскому составу Пажеского корпуса дал русский военный министр А.Ф. Редигер, учившийся классом старше Брусилова. Педантичный и злопамятный, отказавшийся в 1910 г. участвовать в праздновании 50-летнего юбилея педагогической работы Р.И. Менжинского, Редигер все же отметил: «начальство и преподаватели были хороши»⁸⁶.

Пажеский корпус давал возможность получить не только хорошее образование. Там учились представители знатных и заслуженных фамилий Российской империи. За время совместной учебы завязывалась дружба, приобретались связи, игравшие важную роль в дальнейшей жизни молодых людей. Среди одноклассников Брусилова преобладали дворяне Санкт-Петербургской губернии. Близость к императорскому двору облегчала им начало служебной карьеры. Половина этих мальчиков была принята в корпус либо сразу после зачисления в ряды пажей императорского двора, либо через год или два⁸⁷.

Лучшим другом Алексея Брусилова стал старший сын петербургского обер-полицмейстера, раненного в 1878 г. Верой Засулич, Фёдор Трепов-младший. Его родители владели в общей сложности 2310 десятинами земли, усадьбой в Полтавской губернии и собственным домом в Киеве. Во владениях Треповых трудились 358 временнообязанных крестьян. Ф.Ф. Трепов окончил полный курс обучения в Пажеском корпусе в 1873 г. и вышел корнетом в Лейб-гвардии Конный полк⁸⁸. В феврале 1916 г. Брусилов писал жене: «Фёдор Фёдорович Трепов... действительно большой и настоящий друг с детства, вроде брата»⁸⁹. Пути друзей вновь пересеклись после назначения Брусилова главкоюзом. Поздравляя его, Трепов писал: «Дорогой друг, Алексей Алексеевич! От всей души приветствую твое назначение... По братски лобзаю тебя и люблю всем сердцем»⁹⁰. После прорыва австро-венгерского фронта армиями Брусилова в июле 1916 г. Трепов возглавил русскую администрацию, управлявшую областями Австро-Венгрии, «занятыми по праву войны»⁹¹.

Жандармский генерал В.Д. Новицкий, лично знавший Трепова-младшего, вспоминал, что тот никогда не читал даже газет. Он ссылался также на мнение киевского генерал-губернатора А.П. Игнатьева, считавшего Трепова человеком глупым⁹². Тем не менее, только Октябрьская революция развела друзей по разные стороны баррикад. Фёдор Фёдорович умер в Ницце, пережив Брусилова на 12 лет.

С братом Трепова Дмитрием, который был моложе его на два года, Брусилов вряд ли был так же близок. В 1867—1868 учебном году братья Треповы учились с ним в одном классе. Затем Дмитрий остался на второй год, и совместная учеба с Брусиловым его уже не связывала⁹³. Не исключено, что они общались позже, когда в 1905 г. Д.Ф. Трепов был назначен петербургским генерал-губернатором, а затем и товарищем министра внутренних дел, получив от Ленина характеристику одного из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма⁹⁴.

1 ноября 1867 г., днем раньше Брусилова, к занятиям в Пажеском корпусе приступил Владимир фон дер Лауниц, тоже оказавшийся в одном классе с будущим полководцем. Как и Брусилов, он вы-

шел в офицеры по окончании младшего специального класса, но годом позже ⁹⁵. В январе 1907 г., находясь на посту петербургского градоначальника, он был застрелен террористом ⁹⁶.

Некоторое время вместе с Брусиловым учился Александр Безобразов — один из самых богатых его одноклассников. За его отцом числилось 3529 временнообязанных крестьян в пяти губерниях и каменный дом в Петербурге. Александр начал учебу в Пажеском корпусе в сентябре 1869 г., закончил старший специальный класс и летом 1873 г. был выпущен корнетом в Кавалергардский полк ⁹⁷. В феврале 1872 г. Безобразов стал жертвой проявления в корпусе «цука», или «дедовщины». 17 февраля 1871 г. он выразил сочувствие своему однокласснику и приятелю Брусилова Николаю Баумгартену в связи с незаслуженной поркой, устроенной тому пажами старшего специального класса. Безобразову в кровь разбили лицо, но на следующий день петербургский полицеймейстер Трепов-старший доложил об избиении Александру II. После этого старший специальный класс лишился отпусков на весь великий пост, а двое наиболее активных участников происшествия были отчислены из корпуса ⁹⁸. Вершиной карьеры Безобразова стало его назначение в 1903 г. статс-секретарем. Он вошел в историю как лидер группы сподвижников Николая II, виновных в развязывании Русско-японской войны 1904—1905 годов ⁹⁹.

Попав в Пажеский корпус, Брусилов сразу же познакомился с Д.С. Сипягиным, одним из немногих пажей, чье поведение оценивалось как «дурное». Закончить корпус вместе с одноклассниками он не смог ¹⁰⁰. Став в 1899 г. министром внутренних дел, Сипягин был убит в 1902 г. эсером С.В. Балмашевым. Любопытно, что убийца был другом детства видного большевика А.И. Рыкова ¹⁰¹.

Одноклассник Брусилова Алексей Викторович Родионов, донской казак, выпущенный в лейб-гвардии Казачий полк, в 1904—1907 гг. служил командиром этого полка. В 1916 г. в письме Брусилову он подписался как «старый, верный, гордый дружкой с тобою однокашник» ¹⁰². Его родственник военный писатель Иван Александрович Родионов в 1915—1917 гг. служил под командованием Брусилова главным редактором газеты штаба Юго-Западного фронта «Армейский вестник» ¹⁰³.

Из пажей старшего специального класса в круг общения Брусилова входил Павел Владимирович Родзянко, выпущенный в июле 1872 г. в Кавалергардский полк. Его семья владела в Екатеринославской губернии 17 тыс. десятин земли, на которых работали 1040 временнообязанных крестьян ¹⁰⁴. В феврале 1915 г. его сын, участник V Олимпийских Игр в Стокгольме, полковник Александр Павлович Родзянко, напоминая о предварительной договоренности, просился на службу к Брусилову в 8-ю армию ¹⁰⁵. Младший брат Родзянко Михаил Владимирович в дни Февральской революции возглавил Временный комитет членов Государственной Думы. После отречения Николая II М.В. Родзянко, поддержанный большинством членов этого комитета, выдвинул кандидатуру Брусилова на пост Верховного главнокомандующего. Из-за противодействия военного и морского министра А.И. Гучкова это назначение состоялось только в мае 1917 года ¹⁰⁶.

Среди других пажей старшего специального класса выделяется фигура Александра Фёдоровича Редигера, занимавшего в 1905—1909 гг. пост военного министра. Он оказался единственным пажом кроме Бру-

силова, написавшим интересные воспоминания. Если Брусилов посвятил Пажескому корпусу всего несколько строк, а об одноклассниках и преподавателях не написал вообще ничего, то Редигер уделил окружающим его людям много внимания. Мемуаристы не вспомнили друг о друге, хотя 9 ноября 1871 г. камер-паж Редигер был дежурным по старшим классам, а паж Брусилов — одним из дневальных ¹⁰⁷.

Не позднее июля 1872 г. состоялось знакомство Брусилова с великим князем Николаем Николаевичем-младшим. Во время летних маневров в Красном Селе князь, 15-летний прапорщик лейб-гвардии Литовского полка, был прикомандирован к учебному батальону, в котором оказались выпускники Пажеского корпуса ¹⁰⁸. Это знакомство способствовало успешной карьере Брусилова. Только поддержка великого князя Николая Николаевича могла позволить ему стать в 1902—1906 гг. начальником Офицерской кавалерийской школы, а в 1906—1912 гг. — начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Очевидно, Николай Николаевич повлиял на решение верховного главнокомандующего императора Николая II назначить Брусилова главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Узнав о своем назначении, Алексей Алексеевич 23 марта 1916 г. телеграфировал великому князю: «Бесконечно обрадован высокомиловидным вниманием и лаской Вашего императорского высочества» ¹⁰⁹.

Знатность родословной, восходившей к польско-украинскому воеводе XVII в. Адаму Киселю, и семейная традиция, начатая Н.П. Брусиловым, позволили юному Алексею претендовать на элитное военное образование. Главную роль в его получении сыграли генеральский чин, высокая должность и боевые заслуги его отца в совокупности с усилиями родственников и друзей семьи.

Сиротство Алексея позволило ему воспитываться в Пажеском корпусе за казенный счет. Это отнюдь не означало его бедности. Земельные владения усыновивших его супругов Гагемейстер, были не самыми крупными, но и не самыми мелкими по сравнению с недвижимой собственностью родителей его одноклассников.

Образование, полученное Брусиловым в Пажеском корпусе, можно назвать элитным лишь условно.

Профессионализм его преподавателей не вызывает сомнений. Но они вовсе не были узкой корпоративной группой специалистов, монополизировавших качество образовательных услуг закрытого учебного заведения. На самом деле, в подавляющем большинстве они являлись штатскими людьми, типичными представителями сообщества петербургских преподавателей, перемещавшихся в соответствии с расписанием, из одного учебного заведения в другое. В военных и гражданских, сухопутных и морских, мужских и женских, технических и гуманитарных учебных заведениях столицы могли преподавать практически одни и те же люди.

Объем знаний, полученных Брусиловым, не превышал учебной программы юнкерских училищ, готовивших офицеров в провинции из молодых людей с незаконченным средним образованием и уступавших престижным военным училищам Москвы и Петербурга. Это не позволило ему закончить полный курс Пажеского корпуса, а в дальнейшем — получить высшее военное образование в академии Генерального Штаба.

Кавалерийская подготовка Брусилова по части фехтования, верховой езды, а также иппологии, была недостаточной. Вероятно, ограниченный кавалерийский потенциал Пажеского корпуса повлиял на решение Бориса Алексеевича Брусилова завершить профессиональную подготовку в Ставропольском казачьем юнкерском училище¹¹⁰. Учитывая опыт младших братьев, Николай Алексеевич Брусилов, подавший документы своего сына Бориса в Пажеский корпус, изменил выбор в пользу не менее престижного, но более практичного Николаевского кавалерийского училища¹¹¹.

Главным приобретением Брусилова в Пажеском корпусе стали прочные связи с будущими военными и государственными деятелями России. Будущий военачальник сумел их сохранить и использовать. Это не умаляет личных достоинств и способностей Брусилова, неоднократно отмечавшихся его воспитателями. Пример успешной службы братьев и племянников, дослужившихся до генеральских и адмиральских чинов, позволяет говорить о масштабном личном вкладе Алексея Алексеевича как представителя семьи Брусиловых в историю российской армии.

Примечания

1. ГОЛИКОВ А.Г. Генерал А.А. Брусилов: страницы жизни и деятельности. — Новая и новейшая история. 1998, № 4, с. 147—169; НЕЛИПОВИЧ С.Г. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 г.: война на самоистощение? — Отечественная история. 1997, № 2, с. 40—50; ПОРТУГАЛЬСКИЙ Р.М., АЛЕКСЕЕВ П.Д., РУНОВ В.А. Генерал от кавалерии А.А. Брусилов. В кн.: Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М. 1984, с. 114—158; РОСТУНОВ И.И. Генерал Брусилов. М. 1964; СЕМАНОВ С.Н. Генерал Брусилов. М. 1986; СОКОЛОВ Ю.В. Красная звезда или крест? (Жизнь и судьба генерала Брусилова). М. 1994.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 318, оп. 1, д. 3906, л. 33об.—34; Русский биографический словарь. Т. 3. СПб. 1908, с. 387; Русские писатели: 1800—1917: биографический словарь. Т. 1. М. 1989, с. 331.
3. ШТЕЙН М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб. 1997, с. 14—18.
4. РГВИА, ф. 395, оп. 165, д. 425, л. 7—13; ф. 14719, оп. 2, д. 888, л. 17; Свод военных постановлений (СВП), 1838 г., ч. I, кн. III, ст. 672.
5. СВП. 1838 г., ч. I, кн. III, ст. 691.
6. МУХАНОВ В.М. Князь Александр Иванович Барятинский. — Вопросы истории. 2003, № 5, с. 62—63.
7. РГВИА, ф. 725, оп. 56, д. 30, л. 186.
8. СВП. 1838 г., ч. I, кн. III, ст. 690, 693, 695; РГВИА, ф. 395, оп. 165, д. 425, л. 33об.
9. БРУСИЛОВ А.А. Мои воспоминания. М. 2005, с. 16; РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 5617, л. 1; д. 3655, л. 115.
10. Там же, д. 2063, л. 119.
11. Там же, д. 1935, л. 64; д. 1942, л. 3.
12. ЛАЛАЕВ М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700—1880. СПб. 1880, с. 183—184; СВП. 1869 г., ч. IV, кн. XV, ст. 181—182.
13. СВП. 1869 г., ч. IV, кн. XV, ст. 194, 209.
14. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3655, л. 174об.

15. Там же, д. 1980, л. 74.
16. СВП. 1869 г., ч. IV, кн. XV, ст. 182, 267.
17. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2062, л. 3—3об.
18. СВП. 1869 г., ч. IV, кн. XV, ст. 219.
19. Там же, ст. 220, 227.
20. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3655, л. 174об.
21. Там же, л. 124—125.
22. Там же, д. 3656, л. 59—60; д. 3657, л. 69—69об.; д. 3658, л. 81—82.
23. Там же, д. 2042, л. 8об.
24. БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 16.
25. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2062, л. 4.
26. Там же, д. 3656, л. 34.
27. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1988, с. 110.
28. БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 16.
29. СВП. 1869 г., ч. IV, кн. XV, ст. 203.
30. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3655, л. 140—142, 168—170.
31. Там же, д. 3656, л. 100—102.
32. Там же, д. 1951, л. 31; д. 3569, л. 122об.—123об.
33. БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 16.
34. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3656, л. 34об.—35.
35. Там же, д. 3657, л. 114об.
36. Там же, л. 96—96об.
37. Там же, л. 103—104, 107.
38. Там же, д. 3930, л. 25—26; д. 4155, л. 1—8об.; ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 381—381об.
39. Там же, ф. 318, оп. 1, д. 2006, л. 13; д. 2046, л. 8—8об.; Военная энциклопедия. Т. 5. СПб. 1911, с. 120—121.
40. Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января — 7 февраля 1920 г. Архив русской революции. Т. 10. М. 1991, с. 193—194.
41. РГВИА, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 424.
42. Там же, ф. 318, оп. 1, д. 4061, л. 4—5об.
43. Там же, л. 2, 8об.; ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 477об.
44. Там же, л. 474.
45. Там же, ф. 395, оп. 165, д. 425, л. 14, 17—17об., 19—19об., 21—21об.
46. Там же, л. 24об., 29—30, 33об., 34об.
47. ЛАЛАЕВ М.С. Наши военно-учебные заведения под главным начальством великого князя Михаила Николаевича: 1860—1863. Исторический очерк. СПб. 1898, с. 59.
48. РГВИА, ф. 395, оп. 165, д. 425, л. 45—46, 54—54об.
49. БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 15.
50. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 4155, л. 2об.
51. Там же, д. 5617, л. 3—4.
52. Там же.
53. Там же, л. 4об.—5, 6.
54. Там же, д. 3655, л. 185об., 193об.; д. 3656, л. 10, 13об., 29—29об., 40об., 43, 48об., 62об.; д. 3657, л. 11об., 13, 31об., 118об., 124, 139—139об., 141, 146, 152об., 162, 163об.; д. 3658, л. 13, 15об., 17об., 34, 91об., 93об.; д. 3659, л. 122об., 193.
55. Там же, д. 3658, л. 43—43об.
56. БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 16.
57. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 5617, л. 3—5, 6.
58. Там же, д. 3656, л. 103об.; д. 3657, л. 103об. —104.
59. БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 16.
60. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3658, л. 112об.
61. СВП. 1869 г., ч. IV, кн. XV, ст. 240.
62. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3658, л. 112об., 116об.—117.
63. Там же, д. 2033, л. 42; д. 3659, л. 109об., 113об.
64. Там же, д. 2062, л. 2—2об.; д. 3942, л. 8.
65. Там же, д. 3656, л. 131—131об.; д. 3930, л. 25—26.

66. ЛЕВШИН Д.М. Пажеский корпус за 100 лет. СПб. 1902, с. 620.
67. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3657, л. 127об.—129об.
68. ЛАЛАЕВ М.С. Наши военно-учебные заведения..., с. 23—24.
69. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2063, л. 9—10об.
70. Там же, д. 3656, л. 131об.
71. Там же, д. 2063, л. 46—47.
72. Там же, л. 46—47.
73. Там же, л. 10—11.
74. Там же.
75. СВП. 1869 г., ч. IV, кн. XV, ст. 233.
76. БРУСИЛОВ А.А. Ук. соч., с. 17; РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2063, л. 66об.
77. РЕДИГЕР А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М. 1999, с. 51.
78. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2063, л. 64об., 76об., 95об.
79. Там же, д. 2042, л. 19—32.
80. Там же, л. 21—22; д. 3656, л. 168.
81. ГЛАДКОВ Т.К., СМИРНОВ М.А. Менжинский. М. 1969, с. 5, 346.
82. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2042, л. 19—32.
83. Там же, л. 27—28.
84. Там же, л. 21—25.
85. Там же, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 91; ф. 318, оп. 1, д. 1951, л. 42об.
86. РЕДИГЕР А.Ф. Ук. соч., с. 52.
87. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2079, л. 94об.—123об.; д. 3942, л. 7.
88. Там же, д. 2079, л. 111.
89. Там же, ф. 162, оп. 1, д. 17, л. 139.
90. Там же, д. 3, л. 85—85об.
91. Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 18, л. 554—560.
92. НОВИЦКИЙ В.Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991, с. 162.
93. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3655, л. 126; д. 3656, л. 97об.
94. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 238.
95. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3655, л. 174.; д. 3658, л. 112об.
96. ГЕРАСИМОВ А.В. На лезвии с террористами. М. 1991, с. 96.
97. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2058, л. 102—102об.; д. 3658, л. 112—112об.; д. 3659, л. 109—109об.
98. Там же, д. 2065, л. 1—8; РЕДИГЕР А.Ф. Ук. соч., с. 52.
99. Отечественная история: энциклопедия. Т. 1. М. 1994, с. 185.
100. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3656, л. 99об., 142об.—143.
101. СЕНИН А.С. Алексей Иванович Рыков. — Вопросы истории. 1988, № 9, с. 86.
102. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 2079, л. 106; ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 154.
103. Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 2997, л. 252.
104. Там же, ф. 318, оп. 1, д. 2063, л. 99об.
105. Там же, ф. 162, оп. 1, д. 3, л. 51об.
106. Александр Иванович Гучков рассказывает. — Вопросы истории. 1991, № 7—8, с. 208.
107. РГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 3659, л. 168.
108. РЕДИГЕР А.Ф. Ук. соч., с. 52.
109. РГВИА, ф. 162, оп. 1, д. 4, л. 11—11об.
110. Там же, ф. 318, оп. 1, д. 4155, л. 2.
111. Там же, д. 4061, л. 1; ф. 409, оп. 1, д. 148.397 (1918), л. 10—11.

УДК 93/94«1914/1918»

Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914—1917 гг.)

А.Н. Еремеева

Аннотация. Первая мировая война способствовала осознанию властными структурами и общественностью России важности мобилизации собственных ресурсов. Необходимость расширения госпитальной базы для лечения и реабилитации раненых, развития рекреационного потенциала отечественных курортов в условиях невозможности отдыхать за рубежом стимулировала активность государственных и общественных организаций. Возникли Всероссийское общество для развития и усовершенствования русских лечебных местностей с многочисленными филиалами, Кавказское общество содействия развитию лечебных мест. Их деятельность широко освещалась в прессе, в т.ч. в начавших издаваться в военные годы специализированных курортных журналах.

В статье обозначены приоритетные направления и организационные подходы к курортному строительству в Кубанской области и Черноморской губернии в 1914—1917 гг. Курортные инициативы рассматриваются в тесной связи с исследованием природных ресурсов и развитием транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: первая мировая война, Кубанская область, Черноморская губерния, Кавказское общество содействия развитию лечебных мест, курортные проекты, исследование природных ресурсов, курортная пресса.

Abstract. The First World War contributed to the awareness of the importance of mobilizing their own resources by the authorities and public of Russia. The necessity to broaden the hospital base for treatment and rehabilitation of the wounded, the development of recreational opportunities of the domestic resorts because of the lack of the possibility to travel abroad stimulated the activity of state and public organizations. There appeared the All-Russian society for the development and improvement of Russian therapeutic areas with numerous branches and the Caucasus society for the promotion of the development of medical places. Their activities were widely covered in the press, including in specialized resort magazines which started to be published during the War.

This article identifies priority areas and organizational approaches to the construction of the resorts in the Kuban region and Chernomorskaya governorate in 1914-1917. Such initiatives are considered in close connection with research of natural resources and development of transport infrastructure.

Key words: First World War, Kuban region, Chernomorskaya governorate, Caucasus society for the promotion of the development of medical places, resort projects, research of natural resources, resort press.

Еремеева Анна Натановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Краснодар. E-mail: eranna2000@mail.ru.

Eremeeva Anna N. — doctor of historical sciences, professor, chief researcher, southern branch of Russian Research institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov. Krasnodar. E-mail: eranna2000@mail.ru.

Развитие курортов на Юге России — одна из не теряющих актуальности для нашей страны проблем. Обострение интереса к ней наступает в периоды необходимости экстренной мобилизации собственных ресурсов, преодоления зависимости от иностранных государств. Это ярко иллюстрируют события сегодняшнего дня.

В данной работе речь идет о приоритетных направлениях и организационных подходах к курортному строительству в Кубанской области и Черноморской губернии в годы первой мировой войны. Рассматривается деятельность государственных, ведомственных и общественных структур, в том числе новых, созданных в условиях военного времени.

Как известно, формирование курортных зон стало важной составляющей культурного освоения южных территорий. Процесс этот был длительным и неравномерным. Например, Крым и Кавказские Минеральные Воды уже к концу XIX в. имели достаточно развитую курортную инфраструктуру. В это же время курортное строительство на Кубани и Черноморском побережье Кавказа находилось на этапе формирования.

Курорт Горячий Ключ, основанный в 1864 г., обслуживал в основном Кубанское казачье войско. Многочисленные минеральные источники региона использовались слабо, что постоянно подчеркивалось в ежегодных докладах Начальника Кубанской области.

Постепенно росла популярность отдельных населенных пунктов на Черном море и в горах как дачных местностей.

В 1898 г. на Черноморское побережье Кавказа по Высочайшему повелению была командирована комиссия с целью выбора мест, наиболее подходящих для устройства курортов. На Первом Всероссийском съезде деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии (декабрь 1898 г.) результаты этой работы были обобщены в трех докладах ¹.

В 1901 г. доктор В.А. Будзинский открыл первый санаторий в Анапе. Началось строительство курортных объектов в Сочи: первая здравница, представлявшая собой небольшое здание, в котором имелись две мацестинские ванны и котел для подогрева воды, была построена в поселке Мацеста в 1902 году. Расширился спектр курортных услуг в Геленджике, Новороссийске.

На побережье формировались дачные поселки, такие, например, как Солнцедар на Тонком мысе вблизи Геленджика. Там, помимо дач, имелись санатории, в том числе детский костно-туберкулезный Кубанского медицинского общества.

В 1911 г. в Петербурге было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа «в отношении историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом». Председателем общества стал лейб-хирург, профессор Е.В. Павлов (его дача в пригороде Сочи Уч-Дере ныне является объектом экскурсионного показа). Важную роль в организации и деятельности Общества сыграл уроженец Екатеринодара, ученый, путешественник, обладатель уникальных коллекций, член Императорского русского географического общества Н.И. Воробьев. Общество немало сделало для популяризации сведений о Черноморском побережье как уникальной курортной местности среди широких слоев русского общества. Одним из первых его шагов стала выставка «Русская Ривьера».

По поручению Комитета выставки в марте 1912 г. из Петербурга на Черноморское побережье Кавказа для проведения съемок «со всего достопримечательного на Черноморском побережье» выехал пионер цветной фотографии в России С.М. Прокудин-Горский. В результате поездки было подготовлено свыше шестидесяти цветных диапозитивов ².

С 8 по 17 ноября в 1913 г. в рамках выставки «Русская Ривьера» работал съезд деятелей Черноморского побережья Кавказа. Его Труды в 3-х томах в

1913—1914 гг. издали в Санкт-Петербурге. Среди докладчиков были такие известные ученые как А.И. Воейков (он входил в состав вышеупомянутой комиссии 1898 г.), А.Н. Краснов, И.В. Палибин. Все они доказывали перспективность региона как рекреационной зоны, уникальность его климата, природных богатств.

В 1912 г. в Тифлисе возник Главный комитет поощрения туризма на Кавказе с многочисленными представительствами. На XIII (оказавшемся последним) съезде русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе в июне 1913 г. значительная часть докладов была посвящена освоению природных ресурсов Кавказа, в том числе Кубани и Черноморья.

Необходимым условием развития курортной зоны было строительство железных дорог. Незадолго до войны было открыто сообщение по линии Армавир—Туапсе и началось строительство прибрежной дороги от Туапсе к Сухуму; в перспективе планировалось соединение с Закавказской железной дорогой.

24 апреля 1914 г. Николай II подписал закон о санитарной и горной охране лечебных местностей, привлечший внимание общества к проблеме благоустройства курортов, природопользования в курортных зонах.

С началом войны Черноморское побережье стало использоваться как госпитальная база. При этом поток обычных отдыхающих сократился только в первый год войны, когда территория попадала под обстрел вражеского флота и было прекращено пароходное сообщение. Улучшение ситуации на Кавказском фронте стимулировало активность желающих отдохнуть, так как заграничные курорты для российской состоятельной публики в военное время стали недоступны. Данная ситуация стала мощным стимулом для государственных и общественных организаций и предпринимателей. Резко обострившийся интерес к курортной проблематике вызвал появление не только многочисленных научных и публицистических трудов, но и сатирических текстов.

По инициативе Медицинского совета Министерства внутренних дел 7—11 января 1915 г. в Петрограде был проведен I Всероссийский съезд по улучшению отечественных лечебных местностей. На съезде поднимался широкий спектр проблем — от медицинской до экономической и патриотической составляющих курортного строительства.

Интересы Черноморского побережья и Кубани на съезде представляли члены Общества изучения Черноморского побережья и его председатель Павлов, представители практически всех курортных мест. Только о проблемах Черноморского побережья Кавказа на съезде было прочитано 16 докладов. Выступавшие коснулись нужд Анапы, Новороссийска, Туапсе, Сочи, Красной Поляны, Мацесты, других мест. Предложения, высказанные на съезде, оперативно обобщались. В основу резолюций по региону был положен доклад Воробьева «Черноморское Побережье в курортном отношении и его нужды». Труды Съезда были опубликованы «по горячим следам».

В процессе работы съезда было учреждено Всероссийское общество для развития и усовершенствования русских лечебных местностей. Практически сразу стали формироваться его дочерние организации в различных концах Российской империи. 17 января 1915 г. в Екатеринодаре состоялось первое общее собрание Кубанского отделения; его костяк составили временный Генерал-губернатор Кубанской области и Черноморской губернии, наказной атаман Кубанского казачьего войска М.П. Бабыч, исследователи природных богатств региона, авторы научных и научно-популярных работ Е.М. Юшкин — областной горный инженер — и И.Ф. Косинов, возглавлявший Псекупскую войсковую больницу в Горячем Ключе. Аналогичные структуры возникли в Анапе (среди его учредителей были известные своей активностью в области курортного дела В.А. Будзинский, Л.В. Пиленко, В.И. Пиленко, М.Ф. Поночевный и

др.), в Туапсе (председатель — профессор Петербургского университета и местный дачник В.А. Вагнер) и других курортных местах ³.

В мае 1915 г. было основано «Кавказское общество содействия развитию лечебных мест». Причины и история его появления раскрыты в первом номере печатного органа Общества «Целебный Кавказ»: «С началом второй Отечественной войны различными правительственными и общественными учреждениями и частными лицами был поднят вопрос большой государственной важности, именно о развитии и усовершенствовании лечебных мест России. Образовались специальные общества, в основу своей деятельности положившие устройство курортного дела в России.

По примеру Всероссийского Общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей в Петрограде и Московского общества содействия развитию лечебных мест России и у нас, на Кавказе народилось аналогичное общество, именно Кавказское общество содействия развитию лечебных мест или, на обыденном языке, Кавказское курортное общество» ⁴.

Возглавлял Общество с 8 мая по 27 ноября 1915 г. гофмейстер Высочайшего двора, сенатор, директор канцелярии Императорского наместника на Кавказе, председатель Закавказского статистического комитета Н.Л. Петерсон, а затем вступивший в должность помощника по гражданской части Наместника на Кавказе генерал-лейтенант князь В.Н. Орлов. Среди почетных членов Общества — верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский, бывший Наместник генерал-адъютант граф И.М. Воронцов-Дашков (умер в январе 1916 г.), гофмейстер А.В. Кривошеин, Великий князь и действовавший Наместник Николай Николаевич. По данным на 1 января 1916 г. общество насчитывало 248 членов ⁵.

При Обществе были созданы комиссии: научная — для сбора и систематизации имевшихся материалов о лечебных местностях Кавказа и для производства на местах научных наблюдений и исследований; осведомительная — для сбора, посредством анкет и командировок на места, сведений о бытовых условиях жизни лечебных мест Кавказа; издательская — по изданию журнала, путеводителей и других трудов общества. Несколько временных комиссий — Абастуманская, Черноморская, Боржомская и др. — обслуживали нужды конкретных территорий.

Члены Общества командировали в различные районы Кавказа. В районах обследования ими собирались подробные сведения обо всех имеющихся лечебных местах, минеральных источниках, грязях, климатических станциях и морских купаниях, о путях сообщения, квартирах для курортников и прочее. Подробные отчеты о поездках печатались в журнале «Целебный Кавказ».

Председатель Осведомительной комиссии Ф.Л. Фехнер составил список минеральных источников Кавказа с кратким описанием. В списке было зафиксировано более 500 минеральных источников, о которых имелись какие-либо сведения в литературе или в делах управления медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе. Этот список был напечатан в виде приложения к журналу «Целебный Кавказ». Комиссия занималась составлением библиографического указателя относительно целебных мест Кавказа ⁶.

Имеющиеся в районах Горячего Ключа, Сочи, Новороссийска, Анапы, на Таманском полуострове и в других местах минеральные источники не только фиксировались, но и изучались. В 1915 г. Кубанское казачье войско организовало детальное описание минеральных вод и лечебных местностей Кубанской области и исследование радиоактивности наиболее перспективных источников в Кубанской и Терской областях. Для этого была приглашена радиологическая экспедиция Одесского отделения Императорского русского технического общества, работавшая летом 1915 г. под началом заведующего радиологической

лабораторией Е.С. Бурксер⁷. Интересно, что в результате исследования источников у подножий Эльбруса и работы на территории сравнительно нового, набиравшего популярность курорта Теберда, появился не только научный отчет, но и путевые заметки Василисы Бурксер «В стране карачаевцев»⁸, которые используются этнографами и в наши дни. Автор заметок — химик, жена руководителя экспедиции.

Как свидетельствует переписка попечителя Одесского учебного округа с ректором Новороссийского университета⁹ и Министерством народного просвещения¹⁰, исследование грязей Кубанской области, инициированное ведомством Ольденбургского, было поручено профессору Г.Л. Стадникову. Выезжали в регион и экспедиции Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Отметим, что в связи с успехами российских войск на Кавказском фронте в исследовательскую орбиту попадали и захваченные турецкие территории. Российские ученые обследовали памятники культуры (наиболее известны Трапезундские экспедиции под руководством академика Ф.И. Успенского, экспедиция на Ван под руководством Н.Я. Марра и О.А. Орбели, экспедиция в турецкую южную Грузию Грузинского общества истории и этнографии под руководством Э. Такашвили) и природные ресурсы. Директор Батумского ботанического сада И.В. Палибин докладывал в Обществе изучения Черноморского побережья в 1917 г. о своей поездке в Трапезунд и Платану. В окрестностях этих портов им производились ботанические сборы лекарственных трав¹¹.

Деятельность государственных и общественных организаций в области развития курортного дела широко освещалась в прессе, в том числе в специализированных журналах, многие из которых («Целебные силы России», «Целебный Кавказ», «Русская Ривьера») начали издаваться в годы первой мировой войны. Достаточно быстро реализовался масштабный проект написания и издания справочной книги «Черноморское побережье Кавказа». Труд объемом более пятисот страниц вышел в петроградском издательстве М.А. и Б.А. Сувориных и включал подробные статьи о климате, флоре, фауне, отдельных населенных пунктах, их рекреационных возможностях, объектах культурного наследия региона. В статье «От редактора» Воробьев предупреждал читателей о несовершенствах издания, связанных с близостью Черноморского побережья к Кавказскому театру военных действий: сложно было собирать материалы, делать фотографии, невозможно публиковать планы городов и карты¹². Обширное предисловие, включающее обзор экономического, курортного, историко-культурного потенциала Черноморского побережья, написал А.С. Ермолов — известный государственный и общественный деятель, в прошлом министр земледелия и государственных имуществ, инициатор создания ряда курортов. Среди авторов книги — ученые, знатоки Черноморского побережья А.А. Каминский (климатолог, сотрудник Главной геофизической обсерватории), И.В. Палибин, Воробьев.

Все, причастные к курортному строительству, в целом осознавали, что колоссальные природные богатства региона не использованы «за отсутствием дорог, за отсутствием комфорта, словом, за отсутствием всего, что зависит от людей»¹³.

Именно дороги, ведущие к лечебным местностям, стали одной из важных тем на заседаниях I Всероссийского съезда по улучшению отечественных лечебных местностей, Кавказского курортного общества и других заинтересованных организаций. Многократно указывалось на необходимость строительства шоссейной дороги от Екатеринодара к Псекупским минеральным водам, соединения Анапы с железнодорожной сетью — либо путем продолжения Черноморской береговой дороги на север от Туапсе, через Новороссийск и Анапу, либо

путем устройства ветки Анапа—Тоннельная. До окончания строительства железной дороги от Туапсе до Сухума и от Туапсе до Новороссийска (вторая так и не была построена) важно было наладить автомобильное сообщение; необходимой предпосылкой для этого было улучшение и содержание в порядке шоссейных дорог.

Новые проекты развития железнодорожной сети появлялись в связи с планами создания второй группы минеральных вод Северного Кавказа. В 1914 г. Ермолов посетил Теберду. Во многом благодаря его восторженным отзывам, вышло огромное количество публикаций. Теберду называли «русским Давосом». Корреспондент «Целебного Кавказа» писал в 1916 г.: «Несмотря на войну, известность Теберды распространяется все больше и больше. И в литературе, и в ученых обществах проявляется к ней прямо неослабевающий интерес»¹⁴. Лекции о Теберде читались в Москве, Харькове и других городах. Журнал «Естествознание и география» напечатал перевод части книги швейцарского профессора М. Рикли, где речь идет о Теберде¹⁵.

Баталпашинское отделение Всероссийского общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей вело переговоры «с обще-карачаевскими доверенными от карачаевских народностей» об отводе территории в 300 квадратных сажен «под постройку санатории»¹⁶. Тебердой заинтересовались владельцы гостиниц на Кавминводах и в Москве. В итоге участки дорожали «не по дням, а по часам»¹⁷.

Не меньший интерес проявлялся к соседней с Тебердой местности Старое Жилище (Архыз), находившейся во владении казны. Ее перспективность не подвергалось сомнению; настоятельно рекомендовалось строительство там метеорологической станции.

Чтобы попасть на эти уникальные территории, потенциальным курортникам нужно было преодолеть 150 верст от ближайших железнодорожных станций — Невинномысской и Богословской — причем по дороге плохого качества. Восторженные публикации в прессе о Теберде и Старом Жилище, тиражирование материалов в виде отдельных брошюр — оттисков журнальных статей — помогли продвигать идеи строительства новых железнодорожных веток. Руководством Владикавказской железной дороги планировалась ветка от ст. Невинномысской к Теберде. Ее обещали построить быстро и качественно, ввести льготные обратные тарифы. Председатель правления Владикавказской железной дороги В.Н. Печковский вместе с инженерами наметил место под вокзал и курзал с гостиницей. К весне 1916 г. планировалось открытие временного движения (с установкой временных мостов) если не до самой Теберды, то до Сентинского монастыря (22 версты от курорта)¹⁸. Однако работы так и не развернулись. В мае 1917 г. Баталпашинский лесничий С.Н. Каптер настаивал на проведении электрической дороги вместо обычной железной «в целях избежания загрязнения воздуха и возникновения лесных пожаров»¹⁹.

Высказывались сомнения по поводу самого направления ветки: станция Невинномысская — Теберда. Например, И.К. Микуловский предлагал взять за исходный пункт Армавир и проложить железную дорогу через Старое Жилище и далее к Сухуму²⁰. Ни один из этих проектов в полной мере не реализовался до сих пор.

Актуальным представлялось устройство горных и лесных «культурных» дорог, трамвайного или автомобильного сообщения в городах и к курортным местам. Гласный городской думы Новороссийска И.Ф. Басов высказывал мнение о необходимости соединить трамваем через город близлежащие территории — Широкую Балку и Кабардинку²¹.

Улучшение и упорядочение морского сообщения включало в себя увеличение количества пароходов и пароходных рейсов, устройство удобных поме-

щений для ожидания публики. На повестке дня стояло скорейшее осуществление запланированной Министерством торговли и промышленности постройки портов-убежищ (для укрытия судов во время шторма), улучшение посадки пассажиров на пароход и спуска с парохода, постепенное установление добавочных рейсов для захода в мелкие населенные пункты²².

Для эффективного курортного строительства предлагалось введение земского положения в губерниях и областях, введение городского положения в курортных городах, присоединение к ним небольших курортных поселений. Необходимо было стимулировать переселение в перспективные для устройства курортов места, закреплять права собственности за лицами, владевшими участками по переуступочным записям от поселян (таких было немало в Кабардинке, Геленджике, Джубге), выдавать доступные кредиты тем, кто вкладывал деньги в развитие курортной отрасли. Важной составляющей курортного строительства было также обеспечение общественной безопасности, развитие коммуникаций (водопровода, канализации, телеграфа, телефона), здравоохранение.

В качестве неотложной задачи на Черноморском побережье объявлялась борьба с малярией (научное изучение причин ее распространения, осушение болот, бесплатная хинизация — выдача населению противомаларийного препарата хинина, устройство противомаларийных станций). Заметим, что малярия была побеждена на Черноморском побережье только во второй половине 1920-х гг., во многом благодаря известному микробиологу И.Г. Савченко, возглавлявшему Кубанский химико-бактериологический институт.

Курортное строительство, связанное с большими вложениями, требовало перестройки сознания общества. Как утверждалось в редакционной статье «Целебного Кавказа», «необходимо, чтобы предприниматели сочли для себя возможным помещать капиталы или организовать акционерные общества для устройства предприятий в различных местах, которые могут быть лечебными; для этого необходимо, чтобы государство предоставило частной инициативе все возможности проявлять свою деятельность; для этого необходимо, чтобы местные общественные самоуправления и железнодорожные компании прониклись той мыслью, что затраты на благоустройство лечебных мест не могут считаться излишней тратой денег, ибо всякий затраченный рубль вернется сторицей посетителям курортов»²³. Кроме того, вложения в курортную область признавались показателем патриотической позиции. В цитируемой выше статье (как и в массе других публикаций) обращалось внимание на то, что «русское преклонение перед всем заграничным издавна является одной из таких традиций, с которою было чрезвычайно трудно бороться. Великая война выполнила эту трудную задачу. Она разрушила традицию и заставила русских людей обратить внимание на самих себя, на свою родную страну»²⁴.

Профессор В.А. Вагнер, поместивший на страницах журнала «Русская Ривьера» обширный очерк о Туапсе, обрисовал в нем перспективы города, побережья в целом и подчеркнул, что «улучшение курортов... является предприятием не только патриотическим, но и очень выгодным с чисто экономической точки зрения». Необходимые со стороны государства вложения (автор называл их «целесообразными и окупающими себя затратами») рассматривались как «искупление своего долголетнего индифферентизма к нуждам побережья». Кроме того, важным представлялось «удержать десятки, если не сотни миллионов, ежегодно уплачиваемых нами западноевропейским соседям за пользование их курортами, у себя в России»²⁵.

Не подвергался сомнению тот факт, что российские курорты, ввиду уникальности местных природных ресурсов, после модернизации не будут ни в чем уступать заграничным. Вот фрагмент одной из брошюр, выдержавшей в 1915 г. два издания: «Можно с уверенностью сказать, что отечественные лечеб-

ные места с полным успехом могли бы заменить ряд курортов за границы, если бы только они имели полное благоустройство. Так, например, Кавказское побережье Черного моря (особенно Сочи и Гагры) могло бы заменить курорты итальянской и французской Ривьеры, Анапа — Остенде и Берк; Нальчик, Теберда, Кисловодск — Давос и Арозу; Красная Поляна — Монтре; Эссентуки и Семигорский источник — Мариенбад, Франсенбад и Виши; Кисловодск и Железноводск — Наугейм и Вильдунген; Мец, Пятигорск, Серноводск — Аахен и Экс-лебен и т.д.»²⁶

На фоне интенсивного обсуждения курортной темы летний отдых военных лет мало чем отличался от предыдущих сезонов. Курортники, вдали от повседневной, пропитанной тревогой военного времени жизни, пытались максимально расслабиться.

Знаменитый режиссер В. Мейерхольд, отдохавший в 1916 г. в Широкой Балке (вблизи Новороссийска), писал критику Б. Алперсу 17 июня о поездке в Абрау-Дюрсо, «куда устремилась целая компания для того только, чтобы под лучами палящего солнца пить шампанское», о вине, «которое оказалось особенно вкусным в зной». Через три недели — 8 июля — Мейерхольд сообщал тому же адресату: «Купаюсь и ем фрукты такие: персики, абрикосы, сливы, яблоки. Пью чудесное белое вино...»²⁷

«Принимающая сторона» была более всего озабочена организацией увеселений, снабжением курортников продуктами питания и особенно вином (ведь крепкие напитки были запрещены). В преддверии наплыва публики в местной прессе обсуждалась необходимость увеличения площади виноградников, поставок серного цвета, необходимого для борьбы с их вредителями.

В конце 1916 г. началась подготовка к проведению I съезда по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе. Необходимость его созыва мотивировалась следующим образом: «В настоящее время с несомненностью выяснилось, что существующие благоустроенные лечебные места России и, в частности, Кавказа не вмещают в себя всех жаждущих исцеления и отдыха, между тем как весьма многие минеральные источники, грязи, климатические станции, морские купанья и т.д. остаются неиспользованные, ввиду своей неизвестности и, главное, — неблагоустройства. Потому представляется крайне необходимым детальное обсуждение вопросов, касающихся улучшения и устройства лечебных мест Кавказа, а равно приспособления их для больных и раненых воинов»²⁸.

Были выработаны следующие направления для обсуждения на съезде: климатические условия Кавказских курортов; малярия и курортное дело на Кавказе; юридическое положение курортов Кавказа и управление в них; финансирование курортов; пути сообщения; нужды Кавказских курортов: Пятигорья, Горячеводска, Теберды, Нальчика, Анапы, Сухуми, Гагр, Кобулет, Боржома, Сочи, Абастумана и др.; санаторное благоустройство курортов; виноградное лечение²⁹.

Оргбюро, принимавшее доклады на съезд, обращало внимание потенциальных докладчиков на следующие моменты: «1. Ввиду того, что красота природы местностей Кавказа общеизвестна, желательно, чтобы этой стороне вопроса в докладах уделялось самое незначительное место. 2. Ввиду того, что благоустройство лечебных мест требует затрат значит. средств, желательно, чтобы в докладах был оттенен вопрос о способах финансирования этих лечебных мест, путем ли средств государственного казначейства или созданием акционерных компаний. 3. Ввиду того, что одни из лечебных местностей принадлежат казне, другие — городам и станицам, а третьи — частным лицам, желательно осветить вопрос о способах управления лечебными местностями и взаимоотношениях их владельцев»³⁰. Таким образом, приветствовались доклады, не констатирующие общеизвестные факты и излагающие пусть привлекательные, но сложно реализуемые проекты, а включающие конкретные, научно и экономически обоснованные предложения.

Съезд планировали провести с 5 по 11 марта 1917 г., однако фактически он состоялся 7—11 мая 1917 года. Произошедшая Февральская революция повлияла на состав участников. Отсутствовали председатель и почетные члены общества, входившие в ближайшее окружение свергнутого монарха.

Реалии новой России воздействовали на содержание выступлений. Много говорилось о демократизации лечебных мест. В телеграмме Временному правительству выражалась уверенность, что «Кавказ с его целебными силами природы при новом строе явится действительно жемчужиной новой свободной равноправной и демократической России»³¹.

Доклады, прочитанные на съезде, соответствовали основным направлениям, предложенным Оргбюро. По итогам докладов принимались основополагающие тезисы, которые были созвучны намеченным на I Всероссийском съезде 1915 г., однако были более детализированы относительно отдельных местностей. Например, тезисы по докладу председателя геологической секции кружка любителей изучения Северо-Западного Кавказа А.С. Лизарева «Голубицкие минеральные воды» включали следующие пункты: построить водогрязелечебное здание и другие бальнеологические учреждения по последнему слову науки, одну-две гостиницы с достаточным количеством номеров; разбить парк и построить небольшой курзал, перед которым устроить цветник и детскую площадку; соединить курорт конно-железной или шоссейной дорогой с Темрюком, пока же улучшить существующую грунтовую; устроить близ озера метеорологическую станцию в целях изучения курорта³².

Резолюции съезда нацеливали государство и общество на осознание важной роли лечебных местностей. Они должны были перейти в ведение органов местного самоуправления. Подчеркивался приоритет общественных организаций в развитии существующих и создании новых лечебных местностей. Созданные в военные годы лазареты и санатории временного типа рекомендовалось превращать в больницы и санатории постоянного типа. В лечебных местностях необходимым признавалось введение квартирных такс, контроль эпидемиологической обстановки, развитие путей сообщения.

Война не стала временем реализации широкомасштабных проектов, однако определенный прогресс был достигнут. Расширение лечебной базы происходило за счет строительства так называемых временных госпиталей. Владельцы санаториев, получавшие ссуду на строительство от государства, предоставляли по требованию военного ведомства места для офицеров и солдат. Интенсивные исследования природных ресурсов, в том числе используемых в бальнеологии, создавали предпосылки научно обоснованного развития курортной инфраструктуры. Завершение постройки железной дороги Армавир — Туапсе облегчило доступ из центра страны на Черноморское побережье. Курортные местности (Геленджик, Туапсе, Сочи) получили статус городов.

Показательно, что даже в период 1918—1920 гг., когда регион стал ареной гражданского противостояния, работа над планированием курортной инфраструктуры не прекращалась. Она велась силами все того же Общества изучения Черноморского побережья Кавказа под руководством Воробьёва (прежний руководитель Павлов умер в 1916 г.), а также созданного в декабре 1917 г. Совета обследования и изучения Кубанского края. По инициативе Управления земледелия и землеустройства Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, в июне 1919 г. был основан Комитет по устройству Черноморского побережья. Его председателем приказом А.И. Деникина назначили Воробьёва³³. Комитет сделал ставку на привлечение специалистов, бежавших из революционных столиц на Юг, к обустройству региона.

За годы советской власти на Кубани и Черноморском побережье Кавказа сформировалась разветвленная курортная инфраструктура, однако сейчас она

нуждается в серьезной модернизации. Думается, отдельные проекты военных лет не потеряли своей актуальности. Как ресурс может рассматриваться и опыт консолидации государства, общественных организаций, частных лиц в области совершенствования отечественных курортов.

Примечания

1. САМАРИНА Т.В., ТВЕРИТИНОВ И.А. Генезис санаторно-курортной отрасли в Сочинском регионе и ее правового регулирования (1860-е — 1917 г.). — Закон и право. 2007, № 5, с. 117.
2. ГАРАНИНА С.П. Обзор источников творческого наследия С.М. Прокудина-Горского (1863—1944). В кн.: Проблемы культурного наследия в области инженерной деятельности. М. 2001, с. 141—171.
3. Русская Ривьера. 1915, № 3—4, с. 51.
4. Обзор деятельности Кавказского Общества содействия развитию лечебных мест за 1915 год. — Целебный Кавказ. 1916, № 1—2, с. 47—48.
5. Там же, с. 48.
6. Обзор деятельности осведомительной комиссии при Совете общества содействия развитию лечебных мест в 1915 г. — Целебный Кавказ. 1916, № 3, с. 27—28.
7. ЭРГАРТ А.А. Естественный горючий газ в г. Темрюке Кубанской области и возможности его применения для промышленных целей. Ставрополь-губ. 1916, с. 3.
8. БУРКСЕР В. В стране карачаевцев. — Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1915, вып. 3—4, с. 27—43.
9. Государственный архив Одесской области, ф. 42, оп. 35, д. 681, л. 11.
10. Центральный государственный исторический архив, ф. 733, оп. 156, д. 598, л. 156.
11. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, ф. 854, оп. 1, д. 104, л. 91об.
12. Черноморское побережье Кавказа: Справочная книга. Пг. 1916, с. VII.
13. Обзор деятельности осведомительной комиссии при Совете общества содействия развитию лечебных мест в 1915 г., с. 27.
14. Теберда. — Целебный Кавказ. 1916, № 3, с. 36.
15. Там же. Имеется ввиду изданная в 1914 г. на немецком языке книга М. Рикли о природе Кавказа, написанная по итогам ознакомительной поездки 1912 г. группы ученых-естествоиспытателей. RIKLI, M.A. Natur- und Kulturbilder aus den Kaukasusländern und Hocharmenien von Teilnehmern der Schweizerischen naturwissenschaftlichen Studienreise, Sommer 1912. Zurich. 1914.
16. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 449, оп. 2, д. 1648, л. 2.
17. Теберда. — Целебные воды России. 1915, № 13—14, с. 289.
18. Там же.
19. Отчет о работах I съезда по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе. — Целебный Кавказ. 1917, № 2, с. 39.
20. МИКУЛОВСКИЙ И.К. О путях сообщения к лечебным местностям Баталпаинского отдела Кубанской области. — Бюллетень ОЛИКО. 1916, № 3, с. 12.
21. БАСОВ И.Ф. Новороссийские лечебные местности. — Русская Ривьера. 1915, № 3—4, с. 47.
22. Труды состоящего под Высочайшим его Императорского Величества покровительством съезда по улучшению отечественных лечебных местностей. Т. I. Пг. 1915, с: ССХII.
23. Октябрь 1915 г. — Целебный Кавказ. 1915, № 1—2, с. 3.
24. Там же, с. 2.
25. ВАГНЕР В.А. Туапсе (под впечатлением Курортного Съезда). — Русская Ривьера. 1915, № 1—2, с. 9.
26. Владикавказская железная дорога и лечебные местности Кавказа. Пг. 1915, с. 8.
27. МЕЙЕРХОЛЬД В.Э. Переписка, 1896—1939. М. 1976, с. 181, 183—184.
28. ГАКК, ф. 427, оп. 1, д. 385, л. 29.
29. Отчет о работах I съезда по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе, с. 27.
30. ГАКК, ф. 427, оп. 1, д. 385, л. 29об.
31. Отчет о работах I съезда по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе, с. 43.
32. Там же, с. 42.
33. ГАКК, ф. Р-4, оп. 1, д. 1, л. 1.

Образование русских поселений в Азербайджане и их дальнейшая судьба

Ф. Бахшалиев

Аннотация. В данной статье говорится о создании русских поселений в Азербайджане, начиная с XIX в., а также о взаимоотношениях русских с местными жителями и итогах переселения. Русские занимались сельским хозяйством, развивали промышленность, участвовали в культурной жизни Азербайджана. В работе рассматривается положение русских переселенцев на разных этапах развития Азербайджана: в XIX в., в годы Азербайджанской демократической республики, в советское время, в конце прошлого века. Несмотря на многие трудности, два народа веками жили вместе. В настоящее время в стране работают русские школы, многие местные жители получают высшее и среднее образование на русском языке.

Ключевые слова: Россия, азербайджанское село, миграция, русская культура, переселения, национальные меньшинства, политика.

Abstract. This article investigates the aspects of the establishment of Russian settlements in Azerbaijan, migration of the Russian-speaking population there, results of their settlement in new locations, mutual relations with the local people and participation in the economic life of the region. The Russians were engaged in agriculture, developed industry, participated in the cultural life of Azerbaijan. This article examines the situation of Russian immigrants at different stages of development of Azerbaijan: in the 19th century in the years of the Azerbaijan democratic Republic, in Soviet times, at the end of the last century. Despite many difficulties, the two Nations lived together for centuries. Currently there are Russian schools, many local residents get higher and secondary education in the Russian language.

Key words: Russia, Azerbaijani village, migration, Russian culture, migrations, national minorities, politics.

Со времен Римской империи государства размещали внутри своих границ различные этнические группы. Такая политика имела место в Сасанидском государстве, Арабском халифате, Монгольской империи и т.д.

Кавказ, в том числе Азербайджан, нередко становился ареной столкновения интересов многих империй в разные периоды истории. Здесь совместно проживали представители различных национальностей. Среди них, наряду с азербайджанцами, являющимися основной этнической группой, были иранцы,

---

Бахшалиев Фазил — кандидат исторических наук, доцент Бакинского государственного университета. Азербайджанская Республика. E-mail: bfazil4444@mail.ru.

Bakhshaliyev Fazil — candidate of Science (History), associate professor of Baku State University. Republic of Azerbaijan. E-mail: bfazil4444@mail.ru.

арабы, евреи и представители кавказских народов, многие из которых оказались в Азербайджане не по своей воле, а выступали средством опоры в новых местах для империй, включавших Азербайджан в состав своей территории. Среди стран, превративших Южных Кавказ и Азербайджан в арену своей политики, была и Россия.

Переселение русских на Южный Кавказ, в том числе и в Азербайджан, после Туркменчайского соглашения, подписанного в 1828 г. между Россией и Ираном, проходило в несколько этапов.

Первыми переселенцами были сектанты, прибывшие сюда из внутренних губерний России в 1832 году ¹. В 1833 г. началось строительство первых русских сел в Шамахе, Шуше и Ленкоранском уезде. В первое время большинство переселенных русских размещались в сельской местности и занимались сельскохозяйственной деятельностью. Процесс переселения продолжался и в первой половине XX в., но разница было в том, что в этот период среди переселенцев усиливался интерес к промышленному производству.

В 1854 г. 3689 русских семей было размещено в 56 селах Южного Кавказа ².

Очередной этап переселения, в том числе в Северный Азербайджан, начался после крестьянской реформы 1861 года. По сведениям 1873 г., русские крестьяне составляли 2,1% местного населения. Больше всего русских отмечалось в Тифлисской (5,5%), Бакинской (3,4%) и Елизаветпольской губерниях (1,5%) ³.

Самую точную информацию о переселении русских на Южный Кавказ и в Северный Азербайджан дают данные переписи населения 1886 г, согласно которым русские среди 4091 тыс. жителей Южного Кавказа составляли 104 919 чел. или 2,4%. В Бакинской губернии их было 6% населения, в Тифлисской — 4,2 % и в Елизаветполской — 1,1%. Русские составляли от одной трети до половины населения 115 сел Южного Кавказа ⁴.

Больше всего поселений было создано в Бакинской, Тифлисской, Елизаветполской и Иреванской губерниях. Меньше всего — 2 русских села — в Кутаисской губернии ⁵.

В 1897 г. начальник гражданского управления на Кавказе князь Г.С. Голицын направил местным губернаторам циркулярные письма, в которых говорилось о неудовлетворительном выполнении распоряжения правительства от 7 июня 1896 г., подписанного министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, о создании земельного фонда в местах переселения русских крестьян ⁶.

Министр финансов России граф С.Ю. Витте писал, что князь приехал на Кавказ с целью русифицирования этих территорий, но проводил переселение, используя полицейские методы. Покушение, совершенное в октябре 1903 г., стало результатом негативного отношения к нему местных жителей. Однако в официальных кругах князь считался настоящим героем и пользовался поддержкой Александра III. Витте, выросший на Кавказе и обладавший обширной информацией о происходивших здесь событиях, выразил резко отрицательное отношение к деятельности Голицына в регионе. Граф Витте открыто указывал на то, что основным виновником многочисленных мятежей являлся именно Голицын. По мнению Витте, князь не смог понять и принять дух кавказцев. Он был первым человеком, который хотел русифицировать Кавказ не с помощью своего авторитета, а дикими полицейскими методами. После ранения Голицын покинул Кавказ ⁶.

Именно в это время установился порядок выделения переселившимся русским крестьянам земельных участков из государственных земель в аренду на 6—12 лет. Имелось в виду, что после окончания этого срока земли должны были остаться у крестьян на правах пожизненного пользования.

Закон от 30 апреля 1899 г. ускорил процесс переселения русских на Кавказ. Новшество закона заключалось в том, что преимущественное право пере-

селиться на Кавказе предоставлялось людям русской национальности православной веры. Кроме того, предусматривалось их полное освобождение от всех государственных выплат за аренду земли ⁷.

В 1903 г. был открыт специальный пункт на станции Баладжары вблизи Баку, где регистрировали переселившиеся русские семьи, а также предоставляли им продовольствие и медицинскую помощь ⁸.

Очередная кампания переселения русских в Азербайджан, начавшаяся в 1897 г., имела некоторые особенные черты. На Мугани — зимнем пастбище, используемом местным населением, — развернулось строительство новых сел для переселенцев. До 1917 г. здесь было создано 48 русских поселений ⁹. Некоторые авторы, например О.Д. Комарова, указывают, что в Мугани с 1902 по 1917 г. появилось 55 новых русских сел с населением более 20 тыс. человек. Русские села в те годы были основаны не только на Мугани, но и на берегу Хазара, в Кубинском и Ленкоранском уездах. Сообщалось о том, что в конце XIX — начале XX в. в Азербайджане было основано более 100 сел ¹⁰.

По данным 1897 г. в Бакинской губернии было зарегистрировано проживание 73 632 чел., в Елизаветпольской — 14 146 русскоязычных жителей ¹¹. В 1901—1904 гг. на Мугани были основаны села Ермоловка и Козляков, в Ленкоранском уезде — Алексеевка, Покровка, Григоревск, Новогалицина, Новоермоловка, в Джавадском уезде — Николаевка, Александровка, Михайловка ¹².

Правительство России, размещая русских на Мугани, а также на Мильской равнине и в Елизаветпольской губернии, стремилось создать между мусульманами-шиитами Южного Кавказа и Ирана широкую полосу из русских переселенцев ¹³.

Процесс переселения изменял прежние стабильные земельные отношения, нарушая местные традиции в вопросе использования земли. Так, например, в восточной части Южного Кавказа основу хозяйства составляли земельные участки, пригодные для животноводства. Иногда их без каких-либо предупреждений передавали русским крестьянам. Один из таких случаев, произошедший в селе Алар Ленкоранского уезда, нашел свое отражение в статье В.И. Ленина «Переселенческий вопрос» ¹⁴.

В приказе Управления Южного Кавказа от 1852 г. говорилось о выделении каждой переселенной русской семье по 60 десятин земли. Эта цифра была в 2 раза больше нормы официально допустимого использования земельного участка для местных крестьянских семей ¹⁵. Иногда, когда число переселенных русских крестьян было не таким уж большим, им со стороны органов местного управления выделялись земельные участки больших размеров. Позже русским переселенцам Кавказская администрация определила новую норму на подаренные земли. В 1862 г. она составляла для горных мест — 35 десятин, а для орошаемых участков — 10 десятин ¹⁶.

Более выгодное хозяйственное положение русских сел в отдельных губерниях увеличивало число богатых крестьян и крестьян со средним достатком среди русских. В некоторых случаях русские получили возможность создавать хозяйства на землях площадью 100 десятин.

Среди причин сравнительно удачной хозяйственной деятельности населения в русских селах можно отметить разведение крупного рогатого скота, использование усовершенствованных орудий труда, более плодородных сортов растений и т.д. Самой распространенной отраслью хозяйства в русских селах было хлопководство. Если в конце XIX в. площадь под этой культурой составляла 15 тыс. десятин, то в начале XX в. — 105 тыс. десятин ¹⁷.

На примере 19 русских сел Ленкоранского уезда, в которых создавались крупные зерновые хозяйства, видно, что они находились в более выгодном положении. Например, в селе Пришиб одна русская семья в 1900 г., засеяв зерновыми более 40 дес. земли, собрала с каждой десятины в среднем 32 цент-

нера¹⁸. Некоторые русские семьи из этих сел выращивали зерновые на 400 десятинах земли. Таких хозяйств в годы первой мировой войны было немало. Использование наемного труда наряду с передовым техническим оборудованием доказывает более ранний переход в русских селах к капиталистическим отношениям.

Среди русских, поселившихся в Азербайджане, можно было встретить и богатых людей, у которых имелись посевные земли площадью более 1000 десятин. Так, например в Елизаветпольской губернии у князя Л.С. Голицына в местности Гара арх, на участке более 1000 десятин успешно занимались виноградарством, животноводством, выращиванием зерновых¹⁹. Здесь же работал винный завод и другие обрабатывающие предприятия, годовая прибыль которых в годы войны составляла 200—250 тыс. рублей²⁰.

Еще один предприниматель — Н.Л. Шустов — в Бакинской губернии, особенно в Шемахинском и Гейчайском уездах, был хозяином всех виноградников²¹. Этот список можно было бы продолжить. Русским было довольно легко приобрести посевные участки, лесные угодья и другую земельную собственность и создать условия для производственной деятельности.

В период Азербайджанской демократической республики в условиях проживания русских произошли изменения. Правда еще 7 декабря 1917 г. один из руководителей АДР М.А. Расулзаде говорил, что независимость и отделение от России не являются причиной быть врагом России. Избрание в парламент трех представителей русско-славянской организации говорит о реальности этих заявлений²². Большая часть местных русских занимала ответственные должности в высших и местных структурах АДР. Их можно было встретить в административном аппарате, в органах юстиции, среди прокуроров и судей²³. Отношение к русским со стороны населения и сотрудников местной власти было самым теплым. Несмотря на то, что по указу правительства АДР от 27 декабря 1918 г. азербайджанский язык принял статус государственного, официальный орган власти газета «Азербайджан» печаталась на русском языке. В государственных организациях предусматривалось одновременное использование русского и азербайджанского языков. В национальной армии АДР служило достаточное количество русских офицеров²⁴.

Во время существования АДР было много случаев возвращения части ранее переселившихся русских. Однако иногда без объяснения причин земельные участки, находившиеся в распоряжении русских крестьян, передавалось в распоряжение сельских общин, состоявших из числа местных жителей²⁵.

В 1920 г. после установления советской власти в Азербайджане переселение русских продолжилось. По данным переписи населения в 1950 г. численность русских, проживавших в Азербайджане, достигла 530 тыс. чел. или 16,5% населения республики. В 1898 г. эти цифры составляли соответственно 392 тыс. и 5,6%.

Высоким был уровень участия русских в местных и государственных органах власти. Участие 13 русских наряду с 16 азербайджанцами в органах высшей власти летом 1923 г. — еще одно тому доказательство²⁶. Присутствие в Бакинском городском совете до 1950 г. представителей русской национальности подтверждает сказанное. Стоит также отметить, что до 1967 г. руководителем КГБ был русский.

Количество русских, избранных в Верховный Совет Азербайджанской ССР, в 1938 г. составляло 36 чел.²⁷, а в 1967 г. — 41²⁸.

По переписи 1921 г. в Азербайджане было отмечено 80 русских сел, 30 из которых были католическими, а в остальных жили православные русские²⁹.

В годы советской власти русские были самой большой этнической группой после азербайджанцев. В больших городах, таких как Баку и Гянджа,

русские составляли 26,6—35,7% населения. В 1950-х гг. было 120 сел с русскоязычным населением³⁰.

Но, начиная с 60-х гг. XX в., количество русских поселений стало сокращаться, а с середины 1980-х гг. этот процесс даже несколько ускорился. Некоторые русские села в Хачмазском, Кубинском и Шамахинском районах стали безлюдными. Основными причинами этого являлись: процесс урбанизации и миграция³¹.

Кроме того, условия для занятия предпринимательской деятельностью в крупных городах Российской Федерации, таких как Москва, Санкт-Петербург, Ростов, Нижний Новгород, Самара, были более привлекательными.

Но было бы неправильным не отметить среди причин отъезда русских события 1990-х гг., создание нестабильной политической обстановки в республике. Кроме того, были ликвидированы преимущества, которыми русское население пользовалось на протяжении десятилетий, а азербайджанский язык получил статуса государственного.

Распад СССР в декабре 1991 г., конфликт вокруг территории Нагорного Карабаха, перешедший в войну, уход примерно 70—80 тыс. русских военных и членов их семей также стали причинами новой волны миграции русскоязычного населения из Азербайджана. Стоит отметить, что некоторые русские приняли участие в боях за Карабах. Многие из них — И. Макеев, У. Ковалёв и др. — были удостоены звания Национальный герой Азербайджана.

Ухудшение российско-азербайджанских отношений, усиление антирусской пропаганды на страницах официальной прессы в период правления Народного Фронта стали еще одной причиной выезда русских из Азербайджана. Наряду с ними страну покинуло и немало азербайджанских семей³².

Несмотря на сокращение общей численности, русские, проживавшие в 1990 г. в Баку, составляли 6,7%. Сохранилось и русское население в селах Исмаиллинского, Хачмазского, Джалилабадского, Гедабекского, Геранбойского районов³³.

«Азербайджан наша родина. В Азербайджане созданы равные условия для всех граждан независимо от национальности и вероисповедания. Мы, русские сделаем все для развития и процветания Азербайджана». Автор этих слов — председатель Русской общины в Азербайджане Михаил Забелин³⁴. Наверно, эти слова отражают общее мнение всех русских, проживающих в Азербайджане.

В Азербайджане еще до объединения с Россией имелась достаточно широкая сеть русских школ. Они сохранились и после 1870-х годов. Это помогало близкому знакомству местной интеллигенции с русской наукой и культурой. М.Ф. Ахундов, С.А. Ширвани и другие высоко оценивали значение русских школ и отправляли туда своих детей для получения образования. Ширвани в 1870 г. открыл в Шемахе русскую школу, в которой сам преподавал³⁵.

Начиная с 1926 г., в Азербайджанской ССР началось преподавание русского языка в нерусских школах. Расширялось использование русского языка в высших учебных заведениях и научных организациях. После принятия в Москве закона 1938 г. об обязательном обучении русскому языку в национальных школах, работа в этом направлении пошла еще быстрее. Сейчас в Азербайджане более чем в 300 общеобразовательных школах, в 18 высших и 38 средних специальных учебных заведениях обучение ведется на русском языке. Особым событием стало учреждение 13 июня 2000 г. Бакинского Славянского Университета им. М.Ф. Ахундова³⁶. Сейчас в Баку функционирует общество учителей русскоязычных учебных заведений, в ноябре 2009 г. открылся Дом русской книги. Среди распространителей русского языка и культуры, наряду с русскими, выступает и определенная часть местных жителей. Количество людей, получивших среднее и высшее образование на русском языке, особенно в

Баку и других крупных городах, с каждым годом увеличивается. Растет и число людей, говорящих на русском языке, и, скорее всего, процесс этот будет продолжаться.

Примечания

1. АЛИЕВА А. Русские в Азербайджане: без проблем, но с языком. Баку. 2007, с. 52.
2. Русские. М. 2003, с. 53.
3. ИСМАИЛ-ЗАДЕ Д.И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е гг. XIX — начало XX в.). М. 1082, с. 59.
4. Там же, с. 59.
5. Там же, с. 62.
6. Там же, с. 105.
7. Там же, с. 109.
8. Там же, с. 112.
9. ВОЛКОВА Н.Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв. — Кавказский этнографический сборник. Т. 4. М. 1969, с. 7.
10. КОМАРОВА О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане. В кн.: Русские старожилы Азербайджана. Т. 4. М. 1990, с. 91—92.
11. ВОЛКОВА Н.Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв. — Кавказский этнографический сборник, с. 7.
12. История Азербайджана. Т. 2. 1960. Баку, с. 463.
13. Там же, с. 465.
14. ЛЕНИН В.И. Переселенческий вопрос. Полн. Собр. Соч., т. 21, с. 227.
15. ИСМФИЛ-ЗАДЕ Д.И. Ук. соч., с. 35.
16. Там же, с. 52.
17. Русские, с. 155.
18. Там же, с. 139.
19. ИСМАИЛ-ЗАДЕ Д.И. Ук. соч., с. 193.
20. МУСАБЕКОВ Р. Становление независимого азербайджанского государства и этнические меньшинства. Баку. 2012, с. 4.
21. ИСМАИЛ-ЗАДЕ Д.И. Ук. соч., с. 197.
22. ВОЛХОНСКИЙ М., МУХАНОВ В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М. 2007, с. 150.
23. БАБЕРОВСКИЙ Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М. 2010, с. 148, 150.
24. Там же, с. 153.
25. ВОЛХОНСКИЙ М., МУХАНОВ В. Ук. соч., с. 151.
26. БАБЕРОВСКИЙ Й. Ук. соч., с. 151.
27. История Азербайджана, т. 2, с. 8.
28. Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов Азербайджанской ССР, Нахичеванской АССР и местных Советов депутатов трудящихся Азербайджанской ССР, избранных в марте 1967 года (статистический сборник). Баку. 1969, с. 12.
29. МУСАБЕКОВ Р. Ук. соч., с. 2.
30. Там же, с. 3.
31. Там же, с. 3.
32. ЮНУСОВ А. Ук. соч., с. 18.
33. МУСАБЕКОВ Р. Ук. соч., с. 5.
34. МИШИН В. 15 лет Русской общине Азербайджана. — Нефтяное обозрение (oilru.com). 2012, с. 12.
35. История Азербайджана, с. 463—464.
36. Censuses of Republic of Azerbaijan: 1979, 1989, 1999, 2009. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР. Архивировано из первоисточника 3 февраля 2012.

Отношения России со Святым Престолом в XIX в.

О.В. Серова

В целом ответ Св. Престола по поводу епископа Сымона Чарыков (как следует из его частного письма от 29 (17) марта скорее всего Муравьеву) считал соответствовавшим заверениям, данным в последний месяц папой и его государственным секретарем и, казалось, указывал больше на стремление Св. Престола сохранить дружеские и взаимно доверительные отношения с российским правительством, чем настаивать на назначении епископа в Плоцк. Ему представлялось, что, если российская сторона согласится выплачивать прежнее жалование и проявлять знаки уважения, должные его духовному сану, но при этом сочтет его назначение в Плоцк невозможным, папа откажется от этого проекта и найдет туда другую кандидатуру.

Размышляя над дальнейшей судьбой и местом пребывания епископа Сымона, Чарыков полагал, что именно в надежде сохранения его плоцкого бреве папа теперь предлагал дать прелату специальные инструкции, чтобы он признал свою ошибку и настойчиво просил прощения у императорского правительства. Но при этом, естественно, возникал вопрос: «Придавало ли наше Министерство внутренних дел значение тому, чтобы воспользоваться этим случаем, очень редким, я полагаю, чтобы иметь возможность сообщить епископу, которому нами выражено недоверие, прямое порицание Св. Престола? Если да, то, возможно, могли бы попытаться добиться этого, отстаивая отказ от Плоцка. Но, в таком случае, нужно было бы, по меньшей мере, иметь возможность заявить Св. Престолу, что, из уважения к личности Льва XIII, мы были бы готовы признать за монсеньором Сымоном возможность представить новые объяснения относительно его поведения, доставляя ему специальные инструкции, утвержденные Его Святейшеством».

Если бы Св. Престол удовлетворился подобным заявлением, вопрос пребывания Сымона разрешился бы сам собой. Можно было бы выбрать ему место жительства в Империи, за исключением С.-Петербурга и, вероятно, Литвы и Белоруссии.

Напротив, в случае, когда он будет лишен всякой надежды на церковное будущее в России, следовало считаться с возможностью, что он уедет за границу, а именно в Рим. Это могло оказаться чревато нежелательными последстви-

ями: настроенные весьма примирительно в данное время в отношении России польские круги в папской столице подчиняются приказам, исходящим, как от Рима, так и от Варшавы, а кардинал Ледоховский¹ и непримиримо настроенные слои польского общества почти не играют никакой роли. При жизни Льва XIII, «конечно, не следует ожидать возврата своего влияния этими кругами. Тем не менее, присутствие в Риме относительно молодого (ему 58 лет) и амбициозного монсеньора Сымона отразится достойным сожаления образом на продолжающемся здесь процессе умиротворения»².

А в письме Мосолову, за то же число, Чарыков отмечал, что увидел в этом ответе доказательство того, как ему казалось, что папа «хлопочет не столько о Сымоне, сколько о том, чтобы не было, по возможности, скандала и охотно пойдет на всякий мост — конечно, как можно более золотой — который мы ему устроим для отступления. Но не скрою от Вас, что появление Сымона за границей и, в особенности, в Риме, было бы крайне некстати, настолько здешние ватиканско-польские дела принимают соответствующий нашим интересам оборот, который, в свою очередь, мне сдается, должен будет отразиться хорошо на наших внутренне-польских отношениях»³.

Ознакомившийся с запиской Курии Горемыкин нашел, что у двух сторон «по существу соглашения не встречается никакого разногласия». Но для восстановления порядка, нарушенного распоряжениями епископа Сымона, он не видел иного способа, как «преподание Св. Престолом надлежащего в указанном смысле разъяснения». И направить его следовало не на имя Сымона, лишь из-за отсутствия митрополита приводившего его в исполнение, а на имя архиепископа Козловского, уклонявшегося от отмены неправильных распоряжений его заместителя. Он сожалел, что составленное на основании состоявшегося соглашения послание Курии содержало выражения, допускавшие двоякое толкование (в частности, упоминание о декрете 11 июля 1877 г.), «чем мог быть введен в заблуждение даже столь богословски просвещенный человек, как епископ Сымон». Но он рассчитывал, что «разъяснительное толкование Курии будет составлено в выражениях точных и ясных», вполне соответствующих смыслу самого соглашения.

Что касалось Сымона, то министр полагал необходимым поставить папское правительство в известность, что после устранения допущенной неправильности правительство приступит к обсуждению его дальнейшей участи.

Это письмо Горемыкина было переслано Чарыкову 2 июня (21 мая)⁴.

Как следовало из телеграммы, секретного и частного писем от 7 июня (26 мая) Чарыкова Муравьеву, Курия согласится направить инструкции на имя архиепископа Козловского в указанном российской стороной смысле. Но она «настоятельно желает быть одновременно осведомленной» о предложениях российской стороны относительно епископа Сымона, вместо ее обещания приступить к обсуждению его участи после устранения допущенного им неверного истолкования соглашения.

Кардинал Рамполла, полагал Чарыков, очевидно, боялся, что за таким заявлением скрывается намерение отсрочить на неопределенное время решение вопроса о замещении плоцкой кафедры. Между тем, этот вопрос, обойденный на прошедшей консистории, «затрагивает живейшим образом, в виду состоявшегося бреве, личное самолюбие и достоинство папы, для коего крайне желательно разрешение его ранее следующей, ожидаемой уже в июне, новой консистории». По этим соображениям кардинал просил, чтобы вопрос об участи епископа был решен одновременно с окончанием вызванных его действиями затруднений и уже теперь Чарыков мог ему сообщить предложения правительства по этому поводу.

Исходя из того, что у российской стороны отсутствовало стремления затягивать вопрос о Сымоне и оно желало поскорее получить разъяснения Курии

по вопросу о минских приходах на имя архиепископа Козловского, Чарыков просил, в свою очередь, у Муравьёва разрешения (по возможности по телеграфу) сообщить Рамполла сущность предложений правительства о дальнейшей участи Сымона, но пойти на это только при условии предварительного получения от кардинала положительного уверения, что желаемые инструкции будут незамедлительно даны.

В разговоре с Чарыковым Рамполла сказал, что, если бы Сымон прибыл в Рим, то папа «лично сделал бы ему такие внушения и преподал бы такие наставления, которые положили бы конец его самопроизвольным недоумениям». Из этих слов дипломат заключил, что «здесь имеется положительным образом в виду» предположение о его приезде в Рим в случае невозможности его службы в России. Что касалось личного вопроса Сымона, Чарыкову казалось, что «не будут слишком требовательными ради него. Государственный секретарь его защищает неохотно. Но хотели бы иметь некоторые точные указания относительно наших намерений, менее неблагоприятных, чем таковые нашей памятной записки, и, особенно, хотели бы решить вопрос плочкой кафедры, ввиду скоро ожидаемой консистории, и который весьма важен для папы и Рамполла. Я не верю, чтобы Св. Престол пошел бы на большее, чем то, что он нам предлагает сегодня. Если мы отклоняем, он вернется к осторожности, к которой он очень привык в отношении нас. Но архиепископ не получит инструкций, меры монсеньора Сымона не будут отменены, а мы, вероятно, будем иметь одним полонизирующим эмигрантом больше в Риме, где они, к счастью, не редки»⁵.

В ответ на упомянутую выше телеграмму Чарыкова Горемыкин письмом от 13 (1) июня сообщил Муравьёву, «что назначение епископа Сымона в плочкую или иную вакантную епархию представляется невозможным по причинам, вызвавшим отказ Государя Императора от такого назначения». С российской стороны могло быть предложено только предоставление ему соответствующего титула в католической иерархии с сохранением за ним пожизненно или до получения должности содержания, полагавшегося ему в качестве суффрагана (2000 рублей в год)⁶. Письмо Горемыкина было переслано Чарыкову 16 (4) июня.

Тем временем, (донесение Чарыкова от 19 (6) июня 1898 г.) кардинал спросил его, будет ли предоставлена епископу, как он уже сообщал, возможность остаться в России, если он того пожелает. Он ответил утвердительно и пояснил, что намерения правительства остаются неизменно теми же, а именно: за ним будет признано церковное звание, предоставленное Курией, он будет пожизненно получать 2500 руб.⁷ в год и иметь право по собственному выбору или оставаться в России или ехать за границу.

Мотивировка кардиналом своего вопроса необходимостью уточнения намерений российского правительства в отношении епископа тем, что он установил с ним контакт и убедил добровольно отказаться от плочкой кафедры, прозвучала для Чарыкова неубедительно. Со своей стороны, он заключил из этого, что в Ватикане не желали прибытия епископа в Рим и предпочли бы, чтобы он не покидал Россию⁸.

Чарыков не ограничился этим устным ответом. В письме Муравьёву от 5 июля (23 июня) 1898 г. он передал кардиналу Рамполла памятную записку, составленную им на основании пересланного ему письма Горемыкина Муравьёву. По поводу содержавшегося в ней заявления о неприемлемости назначения епископа Сымона на кафедру в Плоцке или на какую-либо иную вакантную кафедру, Рамполла выразил крайнее огорчение, так как это ставило папу перед необходимостью отозвать бреве, данный им епископу на плочкую кафедру.

Чарыков обратил внимание кардинала на то, что из записки вытекало желание «всячески облегчить Его Святейшеству выход из того положения, кото-

рое создано неправильными действиями епископа Сымона». Он напомнил, что о причинах невозможности допущения его на плоцкую или какую-либо иную вакантную кафедру уже говорилось в его предыдущей памятной записке. Затем он высказал предположение, что, чем более инструкция Козловскому, проект которой кардинал намерен был ему передать, «будет способствовать прекращению неправильностей, виновником коих был епископ Сымон, тем легче будет нам допустить его со временем вновь к участию в нашем церковном управлении». На это кардинал сообщил, что, поскольку тираспольский епископ — «по сведениям “русских газет”» — просит об увольнении на покой по болезни, то, если бы эта кафедра могла бы быть предоставлена Сымону, папа вместо отзыва бреве был бы вынужден произвести лишь перемещение с одной кафедры на другую.

На это Чарыков ответил, что тираспольская кафедра пока еще занята, и о ее замещении говорить рано. Все, на что на тот момент правительство было готово пойти — это признать за епископом Сымоном церковное звание, которое было бы ему предоставлено Курией, и сохранить пожизненно или до получения нового поста содержание, полагавшееся ему по должности могилевского суффрагана в размере 2000 рублей в год ⁹.

Во время дипломатического приема Рамполла заверил Чарыкова (донесение от 27 (15) сентября 1898 г.), что папское правительство стремится к исполнению соглашения прошлого года об обращении, через Чарыкова, по собственному почину, с письмом к Козловскому, содержащим инструкции и разъяснения, вызываемые теми недоразумениями, которые возникли по поводу практического осуществления того соглашения.

Относительно Сымона Рамполла заверил, что Курия «нисколько не берет на себя его защиту», но совершенный им проступок «не может повлечь за собой, на основании канонических правил низложение (deposition)». Он добавил, что дело это «чрезвычайно затруднительно и что надо бы отыскать из него какой-либо обоюдоудовлетворительный выход» ¹⁰.

Обещанную инструкцию — написанное Рамполла по указанию папы письмо от 5 октября 1898 г. на имя архиепископа Козловского, переданное «за открытою печатью» Чарыкову, — сам дипломат находил документом, удовлетворявшим требованиям российской стороны, потому что, как того желало Министерство внутренних дел, оно было «действительно составлено в выражениях точных и ясных». Вместе с тем, он отмечал, что, хотя в нем имелись ссылки на соглашение от 2 апреля 1897 г. и на памятные записки относительно дела епископа Сымона, однако не было повторено указание на буллу конгрегации Св. Инквизиции от 11 июля 1877 г., послужившую поводом для распоряжений епископа ¹¹.

Подробный разбор послания содержался в документе от 30 (17) октября, озаглавленном «Записка о Сымоне». Ее автор не указан, но, судя по ее содержанию, им мог быть только Мосолов, более других приобщенный к предмету обсуждения. Им это послание было найдено «составленным темно и неполно и несогласно с обстоятельствами дела». Он ссылаясь на то, что «то же мнение выражает о нем и архиепископ Козловский». По поводу того, что в послании говорилось лишь, что соглашение об исключительном употреблении латинского языка касалось только приходов, где действительно не было пастырей, в записке уточнялось: «Иначе говоря, не следовало объявлять его в семи русских приходах. Теперь об этом говорить поздно, поскольку едва ли возможно возвращение в них к русскому языку».

К недостаткам послания относилось то, что в нем ничего не говорилось «об отмене или разъяснении неправильного распоряжения Сымона, исключившего дополнительное богослужение из латинского языка, предоставив употреб-

лять местный». И пояснялось: «Это касается 16 приходов, в которые было назначено 9 священников. Из них первоначального сразу удалили за польский язык, а остальные терпимы временно, впредь до правильного разъяснения. Новые священники допускаться не будут». Высказав предположение, что в Министерстве внутренних дел, «по-видимому, идет речь о том, не возвратит ли письмо кардиналу, как неудовлетворительное», он приходил к неутешительному заключению: «Таким образом, остается открытым как вопрос о Сымоне, так и о минских приходах»¹².

Ответ Министерства внутренних дел на послание Козловскому был изложен в записке, пересланной Муравьевым Чарыкову 10 января 1899 (29 декабря 1898) года.

Отмечалось, что «закрывающиеся в нем указания при всей их конкретности и лояльности» не устраняли полностью неправильного толкования епископом Сымоном вопроса об исключительном употреблении латинского языка. Напоминалось, что в переданной Чарыковым 27 (15) декабря 1897 г. государственному секретарю памятной записке подробно, с приложением документов, было объяснено, что епископ не только распространил действие соглашения на приходы, на которые этого делать не следовало. Он дал также разъяснения, допускавшие в бывших вакантных приходах дополнительное богослужение и совершение таинств не только на латыни, но и на местных языках, понимая под этим польский язык.

Учитывая это, во избежание новых осложнений еще до официальной передачи письма кардинала Рамполла у Козловского спросили, какие меры он принял бы на основании подобного послания для отмены неправильного толкования епископом Сымоном соглашения об исключительном употреблении латинского языка. Из его объяснений стало ясно, что он ознакомил бы приходы с текстом послания, не касаясь совершенно вопроса о том, правильным ли было разъяснение епископа Сымона об употреблении польских песнопений. Это означало, «что в небольшом числе приходов, на которые соглашение не должно было распространяться, надлежало бы снова вводить в дополнительное богослужение употребление русского языка, наряду с большинством приходов, в коих, вместо установленного Святым Престолом латинского языка продолжалось бы неправильное употребление языка польского или, за недопущением новых назначений священников, не совершалось бы вовсе богослужения».

Исходя из такой ситуации, российское правительство решило воздержаться от передачи послания кардинала по назначению, вернуть его и просить изыскать более определенные формулировки «для принуждения могилевского архиепископа к преподаванию приходскому духовенству точных и ясных указаний об исключительном употреблении в соответственных приходах латинского языка»¹³.

В доверительном письме Муравьеву от 7 января 1899 (26 декабря 1898) г. при пересылке записки для Чарыкова по поводу послания Рамполла Козловскому Горемыкин коснулся будущего епископа Сымона. Он подчеркнул, что правительство «вовсе не имело в виду домогаться от Римской Курии его низложения. Мы вполне сознаем затруднительное положение папы в отношении этого духовного лица и не желаем, со своей стороны, оставлять его навсегда в неопределенном положении. Поэтому и за невозможностью предоставить епископу Сымону другое назначение, министерство желало бы, — писал он, — заручиться совершенно частным образом согласием Св. Престола на предоставление ему хотя бы высшего титула в странах неверных (*in partibus infidelium*), если он сам об этом будет просить. При таком условии с ним можно было бы войти в ближайшее соглашение по этому предмету, если он начнет тяготиться своим нынешним положением»¹⁴.

О новых свидетельствах того, как воспринималось дело Сымона Львом XIII и Рамполла, Чарыков писал в донесение от 3 января 1899 (22 декабря 1898) года.

На рождественском приеме он сказал папе, что не имел еще ответа на последнее официальное сообщение Курии по делу Сымона. Но одновременно он поведал, что ему стало известно, что, вместо того, чтобы терпеливо ожидать решения своей участи, Сымон продолжал в Одессе «оппозиционный и даже вызывающий» по отношению к власти образ действия, чем ее еще больше убеждает в невозможности допустить его к замещению какой-либо кафедры. В ответ папа заметил, что это дело является частным делом и «важна здесь только принципиальная сторона вопроса, именно невозможность для Святого Престола сместить (*destituer*) епископа без канонического основания»¹⁵.

Рамполла, которого Чарыков затем посетил, показался ему «снова гораздо более примирительным». Когда дипломат заговорил о том, что нота, в которой он настаивал на предоставлении Сымону плоцкой кафедры, произвела неблагоприятное впечатление, кардинал увидел в этом какое-то недоразумение, так как в ней, напротив, признается невозможность допущения епископа в Плоцк. К тому же его сообщения были лишь политической запиской, а не нотой, и если они были найдены неприятными, то он об этом искренне сожалел. По поводу дела Сымона он заметил, что в нем для Курии важна «только принципиальная сторона вопроса. В других государствах, а также и в Италии нередко встречаются епископы, поведение коих не одобряется папой, но канонического основания для отрешения их (*destitution*) не представляется возможным», — пояснил он. Как и папа, он выразил надежду на поддержание и упрочение хороших отношений¹⁶.

Еще ранее в беседе с Чарыковым Рамполла в ответ на замечание дипломата по поводу наличия еще многочисленных прелатов, «противящихся одинаково дружественным русскому правительству указаниям папы и справедливым требованиям местной администрации», дал весьма примечательный ответ. «Если возникают затруднения между каким-либо епископом и правительством, мы просим, чтобы через миссию при Ватикане об этих случаях нам было бы сообщено, и Вы всегда найдете со стороны папы поддержку и полную готовность дать епископам надлежащие наставления. Повторяю во всех этих делах весь наш нравственный авторитет — за Вас», — сказал кардинал¹⁷.

Новое подтверждение действительно вполне лояльного отношения к епископу Сымону и стремления содействовать решению проблемы дал С.-Петербург своим позитивным отношением к найденному Львом XIII способу положить конец этому затянувшемуся делу. Памятной запиской Курии он был оповещен о намерении папы «предложить епископу Сымону отречься каноническим путем от плоцкой епископской кафедры и предоставить ему звание архиепископа *in partibus* с тем, чтобы российское правительство, со своей стороны, назначило ему ежегодную пенсию с разрешением свободного проживания в Империи».

Одобрив такое решение папы, управляющий Министерством внутренних дел Д.С. Сипягин испросил согласия императора на назначение епископу Сымону ежегодной выплаты 2500 руб. (что означало увеличение на 500 руб. ее прежнего размера), правда, с оговоркой — «по воспоследовании его отречения от плоцкой кафедры» — и «на предоставлении ему затем права проживать, где пожелает». «Высочайшее согласование» Николая II было зафиксировано 23 (11) ноября 1899 г. на всеподданнейшем докладе Сипягина¹⁸.

О намерении увеличить пенсию епископу Рамполла был информирован Чарыковым еще до этой резолюции императора на докладе министра. Как следовало из его донесения от 7 ноября (26 октября) 1899 г., он сказал кардиналу, на основании слов Мосолова, что при составлении всеподданнейшего

доклада министра внутренних дел предполагается ходатайствовать о прибавке приблизительно 500 руб. к пенсии в 2000 рублей. Тогда же кардинал спросил Чарыкова, мог ли он сообщить об этом доверительно Сымону, на что тот ответил, что, со своей стороны, не встречал препятствий к тому, чтобы епископ был осведомлен о касающихся его намерениях правительства. Из этих сведений, полагал дипломат (донесение от 19 (7) декабря 1899 г.), можно было заключить, что уже получено согласие епископа Сымона на предложение Св. Престола отречься от плоцкой кафедры ¹⁹.

Окончательно положение епископа Сымона определилось летом 1901 г. 19 (6) апреля новый министр-резидент при Св. Престоле К.А. Губастов информировал С.-Петербург о предоставлении Ватиканом Сымону права пользоваться титулом архиепископа Атталийского «*in partibus*». По получении пяти актов папского управления о даровании ему этого права 27 (14) июня последовало «всемилодивейшее соизволение на предоставление епископу Сымону права пользоваться означенным званием». На следующий день Сипягин (уже в качестве министра внутренних дел) известил Сымона об этом письмом, к которому были приложены пять актов, а также сообщил об увольнении его от должности могилевского суффрагана, а также из состава духовенства могилевской епархии. Он также сообщил о предоставлении ему права пользоваться в России пожалованным папой титулом архиепископа Атталийского, без внесения в списки римско-католического духовенства Российской империи и без права совершать богослужения, и, наконец, о назначении ему ежегодного содержания в 2500 руб. с предоставлением права проживать там, где он пожелает ²⁰.

Последним правом архиепископ воспользовался незамедлительно. 8 июля (25 июня), возвращая свидетельство от 14 (1) ноября 1897 г. на пребывание в Одессе, он обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о предоставлении нового свидетельства согласно дарованному ему праву и о выдаче заграничного паспорта, поскольку намеревался отправиться за границу для лечения.

Одновременно с заграничным паспортом Сымон получил и бессрочную паспортную книжку от 10 июля (27 июня) 1901 года. В ней в разделе «место постоянного жительства» имелась запись: «С Высочайшего соизволения предоставлено право проживать, где пожелает» ²¹.

До своего отъезда за границу, ссылаясь на «разные формальности, требуемые казначейством при выдаче жалования по доверенности, равно как замедления при переводе его из одного казначейства в другое в случае перемены места жительства», архиепископ Сымон просил Мосолова о переводе денег на Духовную коллегию. В этом ему было отказано по причине того, что он не состоял в штате римско-католического духовенства, но было предложено дать доверенность на получение денег лицу, находящемуся в С.-Петербурге, и уведомить департамент духовных дел иностранных исповеданий об этом с тем, чтобы деньги были оставлены на главном казначействе. Сымон составил доверенность на имя столоначальника могилевской консистории Я.В. Дулевича ²².

Вопрос с посланием архиепископу-митрополиту решился осенью 1901 года. 24 (11) сентября Губастов сообщил в С.-Петербург о том, что Рамполла передал ему измененный вариант письма, который, по его мнению, отличался большей определенностью, поскольку в нем имелись разъяснения. Во-первых, священники в вакантных приходах должны назначаться с соблюдением канонических норм и при условии, чтобы они исправляли обряды и совершали таинства только на латинском языке. Слова «только» прежде не было. Во-вторых, в нем указывалось, на какие приходы распространялось это соглашение. А ведь опущение этих указаний в прежнем сообщении Курии дало возможность епископу Сымону неправильно толковать их смысл и сделать распоряжения относительно приходов, которых соглашение вовсе не касалось.

Примечательно, что Губастов, вполне позитивно оценивая новое послание кардинала, одновременно отмечал: «Конечно, ни одно писание, выходящее из-под пера римских казуистов, не свободно вполне от упрека в недостаточной ясности изложения. Поэтому получающий оное католический прелат всегда может, при желании и при некоторой недобросовестности, истолковать латинский текст преподанных ему указаний согласно своим взглядам на государственные или церковные интересы. Лучшим и современным сему примером служит образ действий бывшего плоцкого епископа, которому сама Курия поставила потом в упрек его “широкие разъяснительные распоряжения”, находя, что он лучше бы поступил, если бы от таких воздержался и испросил бы себе авторитетных инструкций»²³. Как сообщал 27 (15) ноября 1901 г. в докладе Николаю II Сипягин, письмо это «по тщательному оногo рассмотрению и обсуждению» с митрополитом Болеславом Клопотовским «признано удовлетворяющим цели и дающим епархиальному начальству твердое основание к недопущению в дополнительном богослужении названных приходов иного языка, кроме латинского».

Ввиду этого и, убедившись в искреннем желании митрополита «содействовать скорейшему приведению в надлежащий порядок этого дела», министр препроводил это письмо митрополиту, объявив о согласии императора на приведение его в действие, а минскому губернатору он предложил постоянно следить «за точным исполнением сего соглашения и впредь о всех замеченных нарушениях или отклонениях от оногo» ставить его в известность²⁴.

О Сымоне вспомнили весной 1906 г. в связи с трудностями, возникшими при назначении митрополита римско-католических церквей, когда искали для замещения этой должности лицо, состоявшее в епископском звании после отказа намеченных Министерством внутренних дел на этот пост епископов. Тогда государственный секретарь кардинал Мерри дель Валь и предложил кандидатуру Сымона.

В письме министру иностранных дел Извольскому от 30 (17) мая 1906 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин так изложил свое отношение к этому предложению. Такое назначение, считал он, «ни в коем случае не может иметь места», ибо, по его мнению, это не соответствовало бы достоинству императорского правительства, к коему Сымон в 1897 г. обнаружил явное неуважение, сознательно придав превратное толкование состоявшемуся, при его участии, соглашению с Римом о замещении вакантных римско-католических приходов минской губернии. А его образ действия в этом деле свидетельствовал, что правительство не могло относиться к нему с доверием, соответствующим столь важному и влиятельному в римско-католической иерархии положению, какое связано с занятием митрополичьей кафедры²⁵.

Следует признать, что в целом весьма умеренная позиция С.-Петербурга в деле Сымона объяснялась тем, что вину епископа в его глазах в значительной мере должна была разделить Курия, с которой, однако, не видели основания портить налаживавшиеся отношения. И оказались правы — плодом их дальнейшего улучшения стал, в частности, новый шаг Ватикана в урегулировании вопроса об употреблении русского языка в дополнительном богослужении.

29 ноября 1906 г. епископам в России было передано циркулярное послание Мерри-дель-Валя от 13 октября 1906 г. о том, что Св. Престол отныне не запрещает, чтобы при совершении крещения или бракосочетания русскими восприемниками или брачующимися ответы давались на русском языке и чтобы проповедь Слова Божия, преподавание катехизиса, а также молитвы и церковное пение совершались на языке большинства населения или той его группы, которой принадлежит данная церковь.

Это послание, полагали в С.-Петербурге, должно было подействовать на епископов, опиравшихся в своих националистических стремлениях и на запре-

щение употребления русского языка в римско-католическом богослужении на основании декрета конгрегации Св. Инквизиции от 1877 года ²⁶.

Чтобы упередить подобное воздействие на епископов, на циркулярное послание откликнулся архиепископ Сымон. Его письмо редактору варшавской газеты «Slowo» было опубликовано в номере за 8 января 1907 (26 декабря 1906) г. под заголовком «Русский язык в католической Церкви», а затем было воспроизведено другими органами местной печати. Автор объяснил его появление осознанием им своего долга «решительно опровергнуть», «как совершенно несогласное с истиной», появившееся ранее на страницах газеты сообщение по вопросу об употреблении русского языка в костелах. Конкретно речь шла об утверждении, «будто бы имелся тут в виду не столько русский язык, сколько белорусский, о введении которого в наше дополнительное богослужение русское правительство хлопочет-де тридцать лет».

Ссылаясь на упомянутый в сообщении декрет Св. Престола от 1877 г., Сымон истолковывал его в том смысле, «что во всем этом деле правительство имело в виду введение в наши костелы государственного языка, а не каких-либо наречий — малорусского ли, белорусского ли — с устранением употребляемого спокон века польского языка, и что Апостольский Престол, осведомленный о целях, которые ставило себе правительство в связи с заменой польского языка великорусским, сам, *proprio motu* ²⁷, издал означенный декрет».

Что касалось белорусского языка, епископ уверял, что ни российское правительство никогда не затрагивало вопроса о нем, ни Св. Престол никогда его не возбуждал. И причиной своего изгнания — прямо он себя не упоминает, а говорит об одном «из наших епископов» — он называет то, что осмелился опубликовать декрет Апостольского Престола 1877 года.

В заключение статьи особо подчеркивалось, что декрет 1877 г. и ныне, несмотря на новый циркуляр Римской Курии польским епископам, сохраняет свою силу. И в настоящее время запрещается «вводить в дополнительное богослужение русский язык вместо польского, а дозволено только в известных случаях — даже предложено, употреблять его наряду с обычным польским там, где окажется действительная надобность в этом, как например, при возникновении где-либо многочисленной группы обращенных в католичество взаправду русских людей. Одновременно такое же точно право признано в подобных случаях и за другими языками и наречиями. Но так как это могло бы породить известные затруднения, недоразумения и конфликты, то окончательное решение оставил Апостольский Престол за собой» ²⁸.

Иными словами, в письме доказывалось, что декрет 1877 г. и циркуляр 1906 г. представляли собой два различных постановления Св. Престола, не имевших друг к другу никакого отношения.

На этом он настаивал и в новом письме редактору той же газеты «Slowo» месяц спустя, 8 февраля 1907 года. Оно было ответом на опубликованные на страницах «Нового времени» в номере за 3 февраля (21 января) разъяснения «Осведомительного бюро» при Главном управлении по делам печати по вопросу о русском языке в дополнительном католическом богослужении. В них он увидел «довольно пространную отповедь» на его «скромное письмо», напечатанное 8 января.

Заявление бюро о том, что последний римский циркуляр к римско-католическому епископам отменял декрет Св. Престола 1877 г. и давал право католическому русскому населению там, где оно составляло значительное большинство, добиваться от церковных властей введения русского языка в дополнительном богослужении, вместо употребляемого ныне польского, архиепископ находил «совершенно противоположным и содержанию этого циркуляра, и общему мнению католических духовных епархиальных сфер, как здешних римских, так и тамошних местных» ²⁹.

Таким образом, архиепископ выступал в своих письмах (и это особо подчеркивалось в статье «Нового времени» за 17 (4) февраля под названием «Напрасные недоумения епископа Сымона») «перед польским обществом в роли авторитетного истолкователя взглядов и решений Рима». Между тем, как полагал автор статьи в «Новом времени», только сам текст циркулярного послания, почти полностью воспроизведенный в разъяснениях «Осведомительного бюро», может считаться действительным выражением мнения руководящих ватиканских кругов ³⁰.

Весной 1906 г. министру внутренних дел «со слов итальянских прелатов и других лиц» управляющий канцелярией виленского генерал-губернатора А.А. Станкевич, проведший несколько дней в Риме, сообщал в донесении, подписанном еще двумя чиновниками, что архиепископ Сымон вместе с прелатом Скирмунтом «ведет усердно и яростно интриги против России». К тому же, при этом предпринимает усилия к достижению сана митрополита римско-католических в России церковей ³¹.

Полученная информация вызвала интерес не только сама по себе, но и побудила заняться выяснением вопроса о том, «пользуются помянутые лица каким-либо влиянием в ватиканских кругах и каково, вообще, их отношение к Св. Престолу» ³².

Осенью того же года в департамент духовных дел иностранных исповеданий в адрес архиепископа Сымона поступили нарекания от директора канцелярии варшавского генерал-губернатора. Ссылаясь на представление петроковского губернатора, он сообщал о его участии, в числе других духовных лиц, в торжествах по случаю освящения вновь отстроенной башни ченстоховского Паулинского монастыря: он совершал богослужение и миропомазание, освещал башню. Причем делал все это вопреки тому, что на его приезд и на совершение им богослужения не было испрашено согласия главного начальника края ³³.

В С.-Петербурге действия архиепископа вызывали не только раздражение, но и досаду по поводу допущенной в свое время оплошности, состоявшей в том, что назначение ему пенсии не было оговорено условием не селиться ни в Риме, ни в ближайшем соседстве с этим городом. Из этого случая следовало сделать выводы и не повторять допущенную ошибку в новом подобном деле епископа Эдуарда Роппа, считал бывший тогда поверенным в делах при Св. Престоле М.Ф. Шиллинг.

«Пример епископа Сымона, — писал он в донесении от 5 августа (24 июля) 1907 г., — уже показал, что с точки зрения наших интересов нельзя признать полезным появление возле самого Ватикана представителя польского духовенства, облеченного высоким саном и считающего себя обиженным Россией» ³⁴.

Еще раз вопрос о епископе Сымоне встал осенью 1912 г., когда он обратился с ходатайством об увольнении из российского подданства с сохранением выплачиваемого ему содержания в размере 2500 руб. в год. Его выход из подданства был связан с предстоящим назначением настоятелем Мариакского костела в Кракове.

Польское «Slowo», указывая на выдающиеся заслуги архиепископа перед костелом и польским обществом, приветствовало «будущую духовную работу епископа-изгнанника на польской земле, любовь к которой он доказал своею жизнью и деятельностью». Ссылаясь на это, министр внутренних дел А.А. Макаров писал министру иностранных дел С.Д. Сазонову 4 ноября (22 октября): «Следует полагать, что с назначением архиепископа Сымона на упомянутую должность материальное положение его будет вполне обеспечено, и что предоставление ему столь почетной должности, как Мариакский костел в Кракове имеет характер вознаграждения за деятельность, осужденную Высочайшей властью». Макаров был готов удовлетворить первую часть его просьбы, но не

вторую, ибо «признавал бы несоответственным сохранение за ним получаемого им содержания». Прежде чем представить это дело на рассмотрение императора, он запросил мнение Сазонова³⁵.

В этой связи министр-резидент Д.А. Нелидов, сам не располагая никакими сведениями на этот счет, поинтересовался у кардинала Мерри-дель-Валь, какова теперь деятельность бывшего плоцкого епископа. В ответ он услышал, что кардинал его видит весьма редко, не чаще одного-двух раз в год, что тот не имеет никаких определенных занятий ни в одной из консисторий или комиссий, «да по свойствам своего характера и не подходит к такого рода деятельности», так как является человеком «неврастеничным».

Опираясь на эти слова, а также на сведения, содержащиеся в сообщенном ему вышеупомянутом письме Макарова, а также принимая во внимание весьма преклонный возраст архиепископа, Нелидов, со своей стороны, полагал, что его желание поселиться в Кракове, было продиктовано преимущественно стремлением провести последние дни жизни вблизи Родины. Находя весьма обоснованным предположение, что его материальное положение будет обеспечено и вполне логичным было лишение его содержания, получаемого из казны при выходе из российского гражданства, он, тем не менее, в депеше Сазонову от 3 декабря (20 ноября) 1912 г. изложил ряд соображений в пользу сохранения за ним казенного содержания.

Во-первых, при его отрешении от плоцкой епархии Курии было официально сообщено о пожизненном назначении этого содержания, причем оставление им российского подданства не было предусмотрено. Выплата епископу Сымонову содержания и по выходе его из русского подданства не могла создать неблагоприятный прецедент, если при повторении подобного случая специально оговорить такую возможность. Во-вторых, сохранение за уволенным из подданства епископом казенного содержания послужило бы наглядным доказательством того, «что католическое духовенство, как таковое (подчеркнуто в тексте. — *О. С.*), отнюдь не встречает враждебного к себе отношения Императорского Правительства и что, со своей стороны, духовенство это не чуждается материальных благ, исходящих от «схизматической власти»». Наконец, в-третьих, получение епископом Сымоном пенсии из России служило бы «некоторым нравственным стеснением на случай, если бы он собирался использовать свое пребывание в Кракове с враждебными для России целями». Одновременно оно давало бы правительству «угрозою лишения этой пенсии известное средство воздействия и возмездия, если бы действительно деятельность его оказалась для нас неудобной — на что, повторяю, у меня пока нет никаких указаний», — писал дипломат³⁶.

Исходя из мнений Макарова и Нелидова, Сазонов считал необходимым урегулировать этот вопрос с Курией. В письме Макарову от 14 (1) декабря 1912 г. он ссылаясь на то, что о назначении содержания епископу в 1900 г., ее информировали официально. Поэтому он находил неправильным теперь не сообщить ей предварительно о прекращении его выдачи, мотивируя тем, что с удовлетворением его просьбы о выходе из подданства возникала новая ситуация, предоставлявшая правительству право пересмотреть условия назначения в свое время пенсии.

Что же касалось существа проблемы, Сазонов привлекал внимание министра к двум моментам в пользу сохранения пенсии, повторив два последних соображения, приведенных Нелидовым. Первоначально (в черновом варианте письма Макарову) он даже приходил к следующему заключению: «Поэтому, казалось бы, что в сообщении нашем Курии по сему вопросу можно было бы обусловить сохранение за епископом Сымоном пенсии отказом от пребывания в местностях, где деятельность его могла бы быть не согласна с нашими интересами»³⁷.

Письмом от 1 февраля (19 января) 1913 г. управляющий Министерством внутренних дел Н.А. Маклаков, в том же месяце ставший министром, отклонил все соображения Сазонова. Он сослался на то, что, если епископ Сымон, находясь на государственной службе, не подчинил свою деятельность влиянию правительства, еще менее он захочет это делать с выходом из российского подданства. Полагая, что Сазонов разделяет его точку зрения, Маклаков затем заметил: «Как бы правительство ни относилось к тому или иному римско-католическому духовному лицу, Ватикан в этом отдельном факте вряд ли усмотрит доказательство отсутствия враждебного отношения со стороны правительства к римско-католическому духовенству. Нарекания Курии на враждебные действия русского правительства к римско-католическому духовенству и Церкви наблюдаются на протяжении всей истории взаимоотношений русского государства с Римом и, конечно, эти нарекания не прекратились бы вследствие сохранения за архиепископом Сымоном пенсии в 2500 рублей».

Маклаков был согласен с Сазоновым относительно появления в связи с выходом архиепископа из российского подданства новых обстоятельств, предоставлявших правительству право пересмотреть условия назначения пенсии. При этом главным из них он считал необязательность для государственной власти заботиться о материальном благополучии лица, не желающего даже принадлежать к подданным императора. Тем более, что, к тому же, предстояло его назначение настоятелем Мариацкого костела в Кракове, и вопрос о его материальной необеспеченности отпадал. Он просил Сазонова известить Курию о прекращении дальнейшей выплаты пенсии³⁸.

Выполняя это поручение, Нелидов в беседе с государственным секретарем 28 (15) февраля изложил смысл письма Маклакова. Как он и предвидел, это сообщение произвело на Мерри-дель-Валь «самое неблагоприятное впечатление». И «со свойственной ему резкостью в выражениях, он употребил слово «*odieux*» (гнусные. — *О.С.*) для характеризования образа действий наших властей в этом деле» — писал Нелидов в депеше от 5 марта (20 февраля) 1913 г. А.А. Нератову, товарищу министра иностранных дел. Кардинал заявил затем, что однажды пожалованная пенсия является неотъемлемым достоянием пользующегося ею лица за исключением случаев добровольного отказа от нее, и подчеркнул, что такого взгляда придерживалась всегда небогатая папская казна, а образ действия русского правительства тем более прискорбен, что архиепископ находится в весьма преклонном возрасте.

Замечание Нелидова, что в данном случае по существу речь не шла о пенсии, дающей за прежние заслуги, ибо их в этом случае не было, не переубедило его собеседника.

Выполнив полученное предписание, Нелидов не удержался от того, чтобы высказать своему адресату прежнее убеждение, «что в вопросах, где никакой принципиальный интерес государственной власти не затронут, частое повторение подобных невыгодных впечатлений крайне нежелательно, как само по себе, так и потому, что создает неблагоприятную почву для ведения дел принципиального значения»³⁹.

12 октября 1913 г. императором был подписан указ о прекращении выплат содержания архиепископу Сымону⁴⁰.

Информируя об этом Нелидова, Нератов предупреждал, что, если, в связи с таким решением, Мери-дель-Валь поднимет этот вопрос и повторит выражения подобные тем, о которых Нелидов писал в депеше от 5 марта (20 февраля), «ему надлежит самым решительным образом протестовать против такого охарактеризования действий императорского правительства». Указав кардиналу на невозможность продолжения беседы, ему следовало, «обратить его внимание на то, что произошедшее, несомненно, не будет способствовать улучшению отношений России с Курией»⁴¹.

Летом 1914 г. к Сазонову обратился краковский епископ князь Адам Сапега с просьбой об оказании содействия в возобновлении выплат пенсии Сымону. Он пояснил, что после своего назначения в Краков решил пригласить архиепископа Сымона на вакантный пост настоятеля Мариацкого костела, исходя из духовных нужд прихожан, опыта и учености архиепископа, а также из того обстоятельства, что этот пост не имеет политического характера. Поскольку, несмотря на значение прихода, доходы его чрезвычайно незначительны, а выплаты пенсии были прекращены, архиепископ оказался в очень стесненном положении. Эта ситуация беспокоила Сапегу, так как, не зная, что его предложение повлечет такое изменение материального положения, он сделал его архиепископу, исключительно желая облегчить последние дни этого духовного лица. Однако министр внутренних дел не усмотрел в этих доводах князя Сапегу основания для удовлетворения его ходатайства⁴².

В перипетиях вокруг дел епископа Сымона особо обращает на себя внимание стремление и С.-Петербурга, и Рима при его урегулировании не создавать дополнительных помех на пути явного улучшения их отношений, чем обе стороны очень дорожили.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 04-01-00040-а).

1. Занимал один из самых важных постов римской иерархии — префекта конгрегации Пропаганды веры.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1948. л. 86—87.
3. Там же, д. 1983, л. 112.
4. Там же, д. 1948, л. 50—51.
5. Там же, л. 92—95.
6. Там же, л. 53.
7. Расхождение в размере пенсии, указанном Чарыковым с тем, о котором писал Горемыкин, проистекло из того, что дипломат исходил из беседы с бывшим в Риме проездом Мосоловым, который ему сказал о намерении министерства ходатайствовать перед императором о прибавке к жалованию епископа 500 рублей. Это станет ясно из его донесений от 7 ноября (26 октября) и 19 (7) декабря 1899 года. АВП РИ, ф. Ватикан, оп. 890, д. 6, л. 132, 151.
8. Там же, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1948, л. 96.
9. АВП РИ, ф. Ватикан, оп. 890, д. 5, л. 85—87.
10. Там же, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1983, л. 73.
11. Там же, ф. Ватикан, оп. 890, д. 5, л. 119—120; ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1948. л. 109.
12. Там же, ф. Секретный архив, оп. 467. д. 177. 1898. л. 50—53.
13. Там же, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 1948. л. 59—60.
14. Там же, л. 57—58.
15. Там же, д. 1983, л. 98.
16. Там же.
17. Там же, д. 1983, л. 94.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 11, д. 74, л. 51.
19. АВП РИ, ф. Ватикан, оп. 890, д. 6, л. 132, 151.
20. РГИА, ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 125, д. 3095, л. 112—113, 121—122
21. Там же, л. 114, 117—118.
22. Там же, л. 125—127.
23. АВП РИ, ф. Ватикан, оп. 890, д. 8, л. 118—120.

24. РГИА, ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 11, д. 76, л. 58—59.
25. АВП РИ, ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 2203, л. 103—104.
26. Там же, ф. Отчет МИД. 1906, л. 156—157.
27. По собственному почину (лат.).
28. РГИА, ф. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, оп. 125, д. 3096, л. 18—19.
29. Там же, л. 24.
30. Там же, л. 22.
31. Там же, л. 5.
32. Там же, л. 7.
33. Там же, л. 15.
34. АВП РИ, ф. Ватикан, оп. 890, д. 21. л. 21.
35. Там же, ф. II Департамент 2—5, оп. 701, д. 96, л. 1—2.
36. Там же, л. 4—6.
37. Там же, л. 7—8.
38. Там же, л. 9—10.
39. Там же, л. 12—13.
40. Там же, л. 19.
41. Там же, л. 14—15; ф. Российское посольство в Риме, оп. 525, д. 2375, л. 216.
42. Там же, ф. II Департамент 2—5, оп. 701, д. 96, л. 21—42.

История Испании. От войны за испанское наследство до начала XXI века. Т. 2. М. «Индрик». 2014, 871 с.

В 1968 г. в созданной в Институте всеобщей истории АН СССР под руководством академика И.М. Майского (мой первый научный наставник) группе по изучению истории Испании и Португалии возникла идея написания трехтомника «История Испании». Для этого нужно было развернуть очерк Майского «Испания (1808—1917)» (М. 1957) в сторону античности, а также современных событий, наибольшее освещение среди которых уже получали Революция 1931—1936 гг. и Гражданская война 1936—1939 годов.

Исторический очерк оказал необыкновенно стимулирующее воздействие на большинство будущих исследований и стал предтечей недавно изданного двухтомника «История Испании».

Презентация 2-го тома «Истории...» — результата полувекового труда ряда поколений испанистов, преимущественно сотрудников ИВИ РАН, состоялась 14 сентября 2015 года. К этому времени все наиболее важные сюжеты заинтересованным читателям были уже известны, частью по диссертациям, частью по изданным монографиям, учебным пособиям или переводным работам, и поэтому 2-й том не явил собой ожидаемой новизны.

Первоначальная идея тома заключалась в отображении истории Испании в Новое время. Но в настоящем его исполнении, по разным причинам, в него были включены характеристики выдающихся государственных деятелей и широко известная проблематика истории Испании Новейшего времени. В итоге, в свет вышел некий синтез 2-го и 3-го

томов — менее насыщенный и не столько обобщенный, сколько ужатый, вопреки изначальным планам, описательный двухтомник.

Этот, внешне выдержанный в академических традициях фолиант, можно скорее назвать учебным пособием (см. аннотацию к 1-му тому «Истории Испании»). М. 2012). Не имеющее сносок издание несет в себе черты некой анонимности, вследствие которой студенту (читателю вообще) не ясно, какими материалами пользовался автор той или иной части издания. В этом случае он вынужден всякий раз вертеть громоздкий во всех отношениях труд, заглядывая в библиографию и разыскивая в ней нужного автора (с. 781—815), однако там не указаны страницы, которые ему нужны.

Сразу возникают вопросы к названию тома — «...От войны за испанское наследство...» и тезисам монополизировавших написание «Введения» и почти всего Нового времени Испании О.В. Волосюк и Е.Э. Юрчик. Новая история начинается с революций XVI, XVII вв. — Нидерландской и Английской — или с 1700 г., войны за испанское наследство и восшествия на испанский трон французского короля Фелипе V (имена испанских королей даются в соответствии с испанским написанием, а не с традиционно установившимся, но неоправданным)? С конца 20-х годов XVIII в., в правление Фелипе V, заканчивается всесторонний государственно-общественный упадок и начинается хозяйственный подъем. Но социально-экономическая сущность режима остается прежней (с. 54, 65). Значит, началом Новой

истории Испании, когда из феодально-монархического королевства отделилась буржуазно-протестантская Голландия, следует считать Нидерландскую революцию, если принимать в расчет европейские, а не национальные масштабы. Для национальной историографии, не учитывающей никакие изменения в стране, периодизация по этому вопросу неизменна. «Новая история» («*Edad Contemporánea*»), в ее трактовке, также начинается с революции 1808—1814 гг. (NAVARRO E. *La Historia de España*. Madrid. S.a., p. 10). Таким образом, периодизация истории в соответствии с правлениями королей, как это предложено составителями труда, по меньшей мере, ее профанация.

Вместе с тем, изложение тома практически выдержано в принципах «прошлой», но по-прежнему современной методологии, поскольку российской плюралистической нет. Плюралистическая же разногласия и порожденное ею «новое прочтение» истории — не методология, а в лучшем случае выражение персональной точки зрения на предмет изучения. Нынешняя методология — не более, как «методика» для грамотного написания студентами дипломных работ.

В XIX в. наибольшую революционную результативность следует признать за I и V революциями (1868—1874 гг.), но, вместе с тем, нельзя игнорировать очевидный вклад и всех остальных, тогда происходивших. Каждая из них двигала Испанию к некоему политико-хозяйственному прогрессу и, прежде всего, утверждению парламентаризма (см., напр.: Cortes Constituyentes. Madrid. 1880—1881, t. 1—18). Между тем, XIX в., известный, прежде всего, по очерку Майского, с богатой культурой и мощной философской мыслью, занимает в томе четверть его объема. Это столетие, пишут авторы «Введения», ждет возрождения научного интереса, связанного, «не в последнюю очередь, с освобождением от еще сохранившихся идеологических клише» (с. 17), то есть рассматривать его следует не в связи со свершившимися в том бурном веке революциями, а с правлениями королей. Это неправильно. И сказано в угоду современным общественным реалиям. Все гораздо проще.

Кто в СССР запрещал заниматься революционными процессами испанского XIX в. почти до конца XX в. российского? Как тогда, так и теперь, мало желающих исследовать проблемы истории Испании, в том числе либерального (между прочим, испанские револю-

ции, включая и V отчасти, имели либеральную политическую основу) свойства. Испанистов-историков в России во все времена было очень мало. Интересующихся страной — масса, жаждущих поработать над ее проблемами — единицы. Так что «клише» тут не причем. Другое дело, что испанские революции менее рельефно выражены, чем предшествующая им Французская революция. Но дело и не в этом. Революция в зависимости от конкретных политических и социально-экономических обстоятельств может выступать в любом виде. Главное, что испанские революции, начинаясь и заканчиваясь армейскими мятежами (пронунсиамьенто), оставались незавершенными (каких в истории было немало) и качественно почти ничего не меняли, от чего не переставали, однако, быть революциями. Наоборот, целью и задачей государей было не допустить кардинальных изменений в обществе.

Темой войны за испанское наследство, которой открывается том, тоже мало кто занимается. Юрчик, первая из российских испанистов, сумела упорядочить ее изложение, разобраться в запутанной эмпирической межгосударственной военно-политической ситуации. Однако ее изложение уступает глубиной разработке темы, проделанной профессором Смоленского госуниверситета Л.И. Ивониной в книге «Война за испанское наследство» (М. 2009). Разумеется, одну и ту же проблему исследовало множество ученых, точки зрения которых могли быть отражены на страницах данного издания. Но это — вопрос историографии, которой у Юрчик нет. Не менее важно при этом расширить круг авторов, не ограничиваясь испанистами-профессионалами.

Юрчик допускает фразы, что называется, «без нагрузки». Например, «во второй раз в истории страны на троне оказался молодой, лишенный политического опыта иностранец». Что из того следует? В истории на троне оказывались монархи, моложе, чем Карлос I (1500; 1516—1558) и Фелипе V (1683; 1700 — янв. 1724 и сент. 1724—1746). Применительно же к названным деятелям с их генетической меланхолией и депрессией, как подчеркивает автор, за них управляли всякие регенты, министры, многочисленный штат советников и т. д. (с. 44—49). Или, почему Карлос I иностранец? Потому, что едва знал испанский язык? Но это для него, пожалуй, мелочь: он его в итоге одолел. И для Испании он вовсе не чужеземец. Как это может быть, если его мать — королева Кастилии (1479; 1504—1516; 1555).

Адекватен исторической истине известный вывод о войне 1700—1714 гг., что она утвердила в Испании новую династию — Бурбонов. Второй — что «всемирная» держава, где «никогда не заходило солнце» перестала существовать (с. 34, 40), — не отвечает истине. Окончательно это произойдет через два века (см. гл. IV данного тома «Крушение империи»).

Юрчик подробно описала реформы при первых Бурбонах, но безотносительно развернутых характеристик реформаторов раннего Просвещения, государственных личностей, выдающихся администраторов, людей с интересными судьбами. Подобные зарисовки обогатили бы текст. Это можно было сделать хотя бы за счет пространного портрета М. Годоя (с. 165, 168, 171 и т. д.).

Встречаются в книге повторы-объяснения причин активизации хозяйственной деятельности первых Бурбонов (с. 46, 53, 121). Есть неточные переводы. «Colegios mayores» все же не «Большие коллежи» (с. 48), а «Высшие» или «Главные коллегии». Названия учебного заведения на английский манер «колледж» в Испании не было. «Goliillas» — принадлежность туалета не вообще чиновников, но чиновников-юристов. «Мудрым» был Альфонсо X, а Карлос III — «Благоразумным». Нет конкретики, что и как преподавалось в «коллежах», в каком направлении развивалось университетское образование, какое влияние на него оказали идеи Г. Гроция, Ф. Бэкона, Дж. Локка....

Нарушается стройность изложения. Логические неровности и композиционная небрежность также присутствуют в книге.

Второй этап преобразований в правление Карлоса III показан в некоей расплывчатой исторической обстановке. В целом, нет историко-общественной определенности, не понятно, какую Испанию застал на момент своего приезда в страну новый король.

Трактовка «Просвещенной политики» ограничивается преимущественно хозяйственной, в основном аграрной, на основе краткого пересказа «Проекта об Аграрной реформе» Г. М. Ховельяноса.

Хорошо, но слишком подробно, подан материал о культуре — литературной и художественно-изобразительной — который традиционно помещается в конце соответствующих разделов. В данном случае там расположена внешнеполитическая тематика. Налицо композиционный алогизм. При этом обойдены

вниманием воззрения просветителей. Даже Ховельяноса и Фейхó — главных теоретиков и философов Просвещения, от которых исходил импульс интеллектуального развития общества. Философия — тоже культура, только высшего уровня, ее основа.

Внешнеполитическая ситуация отображена О. В. Волосюк в 3-м разделе тома «Испания в системе европейского равновесия». В начале раздела опять повествуется о войне за испанское наследство, Утрехтском, Раштадском мирных договорах и отдельных частях трижды опубликованного одного и того же материала.

В отличие от предыдущего изложения повествование логически выстроено. Разными фрагментами его вполне можно включить в новейшее издание «Истории дипломатии» (М. 1959—1979), в котором слабо или вовсе никак не раскрыты многие вопросы взаимоотношений Испании с ее европейским окружением и Россией.

Автор, работая с дипломатической документацией, вскрыл семейно-династические связи европейских государей с испанскими дворами. Наиболее интересные материалы этого сюжета — о «дипломатическом регализме» графа Х. де Флоридабланка и о нем самом; «участии» Испании в войне за независимость США и установлении дипломатических отношений Испании и России.

Англофоб де Флоридабланка (1728—1808), авторитарный администратор во внутренней и внешней политике с неприязнью, проявлявшейся со времен Фелипе II, продолжил антианглийскую политику, что выразилось в парадоксальной поддержке католической Испанией борьбы протестантских колоний Англии в Новом Свете.

Дипломатические отношения Испании и России — сокращенный пересказ уже отрецензированной в РУДН и МГИМО (У) и исправленной книги «Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений» (РУДН. 2011).

Окончание XVIII в. — правление Карлоса IV — исследовано, как и большинство сюжетов, недостаточно. Поэтому не было надобности, в сущности, повторять известное: искусно написанный Майским портрет М. Годоя (1767—1851), хотя также добротен, но подробнее, чем следовало бы, изображен Юрчик. Ею впервые (приятно отметить) отчасти введены в научный оборот никем не исследованные в российской испанистике «Мемуары...» этого

фаворита (*valido*) королевского семейства, подчас весьма ловкого политика, попадавшего, тем не менее, вследствие интриг более искусственных в политике соперников в невыигрышные внутри- и внешнеполитические ситуации. Достоин сожаления, что из «Мемуаров...» М. Годоя, оказавшегося к тому же неплохим, но не во всем искренним писателем, особенно касательно представителей Просвещения, но, главным образом, отличавшегося безупречной нравственностью Г.М. Ховельяноса, приведены лишь две, однако великолепные цитаты, правда без указания страниц источника.

В испанской буржуазной, а вслед за ней советской историографии Годой показан пустым выскочкой, прежде всего, любовником Марии-Луизы, жены Карла IV (1748; 1788—1808). Юрчик дает более уравновешенную оценку королю, которого в национальной испанской и советской историографии безапелляционно считали редкостной бездарностью, единственной страстью которого была охота.

В революционные и наполеоновские времена у короля, пусть и не вполне выдающегося государственного ума, были, наверное, проблемы, гораздо серьезнее, чем эта забава. Карлосом IV и Годоем было сделано много полезного. Характеристики, данные им автором, — новый и более отвечающий существовавшим реалиям взгляд на них и их деятельность в исторической испанистике.

Новое слово, слабо звучащее в российской истории, сказано также о финансовом и экономическом кризисе в королевстве — одной из главнейших причин I Испанской буржуазной революции.

Крайне необходимая проблема, не решенная до сих пор в силу ее сложности, — эволюция воззрений национальных просветителей, в ходе которой могли зародиться конституционные идеи, трансформировавшиеся в революционные. Присутствующие фрагментарно у некоторых авторов, они не оформились еще в работах испанистов в труд об испанской революционной идеологии. Юрчик сделала попытку обобщить такого рода идеи, но ее обобщение слишком скромное. Другим, в сущности, оно и не могло быть. Крупных, опять-таки в сравнении с французскими мыслителями, радикально настроенных теоретиков и практиков в Испании были единицы, наиболее революционно ориентированным из которых был Х. Марчена.

Поэтому, нужна специальная работа, которая аккумулировала бы концепции, явившиеся

собой в совокупности идеологию не только конституционную, но и революционную — выход на первую в Испании революцию. Иначе не ясно, как без теоретической основы этот выход осуществился. Но, вместе с тем, учитывая сложность и невыразительность испанской хозяйственной и социально-политической ситуации, включая интеллектуально-теоретическую, невозможно отрешиться от старой непреходящей мысли, что на рубеже XVIII—XIX вв. «международная обстановка и действия правительства были главными причинами дестабилизации испанского государства» (с. 201), а Конституция 1812 г. — единственный документ, за воплощение идей которой в том или ином варианте боролись все национальные революции XIX века.

Из сугубо описательного материала, изложенного Волосюк, следуют два вывода. Во-первых, «Испания в орбите французской политики» оказалась неудачницей. Естественно, невозможно быть удачливым, находясь под давлением революции и оккупации. Во-вторых, во время Мальтийского кризиса, Павел I действовал безапелляционно. Это говорит о том, что борьба за остров и репутацию Ордена и самого Павла I привела в итоге «Испанию к разрыву отношений с Россией» (с. 197). То есть, с Испанией в канун XIX в. продолжали все меньше считаться как с серьезным партнером и соперником.

XIX в. освещен в отечественной испанистике меньше, чем XVIII. Сейчас к его изучению стало приобщаться молодое поколение историков, стремящееся осознать новые историко-общественные веяния применительно к истории Испании.

XIX в. начался с драматических и трагических событий. Наполеоновская Франция втянула Испанию в свои военно-политические авантюры, в результате которых вспыхнул мятеж против Годоя — олицетворения бедствий страны. Вслед за этим 19 марта 1808 г. последовало падение монархии Карла IV, но не «крах монархии», которая существует в Испании и теперь.

Государственная глупость испанского королевского семейства, агрессивное присутствие французских войск в стране до предела накалили обстановку. 2 мая 1808 г. Мадрид восстал. К вечеру войска маршала Мюрата подавили восстание, но оно положило начало национально-освободительной войне: материал, широко известный из истории и литературы.

Войну за независимость 1808—1814 гг. и правление Фернандо VII (1784; 1808, 1814—1833) (с. 211—252) исследовал успешно работающий испанист И. Медников. Написанные им главы оставляют неплохое впечатление. Рассматриваемый историком материал подан свежо. Дана правильная оценка положения в стране после майских событий: безвластие. Появившуюся в июле новую власть в лице Жозефа Бонапарта — брата Наполеона — и в виде Байоннской конституции, введившей ряд либеральных и полезных стране законоположений, народ отверг, как исходившую от захватчиков. Все острее чувствовалась необходимость единовластия, к которой народ привык, живя в условиях монархического режима. Требования сводились к утверждению на испанском троне неизвестного пока еще в его вероломстве Фернандо VII («Желанного»), сына Карлоса IV. Между тем, Центральная хунта, созданная (по тексту, неизвестно когда) вместо исчезнувшего правительства и принявшая на себя управленческие функции, а потом и Регентство, не справились, несмотря на заключенный с Великобританией союз, ни с наполеоновской оккупацией, ни с народными волнениями. Решено было создать Учредительные кортесы, на что автор не обращает внимания, для принятия конструктивных решений. Их видели в принятии Конституции. 19 марта 1812 г. первая в истории Испании Конституция была обнародована. Краткий ее анализ в тексте приведен.

В апреле 1814 г. объединенные силы испанцев, англичан и португальцев одержали победу над французами. Государственный суверенитет был сохранен, но страна вышла совершенно обессиленной из войны. Автор дал ее краткую историографию, единственную в томе, благодаря чему его текст выигрывает.

Говоря о деятельности Центральной хунты и Регентства, автор не сообщил, откуда взялись эти органы власти, почему и зачем были созданы. Видно, что автор не знаком с «Меморией...» Г.М. де Ховельяноса — важнейшим источником, где эти вопросы подробно рассмотрены. Но главное, о чем автор «забыл», это о том, что 1808—1814 гг. — это не только национально-освободительное движение, но и I Испанская буржуазная революция, что признавали великие испанские историки XIX и XX вв. (напр.: М. Лафунте, М. Менйндес Пидаль) и что фиксируют Протоколы Учредительных кортесов. В слу-

чае ее победы Испания становилась буржуазным государством, обретая новое общественное качество. Разве это не революция?

Сказав об армейских восстаниях 1814—1820 гг. с целью смены политического строя, стоило пояснить, что с них начинались все испанские революции, что они были непосредственными их инициаторами и наиболее активной силой, за неимением многочисленной смелой буржуазии.

1820—1823 гг. — II испанская революция, «революция Риего», в которой возникли две противостоявшие друг другу группы либералов: «умеренные» («*moderados*»), будущие консерваторы, и «восторженные» («*exaltados*»), будущие «прогрессисты», которым суждено было оспаривать свою позицию в течение почти всего XIX века.

Хорошо показанная автором революция не оправданно определена им как «либеральное трехлетие», что снимает ее революционную суть. «Священный союз» знал толк в опасностях, угрожавших монархиям, и не поднял бы усиленный армейский корпус против пустяковых (трехлетних) общественных беспорядков. Таким образом, заголовок противоречит содержанию текста. Или же автор и его соавтор А. Исэров противоречили сами себе, назвав в начале следующей главы события (1820—1823) либеральной революцией (с. 253). В свою очередь, Волосюк считает, что в 1820 г. победила испанская революция (с. 283).

В целом, сюжет («Крушение империи»), исследованием которой много занимался латиноамериканист М.С. Альперович, относится не столько к истории Испании, сколько к освободительной борьбе Испанской Америки. Он не лишний в томе, но авторы, по-моему, уделили ему переизбыток внимания. При этом упустили важную мысль, что судьбоносные для Испании события — результат двух первых революций. Воспользовавшись ее беспомощностью, колонии сравнительно быстро (за 20 лет) и легко, хотя и не без суровых боевых эпизодов (иначе не бывает), полностью освободились от метрополии.

Более важный материал вследствие своей малой известности изложен Волосюк в V главе «Испания и Россия в первой трети XIX в.». Текст не может не заинтересовать читающую публику хотя бы любопытными историко-биографическими вставками.

Событиям 1834—1874 гг., вместившим три революции, Юрчик и С. Ведюшкина, начинающий испанист, дали расплывчатое, «лите-

ратурно-романтическое», название: «революционные времена», «уточнив» «историческим» — «Испания при Изабелле II». Ни одна из происшедших в XIX в. революций определения «революция» не получила, но отображение революционных событий написано хорошим языком и в соответствии с истиной. События сводились к следующему. Согласно Прагматической санкции, трехлетняя Исабель провозглашалась королевой, а регентшей — ее мать Мария-Кристина. Брат покойного Фернандо VII дон Карлос-Исидро отверг состоявшийся акт престолонаследия и 1 октября 1833 г. объявил себя королем Карлосом V, призвав к оружию своих сторонников — карлистов, которыми были крайне консервативные слои населения, в основном сельские жители. Почти сразу в стране начались мятежи, переросшие в гражданскую войну и революцию, — движение, которому авторы главы Юрчик и Ведюшкина не нашли определения, хотя ее смело можно назвать III испанская буржуазная революция.

Чтобы не потерять трон, Мария-Кристина обратилась за поддержкой к либералам. В 1837 г. была восстановлена Конституция 1812 г., но с включением в нее ряда консервативных положений, что на практике, как справедливо отмечают авторы, закрепило «поворот от абсолютной монархии к конституционной». В итоге, гражданская война под названием I Карлистская, продолжавшаяся около 6 лет, закончилась примирением легитимистов, то есть сторонников Исабель и Марии-Кристины, и карлистов. В конце 1839 г. дон Карлос эмигрировал, и «абсолютистский произвол» на время сошел с политической сцены. Смешение двух движений, в котором преимущественную роль играло династическое, завершилось.

С 1840 г. начался новый этап этого движения — непосредственно революционный, без династической константы. Лидеры либералов — амбициозные генералы, регент Б. Эспартеро (1793—1879) и Р. Нарвэс (1800—1868) разошлись во мнении о предпочтительной в сложившейся обстановке форме правления. Эспартеро примкнул к прогрессистам, Нарвэс — к умеренным. Блестящему генералу, но слабому политику Эспартеро не удалось обеспечить обществу стабильность. В середине 1843 г. восстания, поддерживаемые Нарвэсом, вынудили Эспартеро эмигрировать в Англию. Режим прогрессистов не реализовался.

Вывод, что его развитию помешали не только государственная ограниченность Эс-

партеро, но и пронунсиамьенто Нарвэса авторами текста не сделан, нет оценки и его почти десятилетнего правления.

Нарвэс удалил прогрессистов от власти. Конституция 1837 г. была отменена, и обычные кортесы приняли в 1845 г. новую, консервативную, действовавшую 10 лет, дольше всех провозглашенных в стране. Стабилизации общества умеренные («модератос»), однако, не добились.

Очередное пронунсиамьенто, вызванное возраставшим в массах недовольством режима Нарвэса и последовавших за ним правительств, 28 июня 1854 г. возглавил генерал О'Доннель (1809—1867), «умеренный» «модератос», к которому не хотели примыкать более левые силы — прогрессисты и демократы. После провозглашенной 6 июля 1854 г. весьма либеральной «Мансанаресской» программы в стране началось восстание. Возглавить власть опять был призван Эспартеро. Были созваны Учредительные кортесы для выработки новой конституции, самой радикальной после Конституции 1812 года. Но крестьянские и рабочие восстания не дали возможности декларировать ее и намеченные прогрессистами мероприятия. Конституция осталась непровозглашенной, а революция незавершенной. Крупный английский историк-испанист В. Кирнан назвал ее IV испанской.

Правительственная «чехарда», сопровождавшаяся продовольственным кризисом, безработицей и налоговым гнетом, продолжалась до сентября 1868 г., пока не вызвала, по формулировке авторов, так называемую «Сентябрьскую революцию» (1868—1874), начавшуюся с пронунсиамьенто на флоте. Авторы главы называют ее также «Славной» по аналогии с английской 1688 года. Аналогии особой не видно, и в целом она некорректна.

Это была V, но буржуазно-демократическая революция, в ходе которой была провозглашена I Испанская Республика. Лучшие по этому вопросу работы принадлежат В.А. Тёмкину, который почему-то не был приглашен к написанию рецензируемой книги.

Испанская революция 1868—1874 гг. — необыкновенно противоречивая — не решила многих проблем и, прежде всего, аграрную и начинавшую все больше заявлять о себе — пролетарскую. Но она дала импульс капиталистическому развитию страны с множеством феодальных пережитков, сильнейшим сепаратизмом партий, автономией лидеров, чтобы в итоге быть подавленной

очередным пронунсиамьенто, восстановившим монархию. Обществу предстояло жить до конца века в обстановке стабильной Реставрации, смены правительств — либеральных, консервативных, возглавляемых относительно сильными политиками, доведших, однако страну до сильнейшего кризиса: потери последних заокеанских колоний и, прежде всего, Кубы.

XIX в. заканчивался для Испании «катастрофой 1898г». Проанализированная, сугубо

описательная часть труда, созданная новым поколением историков-испанистов, несмотря на многие смысловые, композиционные и организационные несовершенства, тем не менее, — первая в России серьезная работа, дающая комплексное, наиболее полное на настоящий момент представление об Испании XVIII—XIX вв. ее многочисленным российским поклонникам.

В.В. СУХОВЕРХОВ

В.А. ВАТЛИН. Советское эхо в Баварии. Историческая драма 1919 г. в шести главах, пяти картинах и двадцати документах. М. Новый хронограф. 2014. 464 с., илл.

На фоне масштабных юбилейных событий 2014 г., прошедшего для широкой общественности и исторической науки под знаком 100-летия начала первой мировой войны, 95-летие Советской Баварии осталось практически незаметным. В случае современного российского дискурса настойчивый поиск однозначно героических моментов «забытой войны» привел к неизбежной амнезии в отношении спорных страниц революционного прошлого. Книга Александра Ватлина стала приятным исключением: исследование гармонично вписывается в актуальные международные дискуссии об усвоении опыта первой мировой войны в межвоенной Центральной и Восточной Европе.

Представленная монография является результатом многолетних изысканий автора, в ходе которых был собран богатейший источниковый материал. Исследование базируется на документах российских и немецких архивов (самыми интересными и спорными являются следственные материалы), прессе и публицистике, опубликованных материалах, мемуарах, а также на обширной исследовательской литературе, которая анализируется автором. Наиболее яркие документы включены в соответствующие тематические разделы.

Читатель, не принадлежащий к академическим кругам, безусловно, простит автору некоторую небрежность в описании исследовательского инструментария, определенного как «традиционный анализ источников, выдержанный в хронологическом ключе», дополненный «картинами в жанре микроистории», а также «сознательной драматизацией обстановки, открывающей скрытые пружины произошед-

шего». На деле монография написана в духе так называемой «новой политической истории». Скорее художественно-публицистический, чем микроисторический стиль «пяти картин» позволяет автору создать нужный эмоциональный фон, переносящий читателя с уровня фактологического описания к трагедии действующих лиц.

В целом, исследование человеческого измерения революции является одним из основных тематических полей в монографии. Согласно автору, к началу весны 1919 г. (на излете революционного подъема) «профессиональные» революционеры со всей Германии (и Европы) сконцентрировались в Баварии в надежде вернуться в водоворот событий, а некоторые — рассчитывая на мифические русские деньги. Образ «спартаковца с рюкзаком», особенно выходцев из бывшей Российской империи, которым было все равно, где устроить смуту, во многом дискредитировал деятелей Баварской советской республики в глазах местного населения и сыграл на руку контрреволюционной пропаганде. Автор живописно рисует серию портретов участников коммуны — от убежденных идеологов, фанатичных сторонниц эмансипации, витающих в облаках художников богемного Швабинга, молодых безработных, демобилизовавшихся солдат первой мировой войны до тщеславных карьеристов, авантюристов и мошенников. Именно кадровый голод стал одной из причин административного хаоса и разнонаправленных спонтанных мер, включавших самодетельные реквизиции, объявление всеобщей забастовки, запросы финансирования из Берлина и т.п. Большинство мероприятий, особенно в сфере финан-

сов, было нацелено на долгосрочную перспективу, в которой Баварской республике отказывали и потенциальные союзники, и враги. Сомнения в жизнеспособности проводимого советского эксперимента определили действия руководства общегерманской КПГ, которое, по сути, бросило южно-немецких коммунаров на произвол судьбы; позицию местных чиновников, остававшихся на своих постах и игнорировавших распоряжения новых властителей; поведенческие стратегии баварского крестьянства, апатично отнесшегося к предлагаемым переменам.

И если «красный» террор автор характеризует как относительно бескровный: жертвами самого громкого массового расстрела, позиционированного как месть за своих, стали 10 заложников в гимназии Луитпольда, то «белый» террор превзошел все мыслимые масштабы: помимо жертв военных действий и исчислявшихся сотнями внесудебных расстрелов, около 100 тыс. человек ($\frac{1}{6}$ населения Мюнхена) прошли горнило тюрем, судебных процессов и проверок за свои мнимые или настоящие симпатии к красным. Тщательные зачистки, и это мало отраженный в историографии вопрос, проводились в городах и деревнях вплоть до австрийской границы. Но даже тем деятелям БСР, кому удалось вырваться из контрреволюционной Баварии, было суждено попасть позже в жернова нацистского или сталинского террора.

В отличие от предшественников автор исследования максимально выпукло представляет действия социал-демократического берлинского правительства, допустившего бойню из собственных политических расчетов: подавить последний очаг красных, повлиять на страны-победительницы представлением Германии в качестве европейского форпоста на пути большевизма, а также покончить, наконец, с баварской вольницей. И хотя сам автор считает прямую взаимосвязь между кровавым

подавлением красной революции в Мюнхене и превращением Баварии в оплот революции коричневой известным упрощением, многие промежуточные выводы книги наталкивают именно на эту мысль.

Метафора «советское эхо» является удачным ответом автора на главный вопрос исследования о степени взаимовлияния российской большевистской и баварской моделей реализации революционных экспериментов. Активное использование и советской, и баварской стороной репрезентаций друг друга покоилось на обманчивых представлениях о происходивших в другой части Европы событиях, что являлось результатом нарушенной коммуникации, стремления выдать желаемое за действительное, пребывания в иллюзорной реальности. Ни сгушавшиеся белой пропагандой слухи о щедром финансировании южнонемецких революционеров со стороны Советской России, ни воображаемая возможность реализации указаний большевиков из Москвы в условиях баварской коммуны на самом деле не соответствовали действительности. Тем не менее, автору удается проследить общую логику развития революционных событий в двух странах: неожиданно легкое свержение тысячелетних монархий, эйфория победителей и обманчивая уверенность в сохранении единства, обострение партийной борьбы с введением демократических процедур. С другой стороны, исследователь убедительно реконструирует разнонаправленность процессов: различное понимание и воплощение идеи советов, решающую роль вопросов войны и мира, специфику двоевластия. Подобное помещение исследуемых процессов и событий в общеевропейский послевоенный контекст, а также в «longue duree» революций является несомненным плюсом авторского анализа.

О. НАГОРНАЯ

E. de WARESQUIEL. *Fouché: les silences de la pieuvre*. Paris. Tallandier-Fayard. 2014. 882 p.

Э. де ВАРЕСКЬЕЛЬ. *Фуше: молчание спрута*. Париж. Талландье-Файяр. 2014. 882 с.

Политические институты Франции в эпоху Консульства и Империи стали прямым продолжением институтов Конвента и Директории.

Естественным образом вчерашние лидеры народного протеста и участники революционных ассамблей при Консульстве не только вновь

заявляли важные должности, но показали себя как превосходные государственные функционеры или талантливые полководцы¹. В полном соответствии с заявлениями, сделанными сразу после брюмерианского переворота, первый консул Бонапарт приглашал на службу представителей разных политических течений². На общем фоне тех наполеоновских администраторов и министров, которых принято было считать убежденными республиканцами, особо выделялась персона Жозефа Фуше. Фуше — выходец из семьи нантских буржуа, преподаватель коллежа Ораторианцев, впоследствии член Конвента и «цареубийца», проконсул Нанта, Невера и Мулена, «лионский палач», один из участников термидорианского переворота и подлинный кошмар Наполеона, министр при всевозможных политических режимах, основатель и изобретатель полиции современного типа, теоретик, но, вместе с тем, смелый авантюрист и человек действия. Феномен Фуше уникален, ибо на его примере мы наблюдаем, как убежденный революционер, приложив все усилия для разрушения существовавшего строя, в первые годы XIX в. превратился в государственного функционера, применявшего весь свой политический опыт для защиты нескольких правящих режимов от любых посягательств.

Один из признанных французских мастеров жанра исторической биографии Эмманюэль де Варескьель представил вниманию читателей новое сочинение о жизни Жозефа Фуше, подготовленное и опубликованное совместно издательствами «Талландье» и «Файяр». Специализация Варескьеля — французская история первых десятилетий XIX в., а принадлежащие его перу сочинения о герцоге Ришелье, Ш.-М. Талейране и периоде Реставрации Бурбонов получили высокую оценку научного сообщества³. Подлинный знаток французских архивов, Варескьель заглядывает в самые потаенные закоулки жизни Ж. Фуше, о котором за двести с лишним лет высказано много противоречивых мнений. Благодаря бесчисленным архивным фондам, большая часть из которых никогда не издавалась, автор рисует совершенно новый портрет Фуше, который избавлен от оценок романтической историографии XIX века. Оговоримся, что исторических биографий во Франции выходит великое множество, но далеко не каждая из них является плодом многолетних архивных изысканий, как рассматриваемая нами книга Варескьеля.

По поводу своего отношения к историческим биографиям Варескьель уточняет, что этот жанр, по его мнению, большая иллюзия, поскольку он гораздо значительнее, чем просто жизнеописание того или иного персонажа, а автору биографии следует считаться и с реальным историческим временем, и с причудами исторической памяти (с. 13). Сам автор открыл для себя Фуше в юности, читая романы Бальзака, и уже тогда этот персонаж заинтересовал его, так как «в эпоху революционного разрыва и создания нового порядка он относился к числу тех, кто изобретает новые правила игры, не дожидаясь конца уже начатой партии» (с. 14). Как представитель французской аристократии, Варескьель отмечает, что, кроме всего прочего, он вынужден был «победить историческую память своей собственной семьи», для которой Фуше представлялся традиционно в самых мрачных тонах, как губитель Лиона и сподвижник Бонапарта.

Варескьеля привлекла и чрезвычайная гиперболозация «черной легенды» о Ж. Фуше: в 1815 г. ради сохранения чинов и званий он присягнул Людовику XVIII, тогда как двадцатью годами раньше клялся в ненависти к королевской власти и голосовал за смерть Людовика XVI. Эта особенность исторической памяти связана, по мнению историка, с тем, что у истоков этой легенды стояли такие фигуры как Шатобриан и Наполеон, уже в 1810-х и 1820-х гг. нелестно отозвавшиеся о бывшем министре полиции. Не менее солидным в создание этой легенды был вклад и Ж. Мишле, писавшего о Фуше, как о «священнике-атеисте», «отчаянном бретонце» и «школьном педанте», доказывавшем, что «отвратительные черты внешности» этого человека отражали его внутренний мир. Этой концепции следовал в своих исторических сочинениях и А. Тьер (с. 17). Из историков только Луи Мадлен в своей диссертации о Фуше (1900 г.) поставил под сомнение все эти определения, обратившись к историческим источникам, которые подчас уточняли известные факты, а то и меняли устоявшиеся точки зрения. Отметим, что в XX в. именно сочинение Мадлена достаточно долго оставалось классической версией жизни и деятельности Жозефа Фуше.

Структура монографии такова, что периоду в жизни политика вплоть до августа 1799 г., когда он впервые возглавил Министерство полиции, и позднему периоду (в том числе отставке и жизни в эмиграции), посвящен

ны неравномерные части: первому (революционному) периоду — 240 страниц и второму — более 420. Сам автор объясняет это тем, что он не считает себя специалистом по революционному периоду. Тем не менее, важным достоинством труда Варескьеля является то, что он подробно повествует обо всей карьере Фуше и параллельно так же подробно рассматривает эволюцию его политических взглядов, политической доктрины. Варескьель показывает, как в период после казни короля, Фуше, еще малоизвестный депутат от Нанта, выступал в печати с интерпретацией этого события в терминах «общественного порядка» и «гражданского мира». Кровь монарха должна была, по мысли Фуше, послужить неким цементом для единства республики, единства нации, более не нуждавшейся в фигуре монарха, а нация должна была наконец воссоединиться с государством: «Народ — суверен, нация — это государство» (с. 84—85). В этот период уже наметилось расхождение Фуше с жирондистами и его сближение с Горой и эбертистской Коммуной Парижа. Обращает внимание Варескьель и на такой важный аспект как представления молодого члена Конвента о своем народе. Биограф упрекает Фуше за его весьма смутное представление о французском народе и политических активистах: «Народ, которого встретит Фуше в миссиях в Невере, Мулене и Лионе, — это мелкая санкюлотствующая буржуазия якобинских обществ, секций, революционных комитетов, активное меньшинство, которому он собирался служить и на которое желал опираться... представляло собой не более 5—10% всего населения страны, в то время достигавшего 26 миллионов человек» (с. 89).

Первая миссия Фуше весной 1793 г. в его родном Нанте оказалась матрицей для всех последующих миссий, но еще не отличалась ни рвением в области борьбы с религией, ни обилием расправ с политическими противниками. Важнее, как показывает Варескьель, понять схему действий Фуше в миссии: здесь сочетались исключительно авторитарные методы руководства, вражда с прежними муниципальными властями, нескончаемый поток революционных речей и отчетов в адрес Конвента, подготовка будущих кадров террора (которыми воспользуется позже другой проконсул — Каррье) и даже покровительство в продвижении по службе родственников по линии жены. Важно и то, что Фуше в Нанте старался не вмешиваться в дела военных, осторожно и

мудро, не нарушая пределов своей компетенции, даже когда войска вандейцев были хорошо различимы с городских башен (с. 97).

Главный для любого биографа Жозефа Фуше вопрос — степень его вины за кровавые расправы в Лионе в 1793—1794 гг. — Варескьель не обходит стороной, но отвечает на него, оставляя читателю возможность самому сделать окончательный вывод. Именно оказавшись в миссии в Лионе, по его мнению, член Конвента Фуше впервые так глубоко окунулся в дела управления и начал получать наслаждение от обладания властью, Террор же, как это ни странно, оставался для него не более чем вопросом административным и статистическим (с. 157) и, в целом, автор соглашается в данном вопросе с Мишле, который писал, что Фуше был абсолютно хладнокровен и во всех своих поступках руководствовался только точным деловым расчетом. В период пребывания в миссии в Лионе он занял один их самых роскошных особняков эпохи Людовика XV, где жил, изолировав себя от местного общества, широко пользуясь всеми необыкновенными возможностями, которые предоставляло ему высокое положение «проконсула», хотя позднее и опровергал все эти факты (с. 155—156).

После отзыва из Лиона весной 1794 г. оказавшись вновь в Париже и ощутив недоверие и даже презрение Робеспьера, Фуше, испугавшись, попытался восстановить свое реноме среди членов Якобинского клуба (отчасти успешно), но довольно скоро оказался среди главных заговорщиков — будущих термидорианцев. Отношения между Робеспьером и Фуше Варескьель освещает в традиционном ключе, не вдаваясь в дополнительные детали, отчасти потому, что этот вопрос разбирался в историографии уже достаточно подробно⁴.

В роли министра полиции при Консульстве и Империи, как показывает Варескьель, Фуше был надежной опорой для первого консула в том, что касалось борьбы с мятежниками в Вандее и заговорщиками-роялистами, но вел собственную игру в прессе, вослевав при этом переворот 18—19 брюмера и его триумфатора, попутно регулируя общественное мнение в отношении собственной персоны. На протяжении всей книги Варескьель подчеркивает уникальную способность бывшего члена Конвента создавать и направлять в выгодное для себя русло общественное мнение. По мнению осведомленных современников, когда общество полагало, что Фуше — это «чело-

век, который знает обо всем», на самом деле оно было умело загипнотизировано усилиями министра полиции, который как раз и добивался создания для себя именно такого реноме. В публичных декларациях для печати Фуше всегда сознательно преувеличивал заслуги своего ведомства (с. 333).

В другом случае — в вопросе об амнистии эмигрантов — практичный и расчетливый Фуше «внезапно» оказался чрезвычайно снисходительным и отстоял коллективное действие амнистии для всех, хотя Бонапарт придерживался необходимости разбирать каждый случай возвращения из эмиграции в отдельности (с. 281—282). Автор замечает, что ключ к раскрытию этого противоречия в отношениях с аристократией и эмигрантами подает нам сам Фуше: в позднейших беседах он разделял всех якобинцев на «демагогов» и «аристократов». К числу последних он относил и самого себя (с. 434).

Вся жизненная драма Фуше, по мнению Варескьеля, состояла в том, «чтобы оставаться у власти во имя Революции, и, чтобы сохранить все ее завоевания, он вынужден был желать предать ее полному забвению вплоть до самых ее истоков» (с. 420). Несмотря на мнения современников, полагавших, что бывший член Конвента создавал исключительно политическую «инквизицию», на самом деле, Фуше, как отмечает автор его биографии, был родоначальником современного аппарата полицейского сыска, хотя его собственные интересы не во всем совпадали с интересами правительства.

Автор изящно вплетает в биографию Фуше сведения о семье, родственниках, привычках и житейских заботах этого человека. Так, мы узнаем, что этот дотошный, педантичный человек имел привычку работать днем и ночью, отличался решительностью, скрупулезностью, методичностью в любых условиях и никогда не пропускал важных деталей. Во многих запутанных делах он не полагался на подчиненных и выполнял огромную часть работы сам. Так, например, в деле о памфлетистах (1802 г.) Фуше лично сравнивал все типографские шрифты из г. Ренна, чтобы выявить, где находятся возмутители спокойствия. В деле о взрыве на Сен-Никез он изучал цвет и вид редингота подозреваемого в террористическом акте против первого консула (с. 331). То, действительно, была работа опытного сыщика, но никак не политического инквизитора.

Портрет Фуше кисти Варескьеля — это не портрет одного человека, а скорее портрет коллективный, где, то и дело, проявляются более или менее влиятельные члены команды министра, его личные враги и союзники. Упомянем, например, чрезвычайно влиятельного чиновника (долгое время заместителя министра и руководителя секретной полиции) Демаре, выполнявшего роль «alter ego» Фуше. Именно благодаря таким советникам и помощникам созданная Фуше система оказалась весьма устойчивой и пережила своего создателя (с. 329).

Варескьель подробно рассказывает о самых известных подвигах Фуше на посту министра полиции. С самого начала правления Бонапарта бывший член Конвента постоянно оказывался на первом плане политической сцены и вынужден был доказывать и свой сыскной профессионализм, и свою лояльность правительству, и свою беспощадность к бывшим товарищам по якобинскому клубу. Дело о покушении на Бонапарта на улице Сен-Никез было первым таким случаем, но далеко не последним. Общественное мнение открыто обвиняло якобинцев в заговоре против первого консула. Старые друзья Фуше (Реньо, Редерер) тоже выступили против своего друга и соратника, Талейран и вовсе предложил расстрелять его без суда. Первый консул требовал «голов этих сентябристов»⁵. В итоге, несмотря на то, что покушение готовили роялисты, депортированы без суда были 93 республиканца, а не 122, как полагали первоначально: по мнению Варескьеля, Фуше, несмотря на давление сверху, сумел помешать высылке многих своих политических соратников⁶.

Варескьель не оставляет без оценки и другой, более важный эпизод из биографии Фуше. Он полагает, что в деле об убийстве герцога Энгиенского, роль Фуше (в тот момент не министра, а сенатора) не стоит преуменьшать. По новым архивным находкам Варескьель скрупулезно восстанавливает обстоятельства гибели герцога Энгиенского и приходит к однозначному выводу, что подлинными его убийцами — те, кто хотел крепко связать восшествие на императорский трон Бонапарта с преступлением, то есть, не дать первому консулу сыграть роль французского Монка и исключить реставрацию Бурбонов в реалиях 1804 года (с. 394—395). Таким образом, автор солидаризируется с хорошо известной оценкой этого дела Камбасереса и подчеркивает, что ключевая роль в подготовке убийства герцога принадлежала Мейе де ля

Тушу — бывшему якобинцу и давнему приятелю Фуше. С помощью этой интриги Фуше желал, во что бы то ни стало, вернуться к власти. Вместе с тем, документов, прямо изобличающих Фуше, так и не обнаружено. Как замечает Варескьель, Фуше периодически тщательно уничтожал свои архивы⁷. С другой стороны, главным получателем выгод от различных афер с имением и имуществом генерала Моро, уличенного в нелояльности к режиму Первого консула, оказался Фуше. Именно после раскрытия заговора Кадудалья-Пишегрю и убийства герцога Энгиенского в марте 1804 г. Фуше непрерывно агитировал за установление во Франции наследственной империи, что не мешало ему все последующие годы с презрением относиться как к институту императорского двора в целом, так и к новым дворянским титулам и дворцовым церемониям. В целом, как показывает в книге Варескьель, по своим политическим взглядам он был весьма похож на либералов первой половины XIX в. и находился по убеждениям гораздо ближе к Ф. Гизо или А. Тьеру, нежели к Робеспьеру и другим представителям якобинизма. Такие оценки деятельности и взглядов Фуше можно отнести к новаторству, основанному на доскональном знании автором архивных источников.

Возвращение Фуше в Министерство полиции в 1804 г. произошло уже после провозглашения империи. Автор подчеркивает, что настоящим автором нового проекта Министерства полиции был вовсе не сам Фуше, а П.Ф. Реаль. Кроме того, для надежного наблюдения за министром (которому Наполеон более не доверял в такой же степени, что и прежде) в министерство были направлены Мио де Мелито и Пеле де ля Лозер. Пребывание Фуше в роли министра также «омрачалось» наличием разного рода конкурентов. Так, по воле императора, префект полиции Парижа Дюбуа не подчинялся напрямую министру, а отчитывался перед Наполеоном. В 1808 г. это сыграло злую шутку с префектом: желая скомпрометировать Фуше, Дюбуа утаил все секретные сведения о первом заговоре генерала — республиканца Мале — который, по некоторым сведениям, был всего-навсего «заговором на бумаге», без реального содержания. Фуше стремительно разобрался с мнимыми заговорщиками, несмотря на интриги префекта парижской полиции, а Дюбуа был посрамлен в своей неудавшейся интриге. Таким образом, благодаря наличию

большого количества своих доверенных людей в аппарате министерства (таких как ответственный за печать и цензуру Демаре) и за его пределами, Фуше обладал существенным влиянием на принятие решений по вопросам внешней и внутренней политики в целом — подтверждает устоявшееся мнение Варескьель.

К 1810 г. всемогущий министр распространил свою власть на 120 департаментов с населением в 40 млн человек. Контроль над общественным мнением в 1804—1810 гг. оставался важнейшей функцией министерства: «Фуше, как заботливый врач, вновь и вновь бесконечно проверял пульс своего пациента, чтобы распознать малейший симптом начинающейся лихорадки». По мнению Варескьеля, идеал полицейского ведомства для Фуше — это не репрессивный аппарат давления, как часто пытаются изобразить Министерство полиции наполеоновской эпохи, а «полиция общественного мнения» (*police de l'opinion*), какой она стала, эволюционируя при нескольких парламентских и либеральных режимах в XIX веке.

Умеренность самого Фуше в вопросах цензуры, его откровенное нежелание установить тотальный контроль за прессой, театрами и «болтовней» подданных, излишняя самостоятельность министра, ставившие часть причиной разногласий всевысильного министра и императора французов. Цензоров в газеты направлял лично Наполеон без согласования с министром полиции. Итогом разногласий стало создание императором в 1810 г. в Министерстве внутренних дел (а не в Министерстве полиции) управления по цензуре, что еще до отставки самого министра положило конец контролю Фуше за прессой. И все же до 1810 г. Фуше пользовался практически неограниченной властью в вопросах печати и цензуры: «Весь цвет французской литературы томился у него в приемной, ожидая приглашения на еженедельную встречу, посвященную статьям, чтению рукописей или запрету пьес» (с. 415).

Варескьель напоминает, что министр полиции при Наполеоне (как и во времена Директории) располагал несметными суммами для поддержки литературы, актеров, драматургов и журналистов: это были средства, получаемые от всевозможных лотерей и игорных домов⁸. Впоследствии Гизо, в молодости также входивший в орбиту лояльных к министру полиции публицистов, констатировал, что «Фуше играл роль Мецената... он имел достаточно тонкий ум, чтобы примириться и склонить на свою сторону литераторов и, в то же

время, любить тот вид власти над словами, которым только они и располагают» (с. 416).

Как демонстрирует в своем исследовании Варескьель, Фуше руководил не только полицейскими операциями: Министерство полиции располагало в годы Империи обширными полномочиями, которые касались всего, вплоть до политики государства в области труда и заработной платы. Фуше наставлял префектов, что подавление вспышек недовольства должно происходить максимально незаметно, а цель местной власти состоит в том, чтобы подданные были уверены, что Франция — умиротворенное государство без единого намека на политические разделения и «дух партий». Для этого префекты должны были управлять мудро и толерантно, а также предать забвению революционное прошлое всех подданных во имя любви «к общественному благу». Особое внимание министр обращал на Париж, поскольку слишком хорошо знал, к чему могут привести восстания в столице. Именно поэтому он надзирал за динамикой цен и заработной платы, и стоило только в 1806 г. заколебаться парижскому префекту в вопросе возврата к дореволюционному режиму работы для строителей столицы, Фуше немедленно отменил данную меру. Варескьель уверен, что Фуше и был классическим представителем столь редкой разновидности политиков, которую часто именуют «стальная рука в шелковых перчатках»⁹.

Вместе с тем, министр полиции наблюдал не только за роялистами и мнимыми заговорщиками: вся личная жизнь Талейрана легко реконструируется именно по секретным бюллетеням Фуше, организовавшим за ним слежку (с. 435). Мотивы недоверия к высшим чиновникам Империи и, еще чаще, соперничества за влияние при принятии решений, толкали министра полиции на создание своей собственной международной сети корреспондентов и агентов. В критические моменты для Империи Фуше вел двойную игру (как и Талейран), и в определенный момент эта игра даже могла казаться ему успешной. Однако Варескьель не подвергает пересмотру установившиеся в литературе точки зрения относительно причин и обстоятельств падения и изгнания Фуше. Влияние Фуше достигло своего апогея в 1809 г., но неудачные и авантурные переговоры с Лондоном, проводившиеся без санкции императора в надежде сохранить мир на континенте путем сделки между Францией и Англией, оказались безуспешны, что и при-

вело в 1810 г. к отставке некогда всесильного министра.

Финал политической карьеры Фуше пришелся на лето и осень 1815 года. Но, прежде чем покинуть политическую сцену, как показывает Варескьель, в тесном контакте с венским кабинетом Фуше приложил титанические усилия по предотвращению возврата Бурбонов после бегства короля в Гент. Во Франции он представлял, таким образом, группу прагматиков, выступавших за единственный компромиссный вариант, гарантировавший сохранение завоеваний революции без новых политических потрясений, — приглашение на трон герцога Луи-Филиппа Орлеанского. Также министр полиции лично руководил интригой, способствовавшей второму отречению Наполеона. 22 июня 1815 г. Фуше и Коленкур привезли отречение Наполеона в Палату. Именно благодаря Фуше попытки бонапартистов провозгласить императором Наполеона II провалились, армейские части были нейтрализованы с помощью Даву, а части национальной гвардии, собиравшиеся отступить в Париж, были попросту подкуплены агентами на деньги Лафитта. Вместе с тем, уже президент Временного правительства, Фуше, без одобрения своих коллег провел переговоры с Бурбонами. После возвращения Людовика XVIII в Париж Фуше вновь, в пятый раз, но совсем ненадолго, стал министром, однако, его политическая карьера близилась к завершению: Людовик XVIII сначала назначил его французским посланником в Дрездене (сентябрь 1815 г.), а в январе 1816 г., после издания акта об изгнании из Франции «цареубийц», бывший член Конвента потерял свою последнюю государственную должность. Заметим, что в интерпретации Варескьеля все интриги Фуше в 1815 г. выглядят не авантюрами, а весьма сложными комбинациями с участием ведущих министров европейских монархий.

Так или иначе, Варескьель предлагает нам посмотреть на Фуше новым свежим взглядом, отказавшись от привычных стереотипов, не только как на создателя полиции современного типа, революционера или придворного интригана, но и как на одного из подлинных архитекторов новой Франции. Кроме того, автор жизнеописания ловко выводит фигуру Фуше из «тени» императора Наполеона и не менее уверенно критически разбирает «черную легенду» Фуше, которую он считает только данью романтической историографии первой половины и середины XIX века.

Громадный труд Эмманюэля де Варескья — это настоящая энциклопедия «мира» Жозефа Фуше, подобная его же более ранней работе о Талейране (2003 г.). Жизнеописание Фуше снабжено солидными текстуальными приложениями, генеалогическими таблицами, научным аппаратом, подробным списком источников и обширной библиографией. Особенно важно подчеркнуть, что впервые такой глубокий знаток эпохи как Варескья, на протяжении одного десятилетия создает вторую фундаментальную биографию одного из ведущих персонажей политической истории Европы конца XVIII — начала XIX века. Книга Варескья, если и не меняет полностью наши представления о многоликом Жозефе Фуше, то уж точно помогает расставить точки над «i» во многих эпизодах из истории революционной и наполеоновской эпохи. В книге Варескья мы видим неожиданно актуальный и современный портрет Фуше-политика. Судя по всему, это сочинение также имеет все шансы попасть в число французских бестселлеров по исторической тематике последних лет.

А.А. МИТРОФАНОВ

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

1. ТЮЛАР Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М. 2009. с. 89, 92—93, 95—96.
2. ЛЕНЦ Т. Наполеон. М. 2008, с. 61—63.
3. WARESQUIEL E. de. Le duc de Richelieu 1766—1822. P. 1990; EJUSD. Histoire de la Restauration 1814—1830. P. 1999; EJUSD. Talleyrand: le prince immobile. P. 2003; EJUSD. Un groupe d'hommes considerables: Les pairs de France et la Chambre des pairs hereditaire de la Restauration 1814—1831. P. 2006; EJUSD. Cent Jours: la tentation de l'impossible, mars-juillet 1815. P. 2008.
4. MADELIN L. Fouché. 1759—1820. P. 1900; COLE H. Fouché: the unprincipled patriot. L. 1971; ARNOLD E. Fouché, Napoleon, and the general police. Washington D.C. 1979; TULARD J. Joseph Fouché. P. 1998; ЕГОРОВ А.А. Жозеф Фуше. Ростов-на-Дону. 1998.
5. Напоминание о событиях 2—5 сентября 1792 г. в Париже, массовой резне в тюрьмах, произошедшей при подстрекательстве Коммуны и полном бессилии Законодательного собрания помешать происходящему. Погибло до 1,5 тыс. чел., не имевших никакого отношения к политике. Террористический акт 3 нивоза 9 года на улице Сен-Никез, по мнению Бонапарта, мало отличался от сентябрьской резни.
6. Ж. Тюлар полагает, что Фуше гарантировал Бонапарту жесткий контроль над якобинцами в стране уже в декабре 1800 года. У Варескья таких утверждений нет, зато есть подозрение, что в октябре-ноябре 1800 г. Фуше вел секретные переговоры с Людовиком XVIII о том, чтобы в официальной переписке с Бонапартом он не отказывался от своих прав на престол. См.: ТЮЛАР Ж. Ук. соч., с. 106.
7. В современной отечественной историографии этот эпизод не был проанализирован по архивным источникам, отчего роль Фуше в убийстве герцога Энгиенского сводится до роли ничтожного наблюдателя за событиями. Автор российской биографии Фуше нередко использует его же «Мемуары» в качестве исторического источника. См. например: ЕГОРОВ А.А. Ук. соч., с. 193.
8. Впервые рассказывается в книге и о таком важном аспекте, как колоссальные секретные дотации парижским театрам и газетам, достигавшие десятков и сотен тысяч франков. Смета доходов и секретных расходов Министерства полиции в 1805 г. дает хорошее представление о пределах полномочий Жозефа Фуше. Доходы от игровых заведений составляли 4 400 000 франков в Париже и 700 000 в провинции, из числа которых Наполеон предоставлял в распоряжение министра 4 620 000 франков. Из этой суммы 1 200 000 выделялся на театры Парижа в качестве «субвенций», 50 000 — газете «Монитор», как официальному изданию правительства, 22 000 — на иностранные газеты (на подписку и поддержку разными способами) и 48 000 франков — бюро по контролю за литературными произведениями (с. 410). Личные официальные доходы Фуше колебались от 210 до 310 000 франков. О пропагандистской составляющей в работе Министерства полиции см.: PROMYSLOV N. The image of Russia in French public opinion, 1811—1812. — Kritika. 2014, т. 15, № 2, p. 235—262.
9. Ж. Тюлар рассказывает об этой забастовке строительных рабочих Парижа подробнее, но не связывает удачное и компромиссное решение этого кризиса с именем министра полиции. См.: ТЮЛАР Ж. Ук. соч., с. 196, 412.

Contents

Articles: **S.E. Fyodorov**. What was hidden under a term “aristocracy” in XVIIth century. Historical profiles: **M.V. Kovalev**, **V.S. Mirzekhanov**. David Davidovich Grimm. Publications: **V.L. Chenakal**. Optical instruments Simon Plossl in Russia in the first half of the XIXth century. (The publication was prepared **E.M. Lupanova**). Contributions: **G.N. Ulianova**. Upper Rows of stalls in the Red square in Moscow in XIXth and early XXth centuries; **M.S. Shapovalov**. Jewish question in British parliament in 1900—1917; **K.B. Nazarenko**. The administrative system in Russian Finland in 1760—1810. Diplomacy in history: **A.V. Zboyev**. The position of participants of the anti-Hitler coalition on the issue of air bombing of Bulgaria in 1943—1944. Debatable issues: **A.N. Nesterenko**. False narrative biography of Alexander Nevsky in the national historiography. History and fates: **I.V. Obiedkov** Aleksey Alekseevich Brusilov in the Corps of pages. 1967—1872. People. Events. Facts: **A.N. Eremeeva**. Resort projects of the Kuban region and Chernomorskaya governorate of the challenges of the wartime (1914—1917); **F. Bakhshaliyev**. Establishment of Russian settlements in Azerbaijani village and their further situation. From history of religions: **O.V. Serova**. Relations between Russia and Sacred Throne. Historiography. *Reviews on books*: The history of Spain. From the war of the Spanish succession until the beginning of the 21st century (by V.V. Sukhoverkhov); *V.A. Vatlin*. The Soviet echoes in Bavaria 1919. Historical drama in six chapters, five paintings and twenty documents (by O. Nagornaya); *E. de Varesquiel*. Fouche: the silence of the octopus (by A.A. Mitrofanov).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 1, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.12.2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 18-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

